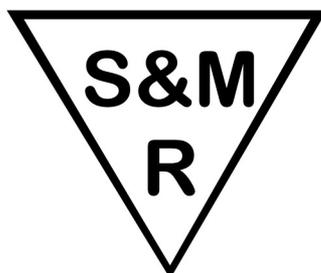

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
 ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

ТЕЛЕСКОП

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований

Информационный партнер Санкт-Петербургской ассоциации социологов

основан в 1997 году

2012 — 03(93)

E-mail: red_tel@mail.ru

<http://www.teleskop-journal.spb.ru>

Содержание

Типично нетипичная история	
Михаил Тарусин, Институт общественного проектирования.....	2
Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью	
Дмитрий Шалин, Университет Невады.....	8
К дискуссии о соотношении "субъективного" и "объективного" в биографическом нарративе	
Андрей Алексеев, независимый исследователь.....	18
"Острова в океане": проблемы массовой коммуникации в социальной теории	
Олег Манаев, Белгосуниверситет, Наталья Манаева и Дмитрий Юран, ФФСН БГУ, Университет Теннесси.....	20
Постпросмотровый синдром	
Дмитрий Рогозин, МВШСЭН.....	27
Новые размышления о публике	
Евгений Дуков, Государственный институт искусствознания.....	31
Художник и власть на сломе эпох. (Режиссер Марк Захаров и другие)	
Виталий Дмитриевский, Государственный институт искусствознания.....	36
Оценка коммуникативных качеств виртуального собеседника на основании ника и аватара	
Дарья Быльева, СПб государственный политехнический университет.....	45
Тайное оружие PR-специалистов fashion-рынка (обзор популярных PR-инструментов на примере анализа информационной активности джинсовых брендов)	
Наталья Стенина, Лилия Глазова, PR News	48
История нашей социологии — свидетельства действующих лиц	
Олег Божков, Социологический институт РАН.....	51

Редакционный совет:

Виктор Воронков

Центр независимых социологических исследований

Борис Докторов

независимый исследователь

Ирина Елисеева

Социологический институт РАН

Николай Скворцов

факультет социологии СПбГУ

Учредитель и редактор — Михаил Илле

Михаил Майор

Университет гражданской авиации

Роман Могилевский

Агентство Социальной Информации

Татьяна Протасенко

Социологический центр «Мегаполис»

Владимир Сергеев

исследовательская фирма «СНИЦ»

Николай Ядов

компания «Той-Опинион»

Издание выходит 1 раз в два месяца
 © «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований
 © Авторы публикаций
 Статьи публикуются в редакции авторов
 При использовании материалов обязательна ссылка на журнал и источник информации

Свободная цена
 Издатель - Михаил Илле
 Дизайн обложки : Владимир Сергеев
 Поддержка сайта: Константин Дивисенко
 Верстка: Алексей Илле
 Адрес редакции: Измайловский пр., 14, 508,
 тел. 316-21-62

Журнал зарегистрирован
 С-3 Региональным Управлением Комитета РФ по печати
 15 декабря 1996г. № П 2235, перерегистрирован 12.01.07
 свид. о рег. СМИ ПИ №ФС2-8436

Подписано в печать 01.06.2012. Формат А3 1/2,
 Усл. Печ. листов 6,5. Тираж 150 экз.
 Отпечатано в типографии ООО «КСИ»,
 СПб, пр. Обуховской Обороны, 11, оф. 12, тел. (812) 716-78-36

Публикуемый ниже фрагмент мемуаров Михаила Тарусина (род. 1958 г.) в силу двух причин интересен для исследователей истории современной российской социологии.

Прежде всего, рассказ Тарусина, выпускника философского факультета МГУ, позволяет увидеть один из путей, которыми приходили в социологию молодые люди на рубеже 70-х — 80-х годов прошлого столетия. Уникальность траектории его движения "в профессию" складывается из в общем-то типичных, характерных для студенчества и молодых специалистов тех лет ситуаций, или кейсов. В воспоминаниях Тарусина время очень зримо: представители старших поколений социологов социализировались и профессионализировались иначе, и совсем по-другому, скорее всего, будет происходить погружение в социологию представителей следующих поколений.

Вторая причина интереса к тексту Тарусина заключается в том, что его появление дает возможности для историко-научно-ведческого анализа, учитывающего традиции биографики и биокритики¹. Пять лет назад он дал мне обстоятельное биографическое интервью, которое тогда было опубликовано в не существующем уже журнале Фонда "Общественное мнение" "Социальная реальность". Сегодня оно доступно в Интернете². Теперь у нас есть два изложения ряда значимых для Тарусина событий, отображенных по-разному. В интервью — кратко, в мемуарах — пространнее, детальнее; каркас интервью задавал я, структуру воспоминаний — их автор, да и годы, разделяющие эти тексты, могли что-то изменить в восприятии Тарусиным былого, а значит — и в отражении.

Борис Докторов

Типично нетипичная история

Михаил Тарусин

социолог, публицист

руководитель отдела социологических исследований
Института общественного проектирования (Москва)

Свет ученья

...В то время мы, конечно, не только гуляли, а, в основном, учились на философском факультете, что тоже имело свои пригорки, ручейки. Учиться было весело и необременительно, лекции начинались в 18.30 и было их две пары, т.е. два раза по 1 часу 20 минут с перерывом на 10 минут на перекур, так что заканчивалась эта история в 21.20. Что позволяло, при известной сноровке, успеть в "Москву" (которая, как известно, была до 22.00), если набиралось на два пузыря "Настойки Степной горькой" в 34 оборота. Последняя была страшно вырвизгазистой и какой же крепости были наши желудки, что мы спокойно квасили эту жуть с одним плавленым сырком и четвертушкой черного на троих.

Но вернемся к лекциям, которыми, надо сказать, мы манкировали редко — и предметы были по душе, и сами лекции читались людьми известными, и учеными, и читались не за страх, а на совесть. Посещали мы даже политэкономии и научный коммунизм — поручики (так мы, четыре друга-студента одного курса, стали называть друг друга, решив, что принадлежим к одному полку царской армии) из искреннего желания разобратся, я — за компанию. Но главное, конечно, было в другом.

Древнюю философию читал Арсений Николаевич Чанышев, прекрасный специалист, умница и лекции его были замечательны, мешало только одно печальное обстоятельство — дикция его не позволяла понять ни одного сказанного слова и первое время мы даже думали, что он ходит вечно косой. Но нет, было видно, что и соображает и ориентируется он прекрасно, и сказать может всё, только вот разобрать ничего нельзя. Но на лекции его все ходили, первый ряд поточной кое-что понимал, остальные чувствовали, что говорится нечто важное и полезное, а порой и разбирали с горя чанышевскую кашу.

Зарубежную философию читал Геннадий Георгиевич Майоров, и своим глубоким знакомством с Кон-фу-дзы и Сиддхартхой Гаутамой мы обязаны именно ему. Помимо прочего он был еще и прекрасный человек, никогда не вязался к студентам по-

пусту, давал знания и спрашивал знания, с каждого в его меру, которую определял своим глубоким и спокойным умом.

Отдельно расскажу о Юрии Константиновиче Мельвиле, с которым у меня случился целый антироман. Он преподавал западную философию, был изящен, элегантен и импозантен, носил очень яркие по тем временам костюмы, состоящие, к примеру, из голубого пиджака, светлых брюк и цветного шейного платка, повязанного под открытым воротом розовой приталенной рубашки. Имел он при этом седые волнистые весьма длинные волосы и изысканную речь.

Он сразу раскусил во мне профессионального раздолбая, за что и невзлюбил джоже. Когда же он узнал, что на меня пришла телега из выпрезвителя, то потребовал моё личное дело. Из которого выяснил, что я хвостат сверх меры, да вспомнил заодно, что и на его лекции я ходил через одну и громогласно за-

¹ Шалин Д. Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью. Настоящий выпуск "Телескопа", стр. 8-17

² Тарусин М.: "Мы формировались во времена отрицания" // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55-79 (Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. Том 2. М.: ЦСПиМ. 2012. С. 1262-1287 <http://www.socio-prognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_4_10.pdf>).

явил, что таких студентов как Тарусин нельзя на пушечный выстрел подпускать к Университету. После чего завалил меня на экзамене, благо это было нетрудно. И заодно на пересдаче, после чего мне предстояло сдавать злополучный экзамен по зарубежке уже целой комиссией. Довершил ситуацию я тем, что выпустил прямо Мельвилю в благородное лицо струю дыма — я курил и не видел, как он появился из-за угла. Сама смерть подошла ко мне из-за угла и я взглянул ей в лицо.

После этого со страху я вызубрил всю зарубежную философию наизусть, включая труды и лекции самого Мельвиля, и отвечал притихшей комиссии так, что сам мой мучитель быстро всё понял и на вопрос членов комиссии есть ли у него вопросы, только рукой махнул.

Но, конечно, самой яркой звездой был Александр Леонидович Никифоров, наш любимый педагог и учитель, о котором необходимо сказать особо.

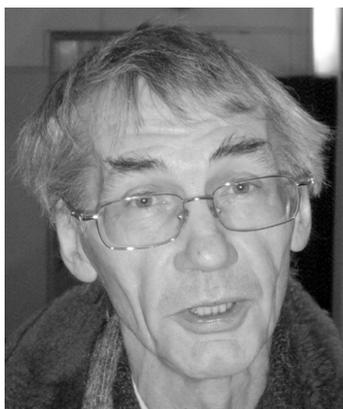
Я привожу тут его лик, когда он был, конечно, моложе, но так же расхристан и нескладен. А еще обаятелен, чрезвычайно умен, очень талантлив, имел доброе сердце и широкую душу. Искренне любил и уважал чужой ум и вообще во всём был редким по благородству и порядочности человеком. Он читал блестящие лекции по теории познания и, в отличие от своих коллег, очень любил, когда ему задавали вопросы, а еще больше — когда студенты начинали с ним спорить. В этом он видел основу самостоятельного мышления и в таких случаях сам закипал своим творческим темпераментом и принимался прохаживаться взад-вперед, потирая руки и приговаривая "так, так! Так, так, так, интересно, интересно!"

Поскольку вопросы задавали, в основном г-да поручики, т.е. наша "четверка друзей", он сразу стал нас выделять и очень быстро наши отношения переросли в близкие и близко дружеские. Настолько, что мы стали ходить к нему домой и стали устраивать философские посиделки у него на кухне с парой-тройкой бутылочек портвейшка и домашней закуской, которую предоставляла его жена Лера, терпевшая нас с истинно христианским смирением. Жили они тогда с двумя детьми в отдельной 2-х комнатной квартире в старом доме у метро Бауманская, так что по дороге к Никифорову мы каждый раз проходили мимо дедова особняка на Немецкой (до революции он принадлежал моему дедушке Сергею Александровичу Занковскому), в котором тогда была совковая контора, а теперь живет олигарх Петр Авен.

На маленькой кухне велись бесконечные разговоры о жизни, о науке, о душе, о философии. Конечно, и о Советской власти, но никогда эта тема не была для нас приоритетной — слишком мелкой была она для наших возвышенных умов, хотя все мы, конечно, всё прекрасно понимали. В наиболее оживленные минуты Никифоров вскакивал и принимался прохаживаться по кухне — три шага туда, три обратно — потирая ладошки и приговаривая: "так, так, интересно, интересно!"

До сих пор вспоминаю, как он в буквальном смысле вытащил меня из учебной дыры, куда я сам себя уронил. Дело состояло в том, что на третьем курсе я вдруг не написал курсовую. Всё чего-то ждал, тянул, выбирал тему и довыбирался до сессии вообще без работы. И совершенно без понимания, что теперь делать. Этим непониманием я поделился с поручиком Парфеновым совершенно без всякой задней мысли, а просто от тоски. И он вдруг говорит мне:

— А ты попроси Никифорова, он тебе поставит курсовую в зачетку, какие проблемы?

Такое решение проблемы никак не могло придти мне в голову, я вообще не привык кого-то просить, а тут преподавателя, пусть и дружески близкого. Даже, тем более, что близкого. Но как на беду разговор случился в курилке на лестнице факультета, перед лекцией Александра Леонидовича и он собственной персоной вдруг оказался рядом с нами. Но я так и не решился на просьбу, за меня это сделал легко и непринужденно Парфенов и Никифоров тут же, ни мало не смущаясь несправедливой просьбой, вынул ручку, предложив мне сразу же написать тему курсовой в зачетку. Я еще и замялся с темой, еле родил какую-то дурацкую и Никифоров тут же расписался в зачетке, прибавив, что если будут спрашивать текст (времена были безкомпьютерные, писчие), так сказать, что курсовая у него, дескать, а уж он отбросится. Искренняя благодарность моя не знала границ, в ответ на что Никифоров совершенно искренне отвечал, что это сушая ерунда и даже говорить тут не о чём, пожелав только, чтобы в будущем это не вошло у меня в привычку.

— Не потому что подписи жалко — пояснил он — это хоть сколько. Но к учёному писанию лучше с ранних годов привыкать, привычка — натура. Как известно.

Я привыкал не очень, но вдруг написал художественную повесть в сто рукописных страниц, где живописал свои собственные жизненные опыты да окружающих меня людей в каком-то залихватском сюжете. Точнее, она сама как-то написалась и все, кому я потом давал эту писуху, отмечали "очень хороший стиль и слог". Я как-то не внял, что в моём слоге такого хорошего, и более за художественное перо не брался аж до сорока лет, а брался только за научное и то исключительно по производственной необходимости. Ну, да об этом в своё время.

А пока, кроме учебы, я устроился вахтером в МГУ по системе "сутки трое", т.е. сутки на вахте, трое суток на отдых. Этому предшествовали мои трудовые подвиги сначала в маленьком продовольственном магазине в начале Волхонки, потом в булочной на Герцена. Обе попытки закончились плачевно. В магазин меня взяла заведующая, бойкая поджарая бабенка. Она сразу сказала, что ставки на меня нет, но что она эту ставку непременно выбьет и предложила мне начать работать под ее честное слово. Я людям верил и работать начал. А надо сказать, что в тот период (это был 2-й курс) я еще не начал квасить и стал в магазине хоть и 3-м рабочим грузчиком, но 1-м трезвым, им же и последним. Собственно, 3-м меня взяли оттого, что в магазине сделали секцию хлеба самообслуживания, за которой стоял я и подкладывал хлеб на лотки. Но когда приходила машина хоть с хлебом хоть с чем другим, то я разгружал ее вместе с остальными работягами (а порой и вместо них).

Кроме хлеба, магазинчик наш торговал продуктами, как-то мясом и колбасой, сыром и прочими молочными товарами, бакалеей и — с 11.00 — спиртным, среди которого особой любовью у местных алкашей пользовался дешевый портвейн и водочка. Поскольку магазинчик был маленький (вы и сейчас можете его навестить, не знаю только, по какому поводу), то и подсобки были небольшие, маленький кабинетик бойкой заведующей, да подвал с грузовой платформой для опускания и поднятия тяжелого товара. Это всё в люке пола подсобки, который, закрываясь, давал возможность носить ящики с продуктами и спиртным в торговый зал.

В котором работали две толстые тетеньки продавщицы, одна из которых особенно лезла ко мне, увидав как-то, что я в свободное время читаю "Онегина".

— Ты не смотри, что я тут так одета — чирикала она — у меня дома и золото в кольцах, и хрусталь, и ковры. Всё как у людей, что ты! А на работе неча выпендриваться, чего там, тут свои все...

Обе торговые тети любили и умели "поиграть на бумажке", т.е. наложить на весы крафтовой плотной бумаги, в которую тогда заворачивали весовые продукты, столько, чтобы создать лишние граммы, за которые покупатель платил, естественно,

по цене колбасы, которую брал. И уж конечно, ни об чём, кроме этой колбасы, не думал, что ему эти граммы лишние. А у тетки в день на одних весах с бумажкой червонец без напряга набегал. Безо всяких опасных игр с самими весами, что могло иметь нехорошие последствия — в те времена контролеров ОБХСС если и покупали, то на более солидном уровне, с продавщицами они дела не имели.

Сужу по одному эпизоду, коему сам был свидетелем. "Бухло", как я говорил, продавали с 11.00, но наши тётки часто сердобольничали и тихонько совали алкашу бутылку портвейшка, скажем, где-то без четверти. И вот как-то раз сует она по жалобной просьбе доходяги ему пузырь, он привычным жестом прячет его в карман, выходит из магазина и тут же заходит обратно, влекомый за руки двумя недобрыми молодцами. Которые предъявляют нашей Клаве бутылку, извлеченную из кармана опешившего алкаша, предъявляют ей же свои страшные "корочки" и требуют заведующую. И ей уже приказывают закрыть магазин на проверку факта продажи спиртного до положенного времени.

Надо сказать, что бабы наши струхнули порядком. Алкаш что-то бубнил о том, что бутылку он купил еще вчера, но забыл выпить, а сегодня мол, за сдачей пришел, но его никто не слушал. Спросили меня, что я видел, на что я сказал, что из-за хлебных стеллажей зала торгового не видно. Что, в общем, было правдой, если б я не стоял в момент преступления в дверях подсобки, но об этом факте я умолчал и далее в событиях не участвовал. Наша зав. баба (то бишь директор магазина) всё звала незваных гостей в свой кабинет, от чего они всё отнекивались и всё составляли какой-то протокол и грозили охающей продавщице страшными карами. А надо сказать, что звала она в кабинет не всякого, и кто к ней в кабинет входил, выходил обычно не с пустыми руками. Держала она там кофе растворимый индийский (в низких банках, был еще наш — в высоких, так тот был хуже), сервелат финский, баночки с черной и красной икрой, наборы конфет, боржоми (дефицит), югославскую ветчину в банках... Я всё поражался, как там всё это помещается, кабинетик маленький, стол да сейф. Но своя ноша, видно, не только не тянет, но и места много не берёт.

Наконец она затащила таки закон в кабинетик, откуда тот вышел уже обезоруженным, магазин открылся, впусив толпу озадаченного народа, проштравившейся Клаве был показан грозный указательный палец, а молодцы с пакетами убралась восвояси.

Я работал, часто разгружая машины один, когда мои коллеги находились в ненадлежащем состоянии, но через месяц деньги мне не дали.

— Не успела оформить — сказала заведующая и в качестве компенсации продала мне дефицит — ящик боржоми, который был очень нужен язвенной бабе Соне.

Ладно, я внял сложностям, но еще через месяц бойкая заведунша объявила, что ставку мою ей выбить не удалось, и денег на меня у нее нет.

— Как это нет? — спросил я.

— А вот так и нет — был ответ — так что звиняйте.

"Звиняйте" меня никак не устроило, и я пошел в райторг, где записался на прием к большому начальнику и попал к нему, видному мужчине и рассказал о своей беде, был внимательно выслушан и получил приглашение прийти завтра для окончательного решения вопроса. Завтра в кабинете я увидел притихшую заведующую, которой было сказано так:

— Человек у вас работал два месяца?

— Работал — был тихий ответ.

— Так в чем дело? Платите. Какие тут вообще могут быть разговоры? "Ставки нет, денег нет". Знаю я, как у вас денег нет.

Видимо заведующая ожидала такой оборот дела, потому что тут же выплатила мне 180 руб. в конверте, за которые я даже нигде не расписался и, выйдя из кабинета, услышал одобряющие слова секретарши за столиком:

— Вот молодец. Добился своего, так и надо. С ними.

Но у меня сложилось ощущение, что это не я добился своего, а сама г-жа справедливость приложила руку. Не знаю, как сейчас рулятся такие ситуации, и бывают ли вообще, но всё это я к тому, что права трудящихся в совке всё-таки как-то защищались. И защищенный я устроился в булочную на Герцена, совсем близко от дома, куда и так ходил за хлебом каждый день, а теперь брал его там бесплатно. Как рабочий грузчик с окладом в 85 руб. и графиком работы сутки — трое. К чему привыкнал тяжело, поскольку сначала надо с 8.00 утра до 20.00 отстоять за стеллажами (булочная была самообслуживание, мода на это дело была уже в разгаре), а потом всю ночь ждать машины с хлебом, которых приходилось разгружать до пятнадцати штук. Только приляжешь на матрац вздремнуть, как гудки на улице — подымайся. До сих пор не пойму, зачем надо разгружать пятнадцать машин по десять лотков, а не одну полностью.

Всё дело было в том, что разные фабрики пекли разные сорта (почему не могла одна фабрика разные печь?), а мы обязаны были иметь ассортимент, наличие которого сам тов. Гришин (Секретарь МК КПСС) лично проверял, захаживая порой в магазины неожиданно, чего все боялись страшно. Кстати, меня от него прятали, я был даже волосат, а тов. Гришин хипарей не терпел, а пуще в торговом зале. Но, бывало, меня ввечеру отправляли в булочную у Никитских ворот с тележкой, когда было видно, что батон по 13 коп. к примеру, до закрытия не хватит. В булочной выручалке (кстати, москвичи всегда говорили булосная) мне сваливали 20 батон в холщевый мешок, а в следующий раз мы выручали их. Кстати, по причине боязни потери ассортимента обычно заказывали хлеба на завтра больше, чем надо и постоянно что-то оставалось. Тогда утром следующего дня сначала продавали "черствяк", т.е. вчерашний хлеб, а уж потом ночной. Бывало, москвичи, для которых хлеб, как известно, всему голова, упирались и черствяк никак не шел. Тогда на 3-й вызывали спецмашину, и она забирала черствяк для спецпекарен, которые пекли хлеб для московских тюрем. Говорили, выпеченный из "вторичной" муки хлеб не черствеет, а только киснет. Не знаю, не пробовал. Зато знаю, что грех есть на мне, вот какой: если на черствяке появлялась плесень (машина со спецпекарни могла и на 4-й день придти), то сдавать его на вторичный помол было уже нельзя, а надо было списывать как потери, и булочная за такое списание платила из своего кармана. Конечно, никто этого не делал и порой меня сажали с влажной тряпочкой стирать плесень с зацвевшего черствяка. Прости Господи.

Еще порой мне с утра собирали самый свежий хлеб и сдобу и я на тележке вёз все это к Никитским же воротам, где, на Большой Бронной были дома ЦК. Из чего читатель может заключить, что слуги народа ели тот же хлеб, что и простые смертные, ну, может, только отобранный потщательнее. Так ведь и в булочной человек себе пригорелый не возьмет.

Возить тележку было весело (чем за стеллажами-то торчать), но больше всего мне нравилось разгружать машины днем, когда открывалось окно разгрузки, я брал крюк на длинной ручке, чтоб сподручнее было ухватить лоток, который водила подавал из машины. Захватывал лоток и, перехватив ручкой, принимал к себе. Но если водила еще только раскрывал дверцы, а мимо кстати проходила простодушная барышня, как же сладко было ухватить ее сзади за ремешок плаща и смотреть, как она в ужасе пыгается отпрянуть в сторону, не понимая, что и кто ее держит.

Кончилось всё это тем, что на хлебозерке (черный всегда резали пополам и на четвертушки) с намертво отточенным лезвием меня кто-то толкнул под руку, и я отрезал себе кусок указательного пальца на правой руке (будучи левшой). Отрезанный кусок еле держался, и меня отправили своим ходом в травмпункт на Красной Пресне. Он и сейчас там, только Пресня не Красная. Пункт потряс меня обилием клиентов, но меня, ввиду кровавости длани, обслужили быстро, палец зашили, да

еще сделали укол против столбняка, совсем, на мой взгляд, ненужный. Я тогда думал, что столбняк, это когда кто-то столбом застыл, Бог весть по какому поводу.

Еще мне выдали больничный аж на два месяца с сохранением жалования и началась лафа, поскольку ни работать, ни писать я не мог, а только слушать лекции да держать рюмку. И второе я делал куда охотнее первого.

Но в булочную больше не вернулся и вот тогда уже устроился вахтеров в МГУ, всё на тот же режим 1-3, благо ночью можно было спать во всю носовую завертку.

Такие веселые труды сопровождали нашу молодость.

Первая социология

Впрочем, скоро веселья поубавилось, поскольку я перешел на последний курс и пора было подумать о работе по профессии, благо я уже думал, что кое-что могу. Тут как нарочно возле учебной части повисло объявление, что в какой-то ВНИСИ требуется социолог, и я пошел устраиваться на работу социологом.

Принял меня начальник отдела НОТ Подольский Александр Иванович, рыжеватый бойкий еврей лет сорока и сразу взял на ставку инженера в 120 руб. В то время вдруг стали набирать социологов в промышленные отрасли, ожидая от них каких-то социологических чудес, и я попал под эту компанию. К тому же в светотехнической подотрасли, которую курировал институт с нескладным именем ВНИСИ, начиналась социальная паспортизация, которую задумал харьковский социолог Юрий Львович Неймер, и отделу НОТ института потребовался социолог, чтобы вести эту странную и небывалую работу. Тут я вовремя появился и был принят под эту паспортизацию, хотя в отделе уже сидел один самостоятельный социолог, т.е. из каких-то переручек, а я все-таки был с университетским образованием, так сказать без пяти минут профессиональный социолог с пылу с жару.

Сначала Неймер прислал методические рекомендации по организации работы этой паспортизации, и мы с коллегой — хитроватым мужиком лет тридцати пяти — днями изучали эту трехамудию так, что я ее выучил почти наизусть. Но далеко не всё понял. Одновременно я понемногу начал осваиваться на новом рабочем месте.

Отдел НОТ (научная организация труда) состоял из двух групп, я работал под руководством Аллы Викторовны Соболевой, очень приятной женщины, лет где-то за сорок, которая называла меня "Мишенька солнышко" и вообще очень дружелюбно ко мне относилась по добросердечию своему, несмотря на то, что ей от меня доставалось. В основном утром, в виде густопсового перегарного духа, который я изрыгал прямо на нее — комнатенка, где наши нотовцы сидели, была небольшая, и мой стол приходился прямо возле ее стола. Она молчала, и только потом я узнал, что она тяжело страдала и говорила, что еле терпит "этот жуткий выдох". Простите меня, Алла Викторовна.

Слева у окна восседал Александр Иванович Бердников, крепко скроенный и ладно сшитый мужчина тоже за сорок, кандидат технических наук, основательный во всем, да при том страстный охотник, приносивший в отдел жаканы от своего ружья, охотничьи рассказы, а порой и "дичь", которой угощал меня. Именно так я впервые в жизни отведал медвежатину. Она была жестковата, но духовита и сочна. Александр Иванович также был сильно неравнодушен к слабому полу, о чем тоже имел на пазухой много историй о своей донжуанской практике, которые более относились к временам прошлым, нежели настоящим.

Порой он властно и на повышенных тонах говорил по телефону с женой, а как-то раз так на нее разорался, что уже собственно и не орал, а ревел совершенным медведем, каким-то жутким медвежьим ревом, так что и нам ни слова было не понятно, а уж онемевшей жене в трубке и подавно. Дело в том, то

у него был диабет, порой сахар зашкаливал, и в такие минуты Александр Иванович становился не совсем адекватен, а порой и совсем неадекватен. В остальное время это был спокойный и вежливый со всеми человек, покладистый и трудолюбивый.

За ним сидела Валентина Конакова, замужняя молодая женщина с двумя детьми, один из которых потом трагически погиб пятнадцати годов от роду. Мы все были на его похоронах, чего никакому врагу не пожелаю. Омертвелая Валя молчала и только сказала, что "так не должно быть", и страшнее фразы я в жизни не слышал.

Еще был худой и бойкий парень, молодой специалист, слева от меня сидела Лиля, юная татарочка, кровь с молоком, ведущая активный образ жизни. К ней порой захаживала подружка, по которой тоже было видно, что монастырь — не ее удел. Отдел наш собственно и был НОТ.

Двумя этажами выше располагалась вторая группа отдела, занимавшаяся какими-то производственными нормативами. Ее возглавлял некто Григорян, смуглый армянин в годах, немногословный и несуетный, там же сидела Мария Ивановна, тетка явно деревенской породы и совсем немудрой сути. Она доверительно говорила мне:

— Миш, ну мы же лучше всех в мире живем! Ну, прям ну лучше всех! Ты погляди в телевизор, что у них там делается, это ж кошмар и ужас! А мы прям слов нет, до чего живем хорошо, прям слов нет!

Там же, в первой комнате было пространство, отгороженное с двух сторон высокими шкафами, внутри которого (пространства) сидел начальник отдела Подольский, и попасть к нему можно было, только пройдя через дверцу шкафа. Когда я первый раз вдруг услышал откуда-то из шкафа человеческий голос, сначала решил, что почудилось, а потом — что кого-то посадили в шкаф за некую тяжкую провинность. Но Григорян дал мне знак не смеяться, а из шкафа показался сам начальник отдела НОТ собственной персоной.

Примечательно, что все сотрудники института спокойно ходили к Подольскому в шкаф безо всякого удивления и смущения, будто люди везде и всюду сидят в шкафах, и в этом нет ничего странного. Внутри шкафов у Подольского помещался стол, два стула для посетителей и один открытый шкаф был обращен полками лицом к нему, так что и место для бумаг и папок тоже было. Я как-то сразу понял, что шкаф для начальника это серьезно и шутить на эту тему нельзя, но сам долго не мог привыкнуть к этому шкафному абсурду.

Что делали все эти люди в отделе сегодня сказать сложно, но тогда работа кипела и работа была напряженная. Скажем, Валя Конакова весь год судорожно собирала какие-то крайне важные данные с предприятий, звонила по городам, ругалась, ездила в командировки, и всё собранное записывала в здоровые разлинованные миллиметровки. К концу года у нее получался огромный талмуд, который она сдавала в министерство, где ей "закрывали тему", после чего талмуд отправлялся в архив, а для Вали всё начиналось сначала. Только советская закалка позволяла справляться с этим бесконечным сериалом абсурда. Причем без видимых потерь.

Институт ВНИСИ разрабатывал разные светотехнические приборы, а также люстры, лампочки, новые источники света и что-то совсем уж секретное и имел более тысячи работников и опытное производство. Естественно, из института тащили всё, что плохо лежит. А плохо лежало там много чего и институт сотрудники называли не ВНИСИ, а ВИНЕСИ. Но когда с опытного производства уперли нехилый станок, директор Пляскин не выдержал. Павел Владимирович был здоровенный совсем лысый мужик примерно моего роста, лет под шестьдесят, родом и карьерой из Саранска, жизнь и работу в котором он часто вспоминал со зримой душевной ностальгией — видно было, что именно там прошли его лучшие годы. В Москве он явно чувствовал себя неуютно и, дирекствуя, тихо доживал до пенсии. Но при известии о краже станка он взбеленился:

— Найду, кто спёр — грозно говорил он — своими руками задущу. Вот этими самыми.

И потрясал внушительными пятернями.

Но он никого не нашел.

Надо сказать, я попал во ВНИСИ в переломный момент перехода от крестьянской лошадки к железному коню. Лошадки лежали в шкафах в виде ручных счетных машинок "Феникс". Они были черные, с делениями цифр спереди и ручкой сбоку, вращая которую, пользователь добивался нужного арифметического действия. Перед этим нужно было на фасаде машинки установить передвигающиеся цифры в нужное положение. Результат появлялся на табло, где вылезали итоговые числа. До сих пор жалею, что не свистнул хоть одной машинки, их там было навалом, и потерю одного бойца отряд точно бы не заметил. Тем более, что их всех вскоре списали и они окончательно исчезли и из шкафов и из научно-исследовательской жизни.

Конь вошел в жизнь отдела в образе первых электронных калькуляторов Электроника — тогда многие приборы так назывались — эти были размером с сегодняшний ноутбук с диагональю 15 дюймов, имели здоровенные красные кнопки и экранчик сверху на лампах, где высвечивался результат электронной операции. При совершении самой операции прибор думал, так что после нажатия кнопок результат появлялся секунды через три, но и это казалось чем-то из ряда вон выходящим.

А я тем временем затеял в институте небольшую реформу. Дело в том, что работа во ВНИСИ начиналась в 7.45 утра. В те времена начало рабочего дня устанавливал Мосгорисполком, и считалось, что он разводит начало работы учреждений и предприятий в Москве с тем, чтобы максимально избежать напряжений утренних и вечерних потоков работающих москвичей. Вот для этого избежания институту и установили убойные 7.45 утра. Особенно страшна была цифра для наших институтских дам, которые врывались в отдел еще толком не проснувшись и блеклые, с полным отсутствием краски на физиях. Опоздать, кстати, было тяжким грехом, и за это полагалось наказание вплоть до лишения премии или иной существенной неприятности.

Я всегда считал, то крашение лица для дам есть процесс интимный и сравнивал привычку дам, с появлением мужчин в отделе, скажем, баз штанов, и привычкой одевать их уже на рабочем месте. Кстати, однажды одна сотрудница сняла пальто и стала пробираться на рабочее место под изумленные взоры мужчин и только тогда обнаружила, что она без юбки — в попытках забыла одеть дома.

Наши же дамы, усевшись утром за рабочий стол, красились битый час, что я расценивал как неуважение даже не к работе (хрен с ней), а к нам, неповинным ни в чем мужчинам.

Меж тем им (нам) тоже было тяжело. Я, например, вставал утром без 10 минут семь, за четверть часа умывался, пил приготовленный с вечера холодный чай, в 5 минут восьмого выбегал из дома и добирался на метро от станции проспект Маркса до Щербаковской, и оттуда до института, что составляло около 35-ти минут. Так что в 7.45 я уже сидел за столом. Перерыв на обед был с 12 до часу, а рабочий день оканчивался в 16.45. Мне это, в принципе, было удобно, т.к. я успевал еще захватить домой, перекусить и к 18.30 явиться на лекции в Универ, где встречался с поручиками, с которыми потом успевали еще в "Москву", садились в скверик у Ломоносова, откуда я являлся домой в полпервого ночи, ложился спать, чтобы утром встать без десяти семь и снова кошмарить своим перегаром бедную Аллу Викторовну. И так каждый день.

Нет, всё-таки молодость сильна своей энергией, которой за один день хватало на всё то, на что сейчас надобна неделя, да и то не одна.

Вот с этим утренним кошмаром я и стал бороться социологическими методами, предложив директору Пляскину гибкий график начала рабочего дня. Мотивируя это тем, что некоторые самые передовые научные институты уже его используют

и не нахвоятся. Что было правдой в смысле использования, а похвалы я прибавлял уже от себя, полагая, что маслом каши не испортишь.

Пляскин, надо отдать ему должное, идею поддержал, явив образец души широкой и склонной к новациям. Я заручился поддержкой еще двух отделов, начальники которых пожелали войти в эксперимент, и он начался в 3-х подразделениях института, включая НОТ, само собой. Для чего ж я старался.

По условиям эксперимента начинать рабочий день работник мог по своему усмотрению с 6.00 до 10.00, а оканчивать с 16.00 до 20.00. В определенных случаях требовалось согласование со своим непосредственным руководителем, если работник бывал нужен на следующий день с утра. Приход и уход отмечался в рабочем графике прихода и ухода, важно было, чтоб к концу месяца выходила норма рабочего времени. Правильность записей проверял уважаемый сотрудник отдела.

Через месяц Пляскин горько пожалел о своем решении и широкой душе и жаловался всем, что с утра ни начальников, ни сотрудников экспериментальных отделов на работе не сыщешь.

— Что это за график гибкий? — возмущался он — да они все просто к десяти ходят и всё. Никого с утра не найдешь. Безобразие.

Но джинн уже был выпущен из бутылки, начальники прикрыли свои отделы положенной в таких случаях брехнёй, и дело освобождения научного труда росло и ширилось. Пляскин махнул рукой и только с большим нетерпением стал ждать пенсии.

Далее, дорогой читатель, я позволю себе привести выдержки из интервью, которое я когда-то давал Борису Докторову. Чего зря добру пропадать. Итак:

...Диплом я писал на тему "Сравнительный анализ социально-психологического климата трудовых коллективов" с упором на влияние социально-психологического климата (СПК) на производительность труда. К тому времени (1982 год) я уже работал младшим инженером во ВНИСИ и сравнивал коллективы опытного производства института. В дипломе не было ни одного упоминания ни Ленина, ни Маркса — по той причине, что ни тот, ни другой о СПК ничего не написали. Тем не менее, за отсутствие таковых упоминаний мне снизили балл — я получил "четыре". И посчитал это удачей, поскольку сначала диплом вообще не хотели принимать к защите.

На дворе было начало 80-х, экономика особенно не развивалась, — и начальники придумывали разные способы, как ее подтолкнуть. И придумали всякие вещи: научная организация труда, НОТ, СПК, ПТА — профессионально-трудова адаптация, бригадный метод, КТУ, все эти аббревиатуры я еще оттуда запомнил. И насадили социологов на заводах... Чуда они, конечно, никакого не совершили, но умудрились-таки откровенно дурить головы начальникам всяким — и средним, и высоким, — делали какие-то умные отчеты, рассуждали на какие-то очень умные темы...

Как уже говорил, ВНИСИ был подотраслевым институтом, в его научном обеспечении находились что-то около сорока пяти заводов и три производственных объединения. К тому времени на каждом заводе уже сидели заводские социологи — не пойму, откуда столько набрали? — и не знали, что делать. За редким исключением вроде Якова Лазаревича Эйдельмана из Владимира. Очень знающий мужик, и настоящий профессионал — он был на голову выше всех остальных, и все к нему тянулись. Так его и звали: мэтр. Он создал не только целую службу, но и целую школу заводской социологии.

Харьковский социолог Юрий Львович Неймер, вместе с коллегой социологом Дуберманом тогда готовил гигантский проект по "Социальной паспортизации", которая должна была охватить всё министерское хозяйство. Каждый завод должен был заполнить здоровенную книгу с таблицами объективных производственных показателей, а рабочие, ИТР и служащие —

заполнить личные анкеты. Затем анкеты обрабатывались на ЭВМ ЕС-1030, которая стояла в нашем институте. Пачки перфокарт приносили ко мне и сваливали на стол — я смотрел на них со священным ужасом.

Потом данные со всех заводов подотрасли плюсовывались в одну книгу. Это было невыносимо — сидеть часами, днями, неделями и складывать числа из 6-8 знаков. Пользовались мы при этом тем самым первым советским калькулятором "Электроника". Когда я сдал "Социальной паспорт" подотрасли, который отнял года полтора — два жизни, оказалось, что все паспорта будут сливаться в паспорт отрасли, что и было сделано. Кстати, не знаю, зачем все это сливалось? Получалась средняя температура по отрасли, и никто из начальников не знал, что с этим талмудом делать.

Кроме этого, служба Ю.Л. Неймера, в которую я входил как социолог подотрасли, занималась социально-профессиональной адаптацией, анализом внедрения бригадного метода, КТУ (коэффициента трудового участия), организацией социологических служб на заводах и с особым удовольствием — организацией семинаров в очень приличных местах, кроме Харькова, я помню, во Владимире, в Суздале.

Кстати, в Суздале мы жили в прекрасной гостинице, которую социологи довольно прилично загадили, а на заседании,

где мы сидели вместе с Ларкиным (один из четырех поручиков) он к тому времени тоже работал в светотехнической системе), на трибуну выходили похмельные социологи и так надоели своим бубнёжем, что Ларкин вдруг закис от смеха.

— Ты чего? — спросил я.

— Господи, какой хернёй — изнемогал Виктор — какой хернёй мы тут все занимаемся...

Я не очень понимаю, был ли в целом какой-то толк от социологов на заводах. Вероятно, там, где сидели люди знающие, — был. Но таких было, безусловно, меньшинство, а прочих директора воспринимали как обузу. Конечно, производительность труда заводская социология не подняла, да и не могла поднять, но, видимо, какую-то роль порой выполняла.

Тут стала замышляться вторая волна "Социальной паспортизации", но я точно знал, что ее я не выдержу, она меня накроет навсегда. И я поспешил покинуть корабль светотехнической подотрасли, пока цунами был еще далеко.

Нынче я порой проезжаю по проспекту Мира и гляжу на здание, где работал четыре года. Там теперь много вывесок, но на одной написано ВНИСИ. Вроде там сейчас работает 150 человек (от бывшего величия в более тысячи), но и то хлеб, многие советские конторы окончательно испарились в бурных водах новой российской жизни.

Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью

Биографика и мемуаристика вполне сложившиеся жанры, но вопрос о достоверности авто/биографических данных и мемуарной этике пока не получил достаточного освещения в социологической литературе. Настоящая статья — это попытка наметить круг вопросов, связанных с данной проблематикой. Основываясь на материалах проекта "Международная биографическая инициатива", автор анализирует различные типы биоинтервью и их влияние на ответы респондента, обсуждает трудности с публикацией

сенситивных данных, и вводит понятия "био критики" и "реверсивного редактирования" как методологического ресурса в социологической биографике.

Ключевые слова: Биография, автобиография, био критика, мемуаристика, биоинтервью, био критическая герменевтика, достоверность биоинтервью, мемуарная этика.

Дмитрий Шалин

профессор Университета Невады (Лас-Вегас)

Проект "Международная биографическая инициатива" (МБИ) начал свое существование в середине первого десятилетия 21-го века. Свою цель организаторы проекта — Борис Докторов, Дмитрий Шалин, Андрей Алексеев, Лариса Козлова, Наталья Мазлумянова, Борис Фирсов — сформулировали как "изучение истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического исследования".

По мере роста информационной базы проекта, у его участников возникла потребность в авто-рефлексии, появилось желание осмыслить природу интеллектуального сообщества, сложившегося вокруг МБИ. Борис Докторов увидел в нем пример "незримого колледжа" — группы ученых, объединенных общими интересами, связанных интенсивной, главным образом заочной коммуникацией, и работающих в организационных формах, характерных для эпохи интернета. Обсуждение природы этого явления послужило толчком к созданию МБИ Форума "БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ", материалы которого опубликованы на сайте МБИ¹.

Разговор о "незримом колледже" вскоре перекинулся на методологические и этические проблемы исследования истории российской социологии "в лицах" — типологии биографических интервью, природы био нарратива, достоверности биоинформации, ответственности интервьюера перед респондентом и общих принципов мемуарной этики. В начале сентября 2011-го года Борис Докторов подвел итоги первой части дискуссии и передал эстафету Дмитрию Шалину, чья статья о нарративной идентичности² послужила толчком МБИ Форуму 2. Дискуссии по данной тематике отражены в материалах Форума под названием, "Биография и био критика"³.

Тематически, границы между основными узлами МБИ Форума очерчены нестрого. Ключевые проблемы переходят из одной дискуссии в другую, ранее сформулированные идеи подвергаются критике, уточняются и развивается понятийный аппарат биографики и био критики. В то же время постоянно обозначаются новые темы и перспективные проблемы научного поиска.

Я благодарен всем, кто откликнулся развернутым комментарием на спор о достоверности интервью и мемуарной этике — Андрею Алексееву, Владимиру Шляпентоху, Ольге Маховской, Наталье Мазлумяновой, Борису Фирсову, Владимиру Ядо-

ву, Виталию Дмитриевскому, Анне Готтлиб, Блэру Рублу и другим участникам дискуссии. Как зачинщик МБИ Форума 2, я хочу обозначить главные моменты нашего обсуждения. Учитывая, что корреспонденция по данному кругу проблем продолжает поступать, я адресую свой комментарий авторам, представленным в первых частях Форума 2, оставляя на будущее подведение общих итогов МБИ Форума "Биография и Био критика".

В ходе дискуссии высказывались различные суждения о природе нашего сообщества, предмете и задачах исследования, методологии и технике интервьюирования — и все они имеют право на существование. Предмет наших штудий включает в себя: 1) историю социологии, 2) биографические исследования и 3) автобиографическую рефлексивность. В числе наших методов: 1) биографическое интервью, направленное на понимание взаимообусловленности личности и ее исторического окружения; 2) био критическая беседа с характерной для нее нацеленностью на само-понимание и оценку ключевых решений в жизни участников беседы, и 3) автобиографическое исследование, цель которого понять себя, описать свой жизненный путь в определенной исторической эпохе. Последний метод перекликается с автобио критическим исследованием, где акцент смещается от самоописания и самоинтерпретации к самооценке и самокритике в контексте не только данной эпохи, но и в тран исторической перспективе.

Замечу, что в отличие от термина "био графика", неологизм "био критика" малоизвестен за пределами узкого круга исследователей биографического дискурса в рамках проекта "Международная биографическая инициатива" и "Архивы Ирвинга Гофмана" (АИГ)⁴. Трудно сказать, приживется ли этот термин и его производные, но это вопрос второстепенный. Смысл, который я вкладываю в это понятие, можно передать другими словосочетаниями. Ольга Маховская предлагает назвать данный подход "критико-биографическим"⁵. Можно и так, хотя биография обычно включает в себя критику, и вряд ли современный биограф признает свое повествование не критическим. Рассогласование аффекта, слова и дела — центральная проблема био критической герменевтики — хорошо извест-

¹ "International Biography Initiative", <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>.

² "О "незримом колледже" и биографических интервью" (далее обозначено инициалами МБИ-1, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegetinvisible_11.pdf).

³ Шалин Д. "В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина" Телескоп // Телескоп, 2011, №3, с. 13-23.

⁴ К настоящему времени на сайте МБИ опубликовано несколько серий материалов форума "Био графика и Био критика": МБИ-2.1, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf; МБИ-2.2, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf; МБИ-2.3, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.pdf, и МБИ-2.4, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.4.pdf. Работы авторов МБИ Форума цитируются по версии, опубликованной на сайте МБИ.

⁵ "The Erving Goffman Archives", <http://cdclv.unlv.edu/ega/index.html>.

⁶ МБИ-1, с. 44.

ный феномен. Никакого открытия здесь нет. Биокритика отличается от обычного биографического исследования тем, что видит в рассогласованности поведения, эмоций и мыслей онтологическую данность, условие человеческого существования. Опираясь на принципы прагматистской семиотики, биокритическая герменевтика разрабатывает метод реверсивного (обратного) редактирования, цель которого систематически сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, не вошедшими в биоинтервью и указывающими на альтернативные возможности само/объективации⁷.

Биографическое интервью отличается от биокритического своими установками и образом интервьюера. В первом случае интервьюер выступает в роли "радиоприемника", добросовестно передающего вверенный ему биоинтервью⁸, во втором он, скорее, "артист", создающий в соавторстве с собеседником портрет респондента⁹. К первой позиции тяготеет Борис Докторов: "Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны"¹⁰. В этом же ключе развивается мысль Олега Божкова: "Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога — установление взаимосвязи между различными социальными фактами"¹¹.

Биокритическое интервью позволяет задавать вопросы, которые могут повлиять на реакцию собеседника. Их можно расценить как провокационные. Так я спрашивал Старовойтову и Леваду, приходилось ли им задумываться об эмиграции, Алексеева и Фирсова об эволюции их коммунистических убеждений, Голофаства и Грушина о компромиссах, на которые пришлось им идти ввиду их партийности. Тут важен такт, интуиция, подсказывающая, о чем можно спросить и где надо остановиться. Биокритические интервью имеют более свободную форму. Интервьюер должен быть готов последовать за неожиданно всплывшей темой, указать на возможное противоречие в аргументах собеседника, или привести пример из собственной жизни. Респондент и интервьюер здесь временами меняются местами — биокритик становится респондентом, а его собеседник расспрашивает интервьюера. Наиболее интересные беседы у меня были с респондентами в формате взаимного интервьюирования, биокритического диалога.

Биоинтервью чистого вида — редкость. Как правило, в каждом случае присутствуют разноформатные, гибридные элементы, но есть и общая тенденция, отражающая установки интервьюера, задачи исследования, а так же степень близости респондента и его собеседника (это можно увидеть, сопоставив интервью Эдуарда Беляева, данное мне в 2008 году и Боре Докторову в 2010¹²). Личные отношения между собеседниками в биоинтервью могут повлиять на ход беседы и осложнить интерпретацию биоинтервью. Согласно Маховской, "если интервьюер связан личными отношениями сотрудничества или

дружбы со своими респондентами, то степень искажения резко нарастает. Такой фактор как "симпатия-антипатия" перекашивает сведения в пользу "симпатичных" событий и людей. Он настолько силен, что не зависит от воли участников, их IQ" (МБИ-1, с. 43). Эффект сопричастности и содружественности в работе интервьюеров заслуживает специального исследования, и не только как источник ошибки, но и как биокритический ресурс.

Как исследователь человеческой памяти, Маховская обращает внимание на "закономерные искажения информации" и их влияние на конструкцию биоинтервью. "Я проводила исследования динамики образов значимых событий, в которых люди принимали участие", пишет Маховская, "и могу сказать, что искажения возникают с самого начала, память даже не получает значительной доли информации, если она противоречит положительному образу "Я" респондента. Все, что делает его незащищенным, ставит под сомнение его репутацию, закрывает перспективу стирается, или запоминается как попало" (МБИ-1, с. 43).

Интересны наблюдения Маховской по поводу роли эмоций в биокритическом исследовании. "[А]ффективные" индикаторы интервью", пишет она, "зависят в большей мере от культурно-заданных сценариев. Этим объясняется, почему субъект ведет себя внешне адаптивно, разумно, перспективно, а при этом испытывает чувство стыда, горечи и отчаяния. Так можно понять и известный эмигрантский феномен — ностальгия" (МБИ-2.1, с. 13). Ностальгией в среде эмигрантов я не занимался, в академической среде ее особенно не замечал, хотя вопрос, несомненно, заслуживает внимания. Меня больше интересовало распределение в биоинтервью аффективных маркеров — радость, страх, гнев и спокойствие¹³ — и их концентрация в разных жизненных сферах. Например, в интервью Игоря Кона 1999-года можно найти наблюдение, что "почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх. Из моих близких никто не был репрессирован, но я на всю жизнь запомнил, как в 1937 году у нас в комнате, на стенке карандашом, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым я должен был позвонить, если мою маму, беспартийную медсестру, вдруг арестуют"¹⁴. А в интервью 1996 года Игорь рассказывал: "На лекциях у физиков я получал такое удовольствие. Я аж рисовался, меня собственная внешность [занимала]... Помню, я надел новый костюм и галстук, а там выходили знакомые ребята из ЛИТМО, и один из них сказал: "Игорь Семенович, вы такой красивый сегодня вообще". Я сам себя чувствовал красивым"¹⁵. Интервью на нашем сайте, особенно биокритически ориентированные, переполнены такого рода эмоциональными индикаторами, и как мне кажется, помогают понять феноменологические особенности исторического бытия личности и общества.

Не всегда ясно как быть со свидетельствами о респонденте и третьих лицах, содержащими нелицеприятную информа-

⁷ Shalin Dmitri N. Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011, Chapter 6.

⁹ Эту точку зрения отстаивает в своих работах Андрей Алексеев (см. Алексеев А. "К вопросу об "Истории российской социологии в лицах". Февраль-апрель 2006 г. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов). Доклад на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Иофе Право на имя. Биография XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург, апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/arti9cles/alekseev_bioscience.html.

¹⁰ Мазлумянова Н., Докторов Б.: "История всегда авторская", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.

¹¹ Божков О. Биографии и генеалогии: Ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. №1, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bozhkov_biographies.html.

¹² Беляев Э.: "Во время Чехословацких событий мы были в Каярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/beliaev_08.html. БЕЛЯЕВ Э.В. "ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ - ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЧЕРТА МОЕЙ ЛИЧНОСТИ" // Телескоп, 2010. №3. С. 2-12, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html.

¹³ D. Shalin, Emotion Template Matrix Chart, http://cdclv.unlv.edu/programs/etm_chart.html.

¹⁴ Кон И. "Эпоху не выбирают", http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/kon_1999.html.

¹⁵ Кон И. "Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз", http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/kon_96.html.

цию. "Возникает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев?", замечает Лариса Козлова. "Что предпочтительнее исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он "облеяет" кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности"¹⁶.

Я и мои коллеги не раз оказывались в ситуации, где респондент начинал рассказывать о каком-то деликатном эпизоде и затем спохватывался, не зная, стоит ли ему продолжать, или просил выключить магнитофон. В таких случаях я говорю собеседнику, что мы можем оставить эту тему, что при желании респондента проблематичное событие или откровенное суждение останется конфиденциальным, что у него будет возможность изъять из окончательного варианта интервью любой его кусок. В моей практике было несколько случаев, когда респондент отказался от идеи обнародовать интервью или его значительную часть после прочтения расшифровки. Один респондент попросил снять с сайта (это не был проект МБИ) текст, провисевший там несколько месяцев. Я снял мемуары (это были именно мемуары, а не интервью), но предупредил человека, что материал уже разошелся и его судьба от меня не зависит. Через какое-то время этот респондент попросил меня вернуть мемуары на сайт АИГ.

Ситуации такого рода высвечивают важные особенности мемуарной этики и практики интервьюирования. Что-то респондент может недосказать, что-то исказить в ходе интервью, но он может сказать и, как правило, говорит больше, чем намечался (отчасти по этой причине Ирвинг Гофман отказывался давать интервью). У собеседника могут возникнуть сомнения по поводу всего процесса, желание что-то изменить в ранее опубликованном тексте или полностью изъять его из обращения. Люди, охотно дающие интервью и пишущие мемуары, не любят напоминаний о том, что они говорили или писали в прошлом. Некоторые ссылки на мемуарные материалы, опубликованные на других интернетных платформах и не продублированные на нашем сайте, сейчас не доступны пользователям МБИ. Проблема может быть чисто технической (сайт, где первоначально размещался материал, закрыт или находится в ремонте), но возможно и сознательное решение автора схоронить свои ранние излияния.

Еще более острые проблемы возникают в натурном эксперименте, где исследователь является непосредственным участником событий, а его соучастники не подозревают, что вовлечены в эксперимент, результаты которого могут быть опубликованы с поименным перечнем участников, описанием ключевых событий и оценкой поведения актеров невольной драмы. Я спрашивал своих коллег в России и Америке о мемуарной этике, и обнаружил, что по этому поводу мало, что написано и нет единого мнения. Наташа Мазлумянова высказала любопытное соображение по данному вопросу: чем более интимно мы знаем человека, тем шире круг вопросов, которых нельзя касаться в мемуарах о данном лице¹⁷. Схожую мысль высказал Хауард Беккер, сокурсник Гофмана, сказавший мне, что он был близким другом Ирвинга и остается другом его семьи, и поэтому не считает возможным вдаваться в подробности его жизни. Мне эта позиция понятна, хотя здесь встает вопрос, насколько можно доверять мемуарам о близких людях, (а Беккер публиковал истории из жизни Гофмана), учитывая их избирательность и потенциальную тенденциозность.

Как у всех биографов и интервьюеров, у меня накопилось

много не задействованных биоматериалов. Сын Гофмана рассказывал мне об отце и семейных секретах, и мне пока не ясно, что из этих сенсационных свидетельств можно обнародовать, а что нет, и это несмотря на то, что ни отца, ни сына уже нет в живых. Даже материалы завещания Гофмана и его первой жены, по Американским законам доступные всем интересующимся, содержат подробности, которые неловко предавать гласности. Когда я спросил членов совета по проекту "Архивы Ирвинга Гофмана", стоит ли выложить эти материалы на сайте АИГ, мнения разделились, и за отсутствием консенсуса, я решил их не публиковать. Серьезный историк, биограф, литератор не может игнорировать такую информацию, но как быть социологу, работающему в современном режиме? Должен я сохранить материалы такого рода для будущих исследователей? Когда можно опубликовать закрытые документы и частную переписку — через 30, 50, 100 лет?

Джеймс Босвелл, автор, быть может, самой известной биографии нового времени, "Жизнь Сэмюэля Джонсона", собрал множество материалов о своем современнике, блестящем интеллектуале 18-го века, но не решился опубликовать отдельные свидетельства, сложив деликатные материалы в папку под названием *Tacienda* (не отсюда ли "Потаенное" Розанова?). Из материалов этой серии мы знаем о мазохистских наклонностях Джонсона, о том, чем он занимался в постели со своей падчерицей, и прочее. Если бы Босвелл уничтожил эти биоданные, о них мы вряд ли бы узнали. Босвелл этого не сделал, и сейчас ученые изучают творчество Джонсона в свете его телесных практик. Тут встает сложный комплекс этических проблем — насколько значимы для биокритика стигматизирующие подробности жизни человека, можно ли задавать провокационные вопросы, что нужно выбросить из окончательного варианта биоинтервью, за кем остается последнее слово в редактировании текста, как быть с нелицеприятной информацией относительно третьих лиц, следует ли определить временной рубеж, после которого конфиденциальная или скандальная информация может быть передана гласности? Эти вопросы широко освещались в рамках МБИ, но консенсуса по ним нет и, наверное, быть не может.

Андрей Алексеев в целом согласен с моей позицией о достоверности биоинтервью и правомерности биокритического подхода, но выражает тревогу по поводу не всегда обоснованной критики в адрес социологов, которых уже нет в живых. "Но я бы наложил хотя бы 10-летний "мораторий" на обсуждение наших покойных коллег — хоть интервьюируемыми, хоть интервьюерами, хоть мемуаристами, хоть исследователями — в любом аспекте, который мог бы как-то затронуть их честь и достоинство или мог дать повод для опровержения (самозащиты), будь человек жив... Этакой бестактностью в отношении тех, кого уже нет с нами, грешат и некоторые материалы на сайте МБИ. Что уже вывешено — убирать не надо, только впрямь — модерировать (или, если угодно, цензурировать)" (МБИ-2.1, с. 59-60).

Проблема серьезная, решить ее в общем виде сложно. Если мы начнем заниматься цензурой, то остановиться будет трудно. Следуя этой логике, нужно было бы исключить критику наших коллег, прозвучавшую в ходе настоящей дискуссии. Алексеев прежде всего озабочен репутацией умерших коллег, но проблема не снимается и в случае ныне здравствующих людей. В интервью 1990-го года, Левада несколько пренебрежительно высказался о Борисе Работе, а Работ, ознакомившись с этим интервью, в свою очередь критиковал Леваду в своем интервью 2008 года. Во многих интервью звучит критика в адрес Руткевича, Осипова, Сигова, Парыгина. Стоило ли ее цензурировать,

¹⁶ Козлова Л. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал, 2007, № 2, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_bio.html.

¹⁷ Мазлумянова-Шалин (О Геннадии Батыгине и практике интервьюирования), МБИ, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html.

и если да, то как решать вопрос в каждом случае — консенсусом, большинством голосов, давать каждому заинтересованному лицу право вето?

А вот, что писала по схожему поводу Патриция Босворт, автор недавно опубликованной биографии Джейн Фонды: "Главная трудность, с которой сталкивается биограф ныне здравствующего человека заключается в том, что он не всегда может быть вполне откровенен. Джейн согласилась со мной говорить, и мне не хотелось злоупотреблять этим доверием; я старалась ее оберегать, и потому должна была тщательно взвешивать, о чем писать и о чем умалчивать"¹⁸. Босворт продолжает: "Мне довелось видеть множество Джейн. Я знала Джейн одержимую миссией; девически застенчивую Джейн в общении с мужчинами; Джейн на телеэкране с патентованными советами по поводу любви, секса и физических упражнений; непреклонную Джейн в мире бизнеса и саморекламы; щедрую Джейн в отношениях с друзьями в беде; любящую бабушку Джейн; гламурную Джейн, когда она дефилировала в белом платье на кинофестивале в Каннах, затмив своей персоной всех молоденьких звездочек".

Или возьмите известного социолога Ирвинга Гофмана, о котором у нас много весьма противоречивых свидетельств. Бурдые характеризует его как человека "теплого, дружелюбного, скромного, участливого", а Дин Маканнел описывает Гофмана как "ироничного, ненадежного, скрытного, неотзывчивого"¹⁹. Кто из них прав? Судя по мемуарам и интервью в архивах Гофмана, оба правы. Володя Шляпентох был у Гофмана дома и запомнил его как человека радушного и щедрого²⁰, а по воспоминаниям Эвиатара Зерубавеля, у которого Гофман был научным руководителем, работать с таким ментором было пыткой²¹.

Достоверностью отличается не та интерпретация, где биограф докопался до настоящей Фонды или истинного Гофмана, а реконструкция, которая описывает реального человека во всей ее или его противоречивости. Задача интерпретатора — по возможности вычислить вероятность того или иного типа поведения в общей структуре процесса, именуемого термином "личность". Последнюю следует рассматривать как стохастический процесс, в котором человек ведет себя как частица в квантовой механике — пока ее не локализуешь наблюдением, она движется в разных направлениях, имеет множество масс, позиций и прочих параметров, и только при конкретных обстоятельствах (например, когда мы просим респондента заполнить анкету) объект исследования занимает определенную позицию. Сменилась ситуация — и человек проявляет себя как-то иначе, ведет себя непоследовательно, или вовсе противоречиво. Эта неопределенность не есть погрешность инструмента, как принято считать в классической теории, а кардинальное свойство социальной реальности, где мы отслеживаем вероятности, тенденции, векторные характеристики поведения личности. Задача социолога не в том, чтобы схватить человека как такового и показать его подлинное лицо, а чтобы выяснить наибольшую амплитуду колебаний в поведении кон-

кретной личности или групп личностей в определенных социально-исторических условиях. На это направлена методология прагматической герменевтики²².

С большим скепсисом к возможностям биоинтервью и проекту МБИ относится Владимир Шляпентох. "Дмитрий и его коллеги поразительным образом склонны, как правило, доверять своим собеседникам как людям, желающим и могущим снабдить их фактами о том, если использовать знаменитые слова немецкого историка 19 века, "что было на самом деле" в прошлом", замечает в своих комментариях Володя²³. "Между тем поклонники биографического метода абстрагируются от того, что их респонденты переполнены в момент интервью (как впрочем и в тот период, о котором они вспоминают) страстями, преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей... Впрочем, сторонники биографического метода с розовыми представлениями о готовности их респондентов говорить "правду, только правду и всю правду" по сути порождены американской эмпирической социологи[ей], которая в целом и по сей день отличается удивительно романтической верой в природу человека и, в частности, в его стремление быть честным со всеми и в том числе с социологами".

Не стану защищать американскую социологию (хотя моим здешним коллегам такое размахистое суждение вряд ли покажется обоснованным), но вступлюсь за своих коллег по МБИ. Никто из них, насколько мне известно, не склонен "бестрепетно доверять автобиографиям видных людей". Все они подчеркивают сложность интерпретации биоинтервью, ненадежность человеческой памяти, необходимость учитывать возможные искажения и использовать триангуляцию при обработке данных. Как заметила Наталья Мазлумянова, респондент погружен "в культуру приемлемых ролевых сценариев, "легенд" (почти как у разведчиков), скрытых за текстом личностных систем ценностей, установок, неартикулированных мотивов, интенций"²⁴. Эту же мысль Мазлумянова развивала на форуме МБИ: "То, что говорит респондент — всего лишь версия событий, ослепленная массой искажений, которые обусловлены, опять-таки, массой причин. Текст интервью можно положить в основу исследования, но следует дополнять его другими материалами — в меру их доступности и пригодности в данном случае" (МБИ-1, с. 24). А вот что писал Андрей Алексеев в 2006 году по поводу моего метода: "Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) некоторым творцом "легенды" собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, а что-то затушевывается, а что-то и вычеркнуто из памяти, иногда сознательно, иногда бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких "смещениях акцентов"²⁵. То есть, меня скорее можно обвинить в излишней дотошности, чем в склонности принимать

¹⁸ Bosworth J. "Connected, Darkly, to Jane Fonda", New York Times, September 26, 2011.

¹⁹ Шалин Д. "Goffman's Biography and the Interaction Order: A Study in Biocritical Hermeneutics". Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, 2008, <http://cdclv.unlv.edu/ega/bios.html>.

²⁰ Shlapentokh V. "The Pen of a Genius is Mightier than the Writer Himself", in *Bios Sociologus: The Erving Goffman Archives*, Dmitri N. Shalin, ed. (UNLV: CDC Publications, 2009-2010), http://cdclv.unlv.edu/archives/interactionism/goffman/shlapentokh_08.html.

²¹ Zerubavel E. "Studying with Erving Goffman", in *Bios Sociologus: The Erving Goffman Archives*, Dmitri N. Shalin, ed. (UNLV: CDC Publications, 2009-2010), http://cdclv.unlv.edu/archives/interactionism/goffman/zerubavel_08.html.

²² Shalin D., "Agency Scan and Emotion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Findings". Paper presented at the 2006 Annual Meeting of the American Sociological Association, http://cdclv.unlv.edu/programs/etm_findings.html.

²³ Шляпентох В. "Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? "О "незримом колледже" и биографических интервью", МБИ-1, с. 28-29.

²⁴ Мазлумянова Н., Докторов Б.: История всегда авторская, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.

²⁵ Алексеев А. "К вопросу об "Истории российской социологии в лицах". Февраль-апрель 2006 г. См. также Алексеев А. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов). Доклад на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Июфе Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург; апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

на веру данные биоинтервью.

В начале своих заметок о нарративной идентичности я привожу выдержку из интервью 1990 года, где обсуждалось увольнение Павла Буторина, сотрудника Института конкретных социальных исследований, и указываю на целый ряд неточностей в изложении фактов этого дела. Приводя цитату из интервью о мотивах моего решения эмигрировать, я тут же оговариваюсь, что мои рассуждения могут быть "рационализацией", прикрывающей иные мотивы и побуждения. Целая секция в моих заметках посвящена ретроспективным ошибкам и недоговоренностям в интервью, размещенных на сайте МБИ. Биокритическая герменевтика тем и интересна, что проблематизирует нарративную идентичность и конструктивистскую природу биоинтервью. Так что критика Володи Шляпентоха, мне кажется, не по адресу.

Вышесказанное не значит, что мы имеем дело с недоразумением, которое можно списать на неточность формулировок, полемический задор, и т.д. Шляпентох призывает доискиваться объективной реальности, проверять достоверность информации, разводить факты и ценности, но что стоит за этими понятиями не уточняет. Понятия эти подвергались осмеянию в постмодернистских теориях, с которыми Володя ассоциирует и мой подход к биографии. О своих расхождениях с постмодернистской эпистемологией я писал²⁶, но не все в этом дискурсе ошибочно. По крайней мере со времен Канта философы подвергали критике стремление схватить вещь в себе, установить "что было на самом деле", и в той степени, в какой постмодернисты импровизируют на эту тему, с ними можно согласиться. Реальность обретает объективные характеристики по мере того, как она становится объектом человеческой деятельности. Для Канта эта деятельность была когнитивной; для Маркса — материально практической; для Джона Дьюи и прагматистов — предметной, эмоциональной, когнитивной и коммуникативной. Это особенно важно иметь в виду, когда мы обращаемся к социальной реальности, которая неразрывно связана с нашей сознательной деятельностью, предвзвешиваниями и ценностями, без коих невозможен социальный факт. Но если постмодернизм берет на вооружение скептическую деконструкцию, отрицающую саму возможность истины, то прагматизм нацелен на реконструкцию, которая понимает истину как исторически сложившееся, социально фундированное, и практически достигнутое единство знания и реальности²⁷.

Официальная статистика утверждает, что безработица в США в июле 2011 года достигла 9.1%. Но этот факт не учитывает людей исчерпавших пособие по безработице, переставших искать работу, занятых менее чем на 50%. Посчитайте этих людей, и процент безработных в Америке может удвоиться. Определение понятия "безработный" зависит от предпосылок и ценностей исследователя, от его либеральности или консерватизма, а посему и объективная реальность, отраженная в статистических данных, несвободна от оценочного момента. Прагматизм подчеркивает многообразие ценностных систем отсчета, в которых реальность раскрывается в своей соотношенности с человеческой практикой как объективный феномен — исторически заданный, социально конституированный, и практически достигнутый.

Участники настоящей дискуссии сходятся на том, что биоинтервью данные подвержены разного рода искажениям, что их нужно проверять, но расходятся в том, как это лучше делать. Установить достоверность того или иного факта важно, тут я согласен с Владимиром Шляпентохом. В каких-то случаях это сделать несложно. Например, в интервью 2006 года Во-

лодя указывает на низкий уровень преподавания социологии в Мичиганском университете и замечает по ходу дела, что "на моей кафедре методы опроса не являются обязательной дисциплиной для аспирантов". Я прочел, удивился, вышел на сайт университета в Ист Лансинге, и нашел там следующее требование к аспирантам-социологам: "Все аспиранты должны пройти семестровый курс статистики, или его эквивалент, одобренный комитетом по методологии... Все аспиранты должны пройти семестровый курс по методологии социологических исследований, Социология 885, или его эквивалент..."²⁸. И далее перечисляется полдюжины курсов по статистике и методам исследования, из которых аспиранты должны выбрать классы по статистике и методологии исследования. Возможно, эта информация на университетском сайте устарела, но проверить ее достоверность не предоставляет труда.

Разумеется, не все факты можно опровергнуть или подтвердить с помощью компьютера и поисковой системы в интернете. Борис Раббот рассказывает в своем интервью, как, будучи студентом университета, он отказался стать стукачом и был за это избит до полусмерти сотрудниками компетентных органов²⁹. Можно покопаться в архивах КГБ (хотя вряд ли там сохранились материалы дела), порасспросить современников, проанализировать жанровые особенности этого и схожих эпизодов в биоинтервью Раббота, проследить его склонность к преувеличению, и затем уже судить о вероятности данного эпизода. Но как быть, если не нашлось надежного источника, подтверждающего достоверность данного события? Шляпентох считает, что в таком случае его не стоило публиковать. Я с ним не согласен.

Где-то в начале 1974 я подавал документы на поездку в Западную Германию по линии Совета молодых ученых при райком комсомола, и со мной попросил встретиться гэбэшник. Он расспрашивал меня о работе, говорил какие-то комплименты (я только что защитил кандидатскую), и затем попросил меня следить за другими участниками делегации во время поездки в Германию. Было противно, но я готов был на это пойти, полагая что, никто меня не заставит стучать на членов делегации ("ничего не видел", "ничего не слышал", и все тут). Но сотрудник органов, полагая, что он нашел покладистого человека, стал меня расспрашивать о моих коллегах в ИКСИ и просил ставить его в известность о поведении конкретных персонажей (сейчас уже не помню, кого именно). Я тут же очухался и сказал, что не подхожу для такого рода занятий. Гэбэшник сначала удивился, потом рассердился, потом посоветовал еще подумать. Визу мне не открыли ("Москва зарезала", посетовало местное комсомольское начальство) и в Германию я не поехал. Ядову, Беляеву и кому-то еще я об этом разговоре сообщил по горячим следам.

Согласно Шляпентоху, говорить об этом эпизоде не следует, поскольку нет свидетелей моего разговора с гэбистом, и вряд ли протокол этой беседы сохранился в архивах КГБ (хотя кто знает). Но я не вижу, почему мою версию событий нельзя придать гласности. Ничего героического в моем поведении не было — я не послал чиновника подальше, а вежливо уклонился от бремени стукача, хотя мои шансы на зарубежные поездки после такого поворота событий, наверное, уменьшились. Тоже самое можно сказать о деле Бориса Раббота. Мы не можем проверить, действительно ли Борис подвергся избиению в КГБ, насколько жестоким оно было, и как он вел себя во время допроса. Но такого рода событие могло иметь место, и в отсутствии контр-свидетельств, я склонен принять на веру этот эпизод. Даже если бы описанный Рабботом эпизод оказался выдум-

²⁶ Shalin, D. Pragmatism & Democracy, Chapter 5.

²⁷ Там же, Chapter 3.

²⁸ См. <http://www.reg.msu.edu/AcademicPrograms/ProgramDetail.asp?Program=4536>.

²⁹ Раббот, Б. С. "Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/rabbot_08.html.

кой, его можно рассматривать как значимую информацию. То, что является "шумом" в одном отношении, может выступать "сигналом" в другом. Биоинтервью лишь первая стадия в работе биокритика.

Именно поэтому я обратился через посредника к Леониду Баткину с просьбой прокомментировать интервью Работы, особенно ту его часть, где Борис рассказывает о работе в качестве референта Румянцева. В своей записке 24 июня 2011 г. Баткин сообщил следующее (я исправил несколько опечаток в его послании): "До 1967 года я преподавал в Харькове эстетике, в Институте искусств, по распоряжению Обкома меня выгнали с работы по политическим мотивам и предупредили, что новой работы в городе я не получу. Год я оставался безработным. Затем покойный М.Я. Гефтер предложил мне сотрудничать в Институте всеобщей истории у него в секторе. Гефтер был тайным консультантом вице-президента Румянцева, поэтому я чудом смог перебраться в Москву в декабре 67 года. Вся связь с Румянцевым по поводу меня шла через его доверенного помощника Бориса Работу. Условием переезда и работы стало мое согласие писать тексты для академика. У Румянцева тогда была репутация "либерала" и я, наивно предполагая, что смогу косвенно проташить какие-то правдивые соображения, — согласился. Это "спичрайтерство" продолжалось в 1968-1972 годах. Я сделал несколько больших и важных статей и докладов, и даже длинное закрытое письмо Румянцева генсеку по поводу угроз антисемитизма и национализма, но увидел, что мои тексты неизменно редактировались кем-то и принимали гораздо более сглаженный вид. Поэтому я отказался продолжать эти двусмысленные занятия, да и времена уже требовали от вице-президента совсем иного, "строгого" тона публикации. Так кончилась эта история (с Работом чисто приятельские отношения продолжались до его отъезда)" (МБИ-2.1, с. 5).

Записка Баткина проливает свет не только на его сотрудничество с Румянцевым, но и на то, что я называю "личной герменевтикой" участников событий³⁰. Если верить Баткину, то доклады Румянцеву писал не только, а возможно и не столько, Работ. Борис Работ опустил этот факт в своем интервью, что существенно для понимания его как респондента. Можно понять тех участников МБИ форума, кто засомневался во врожденном диссидентстве Работы. Сравните рассказ Работы с тем, как Андрей Алексеев ответил на мой вопрос, когда он окончательно освободился от коммунистических иллюзий: "Если рассуждать не об ощущениях, а о поступках, то считайте, что позавчера. [До этого] не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому"³¹. Думаю, что сомневаться в достоверности этого утверждения не приходится.

Другой пример почерпнут Шляпентохом из интервью 1996 года, в котором Игорь Кон объясняет, почему он решил вернуться в СССР из заграничной поездки. Шляпентох спрашивает: "можно ли вот так принимать на веру, что Игорь Кон потому не остался в Голландии в 1965 году, что у него была "начатая работа" (МБИ-2.1, с. 6)? Нет нельзя. Но ведь Игорь не ограничивается этим мотивом в описании причин, побудивших его оставить мысль об эмиграции. Вот полный текст его обоснования: "Можно было остаться, попросить убежища. Но такие мысли оставались абстрактными. Я думал, что подведу товарищей, есть начатая работа. Была надежда, что все-таки что то образуется. Потом этих надежд уже не возникало... Один только раз я серьезно об этом думал — даже предупредил маму... Мама знала, и мой друг знал. Потом он страшно обрадовался, когда

я вернулся. Но всегда сдерживало [сознание того], что я при деле, что делаю что-то важное. А что я буду делать [на Западе]? Ну, будет у меня другая кормежка, будут лучшие условия, но сомнения, зачем мне это нужно и что я от этого приобрету, были всегда. К материальным благам я был равнодушен, меня больше интересовала моя работа"³².

Перед нами сложная мотивационная сетка. Тут и сознание того, что его невозвращенство может кому-то повредить, что дома остался близкий "друг", что ситуация в России может улучшиться, что на Западе его никто не ждет, что дома осталась интересная работа, что материальные блага для Игоря второстепенны по сравнению с творческим поиском. Ни одна из этих мотивировок не самодостаточна, но в своей совокупности они указывают на работу амбивалентного самосознания и дают реалистическую картину мотивационного поля, в котором Кон принимал судьбоносное решение об эмиграции.

"Без оглядки на механизм рационализации мотивов", пишет Шляпентох, "Шалин ставит задачу "проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов, покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых" (МБИ-2.1, с. 6). Ну почему же без оглядки на рационализацию. Конечно, нужно анализировать мотивировки, принимать во внимание возможность само/обмана, сравнивать противоречивые диспозиции, сопоставлять вербальные и невербальные индикаторы. Не нужно быть биокритиком, чтобы понять, что структура мотивации не тождественна структуре поведения. Да и сам Шляпентох соглашается со мной, когда пишет, что "ответы о мотивах всегда полезны, как один из источников информации, позволяющих что-либо понять о ценностных ориентациях, об идеологических пристрастиях респондентов и о способах их приспособления к реальности в момент интервьюирования" (МБИ-2.1, с. 6). Значит, исследовательский коллектив МБИ работал не зря.

Я не думаю, что "только большие романисты типа Томаса Манна или Лиона Фейхтвангера имеют моральное право рассуждать о мотивах поведения людей".

Мотивация плодотворно исследовалась в социальных науках, в том числе социологических, например в работах Райта Милса, Кеннета Берка, Ирвинга Гофмана, Стэнфорда Лаймана, Майрона Скотта и других исследователей изучавших словари мотивов и типы самооправданий (accounts) в разных суб/культурах. Для социологов мотивация это форма вербального поведения, которая следует логике отличной от логики невербального поведения. Что значит мотивировать поступок (действие, поведение, линию жизни)? Если говорить о ретроспективной конструкции, то мотивировать поведение значит: 1) проследить его истоки, намерения, цели, 2) обрисовать социально-исторический контекст действия, 3) определить ресурсы достижения поставленной задачи, 4) описать трудности реализации плана и его возможной корректировки, 5) сравнить конечный результат с интенциями и обрисовать непредвиденные последствия, 6) подвергнуть критике данную линию поведения и извлечь из него уроки на будущее. Тут благодатное поле для работы биографа и биокритика.

Шляпентох скептически относится к "готовности... респондентов говорить "правду, только правду и всю правду"", упрекая американских социологов в нежелании "даже упоминать при характеристике респондентов такие термины, как "искренность", "ложь", "ложные ответы"" (МБИ-1, с. 29). По его мнению, этим грешат и Мелвин Кон, и Роналд Ингледгард. Последний, например, "без всяких хитростей спрашивал жителей в автори-

³⁰ Шалин Д. "Талина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью" // Телескоп, 2008, №2, с. 22, здесь и далее цитаты приводятся по версии, размещенной на сайте МБИ, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_golofast_intro.pdf.

³¹ "По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. №4, 2010, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>.

³² Кон И. "...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html.

тарных странах, что они думают о власти, насколько они доверяют официальным ценностям и т.п.³³

Не буду вдаваться в тонкости интерпретации данных опросов общественного мнения в авторитарных странах. Замечу лишь, что понятие "ложности" данных интервью бессмысленно без понятия их "истинности" — конкретный ответ можно определить как заведомо ложный только, когда мы знаем истинное положение вещей. В случае биоинтервью ситуация осложняется тем, что ответ респондента может быть одновременно честным и фактически неверным. Здесь следует разводить понятия "истинность", "ложность" и "правдивость"³⁴. Истинность требует подтверждения биоинформации независимыми источниками, ложность предполагает намеренное искажение существа дела, правдивость характеризует респондента, который искренне отвечает на вопросы, но может заблуждаться в конкретных фактах. Качество биоинформации не всегда очевидно, но мы не без ресурсов при ее оценке.

Никто не станет обвинять Ядова в лжесвидетельстве, когда он по памяти восстанавливает обстоятельства перевода книги Гуда и Хатта и его воспоминания оспариваются другими свидетелями (Мазлумьянова, МБИ-1, с. 23). Презумпция правдивости здесь полностью оправдана, хотя установить последовательность событий и роль людей, имевших отношение к данному вопросу, сейчас уже не представляется возможным. Другое дело, когда Парыгин дает интервью, где утверждает, что "я первый "подставился", бросил вызов, за который потом годами пришлось расплачиваться", что при советской власти ему "досталась судьба изгоя и изгнанника", что как "лидера международного ревизионизма" его вызывали на ковер в высокие инстанции и осуждали за потерю "идеологической выправки"³⁵. Здесь более чем уместны сомнения по поводу его правдивости. Достаточно вспомнить роль Парыгина в деле Валерия Голофаства, где он в качестве председателя партийной комиссии обвинял в "недостаточной идеологической зрелости коммуниста В.Б. Голофаства", или сетовал на отсутствие в среде ленинградских социологов той самой "идеологической выправки", из-за отсутствия которой его самого якобы подвергли гонениям³⁶. Тут можно припомнить и роль "первого ученика", которую Парыгин сыграл в разгоне отдела Ядова в ИСЭПе. А если принять во внимание, что Ядов публично порвал с Парыгиным, то публикацию последним в 2005-ом году фотографий, на которых Парыгин запечатлен с его "другом" Ядовым, можно считать просто непристойной.

Согласно Володе Шляпентоху, "нельзя респонденту верить ни в чем", тем более респондентам биоинтервью, которые "преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей" (МБИ Форум 2.1, с. 15 и МБИ-1, с. 29). Володя готов распространить это суждение и на себя как респондента биоинтервью, но тут возникает любопытная коллизия.

1. Имярек утверждает, что нельзя доверять респондентам биоинтервью, поскольку они преданы идеологическим догмам, и т.д.;
2. Имярек является респондентом биоинтервью;
3. Имярек утверждает, что ему нельзя доверять, поскольку он...

и далее по силлогизму. Утверждение типа "нельзя респонденту верить ни в чем" опровергает само себя — если оно сделано респондентом. Тут уместно вспомнить теорему неполноты и "парадокс лжеца", который (в переводе на язык социологии) предполагает, что суждение о членах класса, к которому принадлежит субъект суждения, символически выводит его за пределы описываемого сета, заставляя брать роль другого и принимать точку зрения внеположенного класса. Вопрос о достоверности биоинформации нужно решать в конкретной ситуации применительно к конкретному респонденту и его конкретному суждению.

Мне также хотелось бы поспорить с Эдуардом Беляевым и ответить на его возражения по поводу биографического метода в социологии. В своих комментариях на мои заметки о нарративной идентичности Беляев пишет, что у него "совсем нет склонности заниматься анализом того, кто что сказал, кому и когда, и верно ли это. Я считаю, что подобного рода деятельность совершенно бесплодна", поскольку она "ничего не дает для социальных наук, в лучшем случае что-то дает для истории или биографии, или художественной литературы"³⁷. Социология не занимается отдельными лицами и избегает моральных оценок, основанных на личных симпатиях и антипатиях. Ее задача осветить работу общества в целом и его отдельных институтов, найти закономерности (patterns) в поведении и вербализации бытующих в конкретных социальных общностях. В одном месте Беляев говорит, что "'моральное"-аморальное" пове-

³³ В своем посте от 30.08.2011 на Форуме МБИ-2.1 Шляпентох пишет, "я буду благодарен Вам, если Вы найдете один параграф в работах Ваших невадских коллег, посвященный этой проблеме [проблеме достоверности социологических данных] в публикациях их результатов" (МБИ— 2.1, с. 15). Действительно американские социологи мало интересуются вопросами такого рода, но вот выдержка из публикации одного невадского социолога по теме дискуссии: "Проблема эта имеет непосредственное отношение к социологическим опросам. Специалисты в данной области изучают общественное мнение с целью выявить суждения, стереотипы и дискурсы, созвучные духу времени и распространенные в данной популяции, и затем приглашают респондентов ответить на вопрос, с какими из этих стереотипов они согласны. Социологический вопросник дает возможность исследователю с высокой надежностью определить более или менее автоматическую реакцию респондентов на типовые суждения в ситуации лишенной контекста. При этом, чем надежнее инструмент воспроизводит стереотипы, тем хуже вербальные реакции респондентов соотносятся с проблематичными реалиями повседневной жизни, где их поведение зависит от ситуационного контекста. Процесс валидации данных должен вывести социолога из искусственных условий, в которых респондент находится во время опроса, чтобы сопоставить вербальные установки с реальным поведением. Взятые вне контекста, вербальные маркеры плохо соотносятся с действиями в повседневной жизни, поскольку надежность данных здесь куплена ценой потери экологической достоверности. Иначе говоря, надежность и валидность данных социологических опросов находится в отношении неопределенности — их нельзя максимизировать одновременно с произвольной точностью". (Shalin, D. "Mikhail A. Alexseev, Immigration Phobia and the Security Dilemma: Russia, Europe, and the United States." (Cambridge: Cambridge University Press, 2006). Canadian American Slavic Studies, 2009, Vol. 44, No. 1/2, pp. 255-259. См. также Шалин, Д., "Феноменологические основы теоретической практики. Биокритические заметки о Ю. А. Леваде" // Вестник общественного мнения, 2008, № 4, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_levadabio.html, с. 99-100).

³⁴ Истину можно установить во многих случаях, но вопросы, на которые легко ответить в формате "да-нет", "истина-ложь" не самые интересные. Если я скажу, что у меня дома на книжной полке стоят девять томов Вавилонского Талмуда 1918 года издания, то суждение это будет либо истинным, либо ложным. В реальности на полке могут оказаться не девять томов, а восемь или десять; я мог перепутать год издания; книги окажутся не на полке, а в гараже. Но установить сам факт в принципе можно. Труднее выяснить, пользуюсь ли я этим изданием. Если я утверждаю, что пользуюсь им регулярно, то нужно определить понятия "регулярно" и "пользуюсь". Если же я стану утверждать, что следую предписаниям Талмуда, то проверить это суждение будет еще сложнее. Потребуется сформулировать принципы Талмуда, найти операциональные определения термину "следовать", принять во внимание, что какие-то из положений почтенной книги противоречат друг другу, и так далее.

³⁵ Борис Парыгин // Очень, 2005, № 4, январь, <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/parygin.html>.

³⁶ Божков О., Протасенко, Т. "Гляжу в себя как в зеркало эпохи". Телескоп // 2005, № 6, с. 2-13, <http://cdclv.unlv.edu/archives/Supplements/golofast.html>.

³⁷ Беляев Э. "Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина". МБИ-1, с. 35.

³⁸ Bourdieu P. "The Biographical Illusion" p. 298 in Identity: A Reader. London: Sage Publications, 2000.

дение для объяснения индивида, на мой взгляд, бессмысленно. Оно находится совершенно в другой сфере и научному анализу не подлежит". Однако, в другом утверждает, что "социолог должен видеть сложное взаимодействие между личными интересами (и соответственно поведением) и ценностями (или моралью)". То есть, моральные факторы социологу все-таки следует принимать во внимание. "В этом смысле собранные интервью социологов на самом деле очень ценны, если мы не будем заниматься личностями интервьюируемых, заниматься тем, что кто кому сказал и насколько это правда. Эти интервью в их совокупности создают хорошую картину того, на каком фоне развивалась советская социология и каковы были её интеллектуальные корни, каков был интеллектуальный и психологический климат в стране" (МБИ-1, с. 39-39).

Позиция ортодоксального социологизма имеет много сторонников. Восходит она к Дюркгейму, для которого "настоящим автором является общество". В биографических исследованиях этой позиции придерживается Пьер Бурдьё. В своей программной статье "Биографическая иллюзия", Бурдьё высмеивает "желание стать идеологом собственной жизни посредством извлечения из нее нескольких событий якобы следующих общему плану и спаянных причинно-следственной связью, желание разделяемое биографом, особенно профессиональным интерпретатором, склонным приветствовать такое искусственное смыслообразование"³⁸. Социологическому анализу подлежат только "институционализированные формы разговора о себе", утверждает Бурдьё, а не их воплощение в авто/биографических опытах отдельных авторов.

Его книга "Набросок к самоанализу"³⁹ имеет выразительный подзаголовок "Это не автобиография", и в ней практически отсутствуют признаки рассказа как серии связанных событий-эпизодов, из которых складывается жизнь человека. Описывая свою профессиональную карьеру, Бурдьё выводит свои научные предпочтения из классовой структуры французского общества и иерархической природы академического мира, при этом всячески чураясь повествовательных деталей (Бурдьё называет свои откровения "безличными исповеданиями"). Он не желает нисходить к конкретике и отвечать на критику коллег и учеников, обвинявших его в жестокости и высокомерии, предпочитая отделяться общими заверениями о том, что у него были веские причины тормозить карьеру одного ученика, разносить в пух и прах другого, игнорировать работы коллеги из смежной области, и т.д. (Володя Ядов рассказал мне, как он пытался поговорить с Бурдьё о своей диспозиционной теории, на что мэтр просто отмахнулся от него).

Позиция Бурдьё сродни теоретической программе Дюркгейма. Как и его знаменитый предшественник, Бурдьё редуцирует выбор человека вообще и свой выбор в частности к историческим характеристикам социального поля и типичному габитусу, приобретенному в ходе социализации. Роль человека как субъекта морального выбора, ответственного за свои действия, при этом уходит на задний план. Мне ближе гуманизм Плутарха, заметившего пару тысячелетий назад, что "большие дела и свершения не всегда дают нам возможность понять добродетели или пороки людей; иногда самые малые события, простой человеческий жест или шутка, куда красноречивее свидетельствуют о характере и особенностях человека, чем грандиозные осады, блестящее вооружение и кровавые сражения"⁴⁰.

Интерес к частному, повседневному вызывал недоверие у многих социологов конца 19-го начала 20-го столетия, и понадобилось время, чтобы узаконить биографическое исследование в социологическом каноне. Классическая социология рас-

сматривала личность как производное ее социальной среды, полагая, что индивиды, в конечном счете, располагаются по силовым линиям социального поля подобно железным опилкам магнитного поля. Но и поведение опилок нельзя предсказать с уверенностью, когда они оказываются на пересечении множества силовых линий, а в квантовой механике поведение частиц еще более проблематично. Мы знаем по работам Ильи Пригожина, что существуют диссипативные структуры и странные аттракторы, вокруг которых неожиданно могут складываться новые поля. В человеческом обществе существование таких диссипативных процессов и аттракторов тем более важно. Понять природу возникновения новых форм жизнетворчества, способных повлиять на ход истории — такую задачу ставили перед социологией Дильтей, Вебер и Дьюи. В их работах мы находим понимание того, что жизнь общества в целом неразрывно связана с привычками и предрассудками его индивидуальных членов, с жизненным курсом и биотраекториями индивидов и групп. Отсюда интерес современной социологии к частному, личному, спонтанному, хаотичному.

Можно и нужно анализировать действия Парыгина, Сигова и Руткевича и сравнивать их рационализации с жизненной стратегией Ядова, Кона и Левады. Столь же полезно разобрать структуру обстоятельств, мотивировок, и характерологических особенностей, приведших одних к решению эмигрировать, а других остаться в России. Беляев приводит мнение Павла Буторина — "уезжали, потому что создалась благоприятная ситуация и люди просто ею пользовались. И не надо ничего придумывать"⁴¹. Но ведь не все уехали, кто-то остался; значит, ссылкой на благоприятные условия здесь не обойтись; нужно понять человека как субъекта действия, способного делать выбор, не всегда предсказуемый, и — хочу подчеркнуть этот момент — ответственного за выбор перед собственной совестью, современниками и потомками.

Как заметил Андрей Алексеев, ангажированность и предвзятость характерна не только для российских социологов, описывающих свою гражданственную и интеллектуальную эволюцию, но и для социологов иммигрантов. Я присоединяюсь к Алексееву в его предостережении относительно скоропалительных оценок различных жизненных траекторий: "То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в "передовой отряд строителей коммунизма" или же уклонился от этой "чести", "вышел на площадь", подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя "науке и только науке") само по себе не должно быть предметом — ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и "суммарных" жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства" (МБИ-2.1, с. 64).

Сходно позицию занимает Блэр Рубл, когда он подчеркивает, что были "умные и порядочные социологи и интеллектуалы, решившие остаться в Советском Союзе и принявших решение покинуть страну" (МБИ-2.1, с. 64). Согласно Блэру, люди склонны в своих воспоминаниях "представлять свой выбор как правильный", что зависит от того, как сложилась судьба российских социологов в Америке, удалось ли найти работу, получить американское образование, и т.д. Было бы интересно обсудить с Рублом его впечатления о российской социологии эпохи застоя и ее трансформации в перестройку и постсоветский период (в аспирантские годы Блэр стажировался в Ленинграде, где я с ним познакомился в начале 70-х). Ряд американских социологов и политологов провели значительное вре-

³⁹ Bourdieu P. Sketch for a Self-Analysis. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

⁴⁰ Plutarch's Lives. Vol. II. New York: The Modern Library, p. 139.

⁴¹ МБИ-1, с. 35.

⁴² Не так давно я пытался связаться с Уесли Фишером по этому поводу, но не смог разыскать его координаты (если кто их знает — отзовитесь!).

мя в России — Уесли Фишер, Джерри Панхерст, Майкл Сакс, и хочется верить, что со временем они засядут за мемуары. Их взгляд на возрождение социологии в России, ее эволюцию и современный статус, равно как и на полемику в МБИ Форуме, нам был бы в подспорье⁴².

Приведу еще одно суждение о природе биокритики и необходимости прояснить ее направленность: "Вопрос, в какой мере эта критика возможна, когда тебе потом с респондентом и его товарищами по жизни рядом идти? Или позиция исследователя провокационная, и критика — как прием стимулировать воспоминания и рассуждения респондентов? Или критичность — как свойство лобного научного ума, с той и другой стороны ("Умные люди знают, о чем идет речь, умные люди договариваются"). Или это скепсис по отношению к прошлым событиям и теориям, масштаб которых кажется мизерным по сравнению с развитием социологии на Западе? Или за этой "критичностью" — комплекс благодарности времени и людям, голоса которых хочется сохранить в максимальной первозданности, потому что они уходят?" Я согласен с Маховской и в том, что надо изучать особенности самосознания ученых организаторов, компиляторов, маргиналов и лидеров научных школ и направлений (МБИ-1, с. 45).

* * *

Одно из перспективных направлений биокритики — изучение взаимосвязи теоретического корпуса с биографической траекторией исследователя. Сам факт участия в нашем "незримом колледже" в этом отношении может быть знаменателен⁴³.

"[С] радостью причислю себя к замечательному содружеству, хотя лично знаю немногих", пишет Анна Готлиб в своем посте от 16.08.20121. "Но, думаю, сегодня, в сетевой век, это и не обязательно. Думаю также, надо поискать основание, объединяющее таких разных людей... Может быть, это некоторая методологическая ориентированность профессионального сознания, всегда нацеленная на анализ не только того, "что" (содержания), но и того, "как". Может быть, это высокая включенность в профессию, когда профессия перестает быть только ролью, и становится чем-то большим. "Социолог в России больше чем социолог", если перефразировать Евтущенко. Возможно, это все вместе..." (МБИ-2.1. с. 36).

Действительно, что привлекло участников МБИ Форум к "истории социологии с человеческим лицом"?

В статье "К семилетию рубрики "Современная история российской социологии"" (МБИ-2.1, с. 35) Борис Докторов подводит итоги кропотливой работы по изучению советской и постсоветской социологии, отраженной в биографиях ее основателей и действующих лиц, рассказывает, как он вышел на эту проблематику и перечисляет мотивы, побудившие его начать сбор интервью с российскими социологами. В мотивационном поле Докторов выделается "собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в

свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него".

Мне это наблюдение кажется знаменательным. Социологическое воображение по сути своей биографично⁴⁴, во всяком случае, когда мы имеем дело со сложившимися учеными и талантливыми исследователями. Мы входим в мир науки, сформировавшийся до нашего рождения, и какое-то время движемся по инерции в русле существующих теорий, парадигм и методологических установок. С годами мы выходим на собственную стезю, где устоявшейся парадигмы может быть недостаточно и где требуется социологическое воображение. Истоки последнего в нашем личном опыте, в том, что Уильям Джеймс называл *visceral knowledge* — экзистенциальных, не всегда отрефлектированных установках и навыках. Дело это рискованное; реакция коллег на творческий полет фантазии часто бывает скептической; но если интеллектуалу удалось выйти на свою тему и отстоять ее в высоко-конкурентном мире науки — это счастье. Борису удалось задействовать личностное знание, оно уже дало нетривиальные результаты и еще будет принести плоды всему нашему содружеству, и не только ему.

Рефлектируя по поводу собственного интереса к биокритическим исследованиям, я также ощущаю связь биографии с научным творчеством. Свою первую работу о советской социологии я написал в 1975 году в Риме, когда в ожидании американской визы я попытался объяснить западным коллегам сложную ситуацию в стране и в российской социологии в частности. Друг Игоря Кона, итальянский социолог Франко Ферраротти, попросил меня написать о советской социологии и опубликовал мои заметки в своем журнале *La Critica Sociologica*⁴⁵. Два года спустя я сделал доклад на семинаре Мертона по социологии науки об институционализации эмпирической социологии в СССР, из которого выросла статья "Развитие советской социологии, 1956-1976", опубликованной в 1978 году в *Annual Review of Sociology*⁴⁶. Затем последовало еще несколько работ по истории социологии в Советском Союзе⁴⁷. В 1989 году я взял интервью у Бориса Грушина и Натальи Карцевой, положившее начало серии бесед с российскими социологами/интеллектуалами по проекту "Перестройка и интеллигенция". К концу 90-х пришло понимание, что мой давний интерес к прагматизму и герменевтике перекликается с моими работами по интеллигенции и биографическому дискурсу, и к середине нулевых годов я сформулировал программу исследований по биокритической герменевтике, основанной на идеях Пирса, Дьюи, Джеймса и Мида, связавших вопрос о смысле и значении с поведением, соматикой и эмоциями.

Именно отсюда берут начало проекты "Международная биографическая инициатива" и "Архивы Ирвинга Гофмана" (отсюда и название последнего проекта *Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives*). К этому времени мой интерес к истории социологии ослаб, а интерес к авто/биографическим исследованиям вырос. К циклу работ последнего типа относятся мои биокритические заметки о Леваде, Голофасте/Саганен-

⁴³ Ольга Маховская с сожалением отмечает отсутствие МБИ для естествоиспытателей, многие из которых нашли работу на Западе и не поддерживают активных связей с коллегами из России (МБИ-2.1, с. 13-14). Действительно жаль. Но почему бы не начать работу в этом направлении? Я и мои коллеги будем рады поделиться опытом. На сайте Центра демократической культуры найдется место и для такого проекта. Была бы изначальная воля к созданию сетевого сообщества у самих физиков, разбросанных судьбой по странам и континентам, а там уж дело пойдет. Конечно, тут нужны ресурсы — время, технические средства, организационная структура, и прежде всего инициатива физиков со связями в России и за ее пределами. На этот счет стоит посоветоваться в российских академических кругах, например с С.А. Кутелем из Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.

⁴⁴ Shalin D. Review of "Olga Shevchenko, Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow" (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2009). *Society*, 2009, Vol. 46, No. 6, p. 548, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_r_shevchenko.pdf.

⁴⁵ Shalin D. "On Current Trends in Soviet Sociology." *La Critica Sociologica* 1976, 38, 173-84. Кутелем из Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.

⁴⁶ Shalin D. "The Development of Soviet Sociology, 1956-1976." *Annual Review of Sociology* 1978, Vol. 4, pp. 171-91", http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_dss.pdf. Об истории своего участия в этом семинаре я рассказал в одной из своих биокритических беседах. См. D. Shalin, "Encounters with Merton," pp. 179-181 in *Социология науки и техники. Специальный выпуск к столетию Роберта К. Мертона*. С. Петербург, Российская Академия Наук, 2011, с. 179-181, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/ds_merton_10.pdf.

⁴⁷ Shalin D. "Marxist Paradigm and Academic Freedom." *Social Research* 1980, Vol. 47, pp. 361-82, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_mpa.pdf; "Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology." *Sociological Focus* 1979, Vol. 12, pp. 175-93, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_esei.pdf; "Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Change in Recent Soviet Sociology." *Social Forces* 1990, Vol. 68, pp. 1-21, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_sge.pdf.

ко, Хайдеггеру/Гадамеру, Ирвинге Гофмане и недавно опубликованные комментарии о нарративной идентичности и дискурсу социолога не/эмигранта, хотя последние выходят за рамки биокритического исследования и возвращают меня к истории российской социологии.

"Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы ее жить". Это ключевое положение философии Сократа далеко не бесспорно, но оно имеет прямое отношение к людям, втянутым в орбиту "Международной биографической инициативы". Для большинства людей нашего круга профессиональная роль неотделима от других личностных измерений их существования. Общества вне биографий его членов не существует, и в той степени, в какой социальная реальность претерпевает кардинальные изменения, она напрямую связана с автобиографической рефлексией людей данной исторической эпохи.

Последнее, чего хочу коснуться в своих комментариях на комментарии нашего незримого колледжа — что делать с МБИ материалами? Боря Докторов поднял этот вопрос на МБИ форуме, но я от него поначалу отмахнулся. Кто хочет, тот и будет пользоваться, как захочет, так пусть и использует. Наше дело собрать материалы, по возможности их обработать, ввести в научный оборот, а там уж каждому решать по своему усмотрению. Но, наверное, стоит поспросить участников нашей дискуссии о том, кто над чем работает.

Подчеркну междисциплинарную, полипарадигматическую, методологически разношерстную природу исследований проекта МБИ. Интервью Бориса Докторова важный источник по истории российской социологии — пост-хрущевской, времен "застоя" и постсоветского времени, но в них много ценного для исследователя жизнеописаний, для понимания природы мотивации и биографического дискурса. Андрей Алексеев, прежде всего, интересуется автобиографической рефлексией, его собственной и интеллектуально близких людей, но его работы содержат интереснейшую информацию об эпохе, о ключевых эпизодах его собственной судьбы и жизни общества (не только научного). Лариса Козлова и Наташа Мазлумянова вместе с Геннадием Батыгиным собрали

ценнейшие интервью с социологами советской эпохи, но у этих авторов есть важные разработки по методологии и технике интервьюирования, по научным сетям в среде российских социологов, равно как и по социологической теории. Я менее знаком с работами Романа Ленчовского, но насколько могу судить, помимо общих интересов с Андреем Алексеевым, у него есть разработки по философии самосознания и социальной практики, непохожие на то, что делают другие участники нашего форума.

Что касается меня, то мои планы расплывчаты. Несколько лет назад я начал что-то вроде контент-анализа биоматериалов МБИ в русле моей работы по социологии эмоций⁴⁸. В рамках этого проекта я составил таблицу частично обработанных данных, где отслеживал социально-демографические характеристики российских социологов, распределение аффективных маркеров в их интервью, а также способы подведения итогов маститыми учеными, обозревающими свою научную траекторию и достижения. Потом забросил эту работу под напором дел и проектов, и не знаю, когда смогу вернуться к этой теме.

Уже несколько я лет читаю античные автобиографии и автобиографическую прозу разных эпох. Есть мысль написать работу под названием "Две с половиной тысячи лет автобиографической прозы. Исократ, Цицерон, Сенека, Августин, Монтень, Руссо". Хочу добавить к этому списку или Кона с его "80 лет одиночества" или Михаила Гаспарова с его "Записками и выписками" (построенными по модели "Аттических ночей" Авла Геллия), но не знаю, что из этого получится, учитывая объем работы, хронический недостаток времени, и врожденную лень.

В более отдаленной перспективе исследование жизнетворчества Ирвинга Гофмана на материалах АЭГ, хотя о предварительных результатах я уже докладывал на нескольких конференциях⁴⁹.

Вот, пожалуй, и все, что касается круга интересов нашего незримого колледжа. Еще раз хочу поблагодарить всех участников МБИ форума за дружеские чувства и интереснейшую дискуссию.

⁴⁸ Shalin D. "Agency Scan and E-motion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Results", http://www.unlv.edu/centers/cd-clv/programs/etm_findings.html.

⁴⁹ Shalin D. "Goffman's Self-Ethnographies: Interfacing Biography, Theory and History", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/ds_eg_selfethno.html.

К дискуссии о соотношении "субъективного" и "объективного" в биографическом нарративе

Статья посвящена дискуссионным вопросам применения биографического метода в гуманитарных исследованиях и солидаризуется с высказанной в частном письме точкой зрения И. С. Кона: "Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект".

Ключевые слова: биографический нарратив; критерии достоверности; субъективное и объективное в автобиографии; жизненное свидетельство; право на намеренную субъективность.

Андрей Алексеев
независимый исследователь

1

Накопленный Б. Докторовым¹ и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии — в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии "Биография и биокритика" развернувшейся на форуме "Биографика, социология и история", в рамках российско-американского проекта "Международная биографическая инициатива"².

Особенно ярким критиком "субъективизма" биографического метода выступил старейший российско-американский социолог В. Шляпентох³. Одним из поводов для критики послужило сомнительное, с точки зрения В.Ш., воспоминание о жизненном эпизоде полувекковой давности, вошедшее в состав биографического интервью одного из коллег.

Здесь не стану углубляться в перипетии этой дискуссии, имевшей много методологических и этических поворотов и ответвлений⁴. А выскажу несколько общих соображений, существенных, как мне кажется, для понимания соотношения "субъективного" и "объективного" в биографике.

2

Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли — внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография).

Расширим этот взгляд, отнеся его к социальной реальности в целом.

А. Социальная реальность (хоть в статике, хоть в динамике взятая, хоть вообще, хоть в отдельных ее сферах) включает в себя как "бытие", так и "сознание" (соответственно — общественное, коллективное и даже индивидуальное), а также все многообразие связей между ними. Т.е. сознание не менее реально, чем бытие.

Б. Как объективная, так и субъективная стороны социальной реальности (исторического процесса) могут фиксироваться и "твердыми", и "мягкими" фактами, строго и нестрого организованными наблюдениями, официальными и личными документами, качественными и количественными методами. Не существует предпочтительных способов узнать, как все было "на самом деле".

В. "Не доверять" надо в равной мере как "субъективным" свидетельствам частных лиц (ретроспективные еще менее надежны, чем созданные "по горячим следам"), так и "объективным" (скрепленным всевозможными печатями) документам. Ибо авторы последних — тоже люди, к тому же особо зависимые от институциональных установлений и "господствующих мыслей эпохи". Так, например, наивно полагать, что сухое фактографическое описание исключает тенденциозность, равно как и неправда, что в экспрессивных мемуарных заметках отсутствует объективное содержание.

Г. Всякое исследование социальной реальности, каким бы арсеналом методов оно ни пользовалось, есть процесс относительно односторонний и принципиально не заверченный. Если исследователь сосредоточен преимущественно на фактах социального поведения, это вовсе не означает, что — хотя бы впоследствии и не им самим — это не будет дополнено фактами сознания (о которых, впрочем, приходится судить либо по вербальному поведению, либо по реконструкциям мотивов и т.п. из установленных "объективных" фактов). И наоборот.

¹ См.: Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>); Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

² См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там в рубрике "Comments and Dialogues" Invisible College: IBI Forum 1, 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 2.5).

³ См.: Шляпентох В. Э. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html).

⁴ См.: Шалин Д. Н. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина (http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html); Беляев Э. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина (http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html); Шалин Д. Н. О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html); Шляпентох В. Э. Наши разногласия (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Докторов Б. З. Нет истины, где нет любви (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf); Фирсов Б. М. История социологии "в лицах": Биография и/или биокритика (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bi_response_11.pdf); Готлиб А. Мой ответ В. Шляпентоху, или можно ли написать историю социологии "с человеческим лицом" (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот — сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shlap_gotlib_11.html).

См. также материалы указанной дискуссии в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №№ 3, 4, 5, 6; 2012, № 1.

Д. "Истинная" история (хоть общества, хоть индивида) неизбежно есть продукт множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, соблюдению профессиональных норм, логичности и внутренней непротиворечивости рассуждений. Что касается истории личности, т. е. биографии, то, как тонко заметил (в частном письме) И. С. Кон: "Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект"⁵.

Е. Спор на тему: среда определяет сознание или сознание творит мир (вариация основного вопроса философии), — мало перспективен, именно как спор, но не как диалог, предполагающий взаимообогащение его участников новыми знаниями и аргументами. Не ИЛИ, а И (то и другое...) приближает к пониманию реального устройства, в частности, "социальной вселенной".

Ж. Что касается биографических исследований, то двумя ключевыми и равноправными вопросами здесь, на наш взгляд, оказываются: "что обстоятельства делают (могут сделать) с человеком" и "что человек делает (может сделать) с обстоятельствами". Это есть некий двуединый процесс, который может исследоваться комплексно, а может — и по частям, в перспективе позднейшего синтеза.

3

Теоретико-методологические тексты Б. Докторовой, Д. Шаплина, В. Шляпентоха, О. Маховской, Э. Беляева, Б. Фирсова, А. Готлиб и др. членов "незримого колледжа" имеют отношение вовсе не только к истории российской социологии, будь то с "человеческим" или "нечеловеческим" лицом, или к биографическому методу, в любых его формах. Это мое первое утверждение.

И второе: особенно последняя полемика Анны Готлиб и Владимира Шляпентоха⁶ демонстрирует, на мой взгляд, наше разнообразие в единстве и единство в разнообразии. Хочется оппортунистически согласиться с обоими полемистами, поскольку у каждого — свое "рациональное зерно".

С точки зрения сказанного, я удерживаюсь от того, чтобы солидаризоваться с В. Шляпентохом или А. Готлиб, полагая обоих если не правыми, то ВПРАВЕ акцентировать либо "объективную", либо "субъективную" сторону социальной реальности и, соответственно, социального знания (в том числе, в сфере биографии и истории науки). И оба делают это весьма убедительно. Возражать стоило бы только против абсолютизации той или иной точки зрения. Однако поводов для такого упрека эти авторы в указанных двух текстах вроде не дают.

Замечу еще, что В. Шляпентох, на мой взгляд, напрасно отдает марксизму монополию на тезис о зависимости сознания от среды, приписывая феноменологии и / или постмодернизму исключительно противоположные взгляды. И марксизм вовсе не так уж материалистичен и детерминистичен, и постмодернизм не так уж субъективен и идеалистичен.

4

Влияние внешних и внутренних обстоятельств, культурного, идеологического, а иногда и просто личностного контекста на создание всякого данного биографического текста (дискурса) обычно очень велико.

Отсюда возникает сомнение в достоверности всякой биографии, особенно если основным ее источником оказывается собственный рассказ биографанта — биографический нарратив. У критиков биографического метода складывается убеждение, что автобиографическое повествование "насквозь субъективно". При этом предполагается, что только безусловно установленные и многосторонне подтвержденные факты должны составлять корпус биографии.

Разумеется, автор настоящего доклада вовсе не против поиска объективной истины и / или адекватной исторической реконструкции. Однако это дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин "методологическая триангуляция").

Что касается средств контроля "на истинность" отдельно взятого биографического текста, то существенным здесь могут оказаться стилиевые характеристики и внутренняя непротиворечивость самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как "Жизнь — сапожок непарный" (Тамара Петкевич), "Подстрочник" (Лиляанна Лунгина), "Корни и сучья" (Анатолий Солипатров), "Диск" (Анри Кетегат), "Дальний архив" (Эрлена Лурье) вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

5

И последнее замечание. Создатель биографического нарратива есть главное действующее лицо и — пока здравствует — "хозяин" собственной биографии (имея в виду именно реконструкцию своего жизненного пути, а не сам жизненный путь, что есть отдельная тема).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий "рассказ о жизни" есть автопортрет героя (он же — рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое "из сегодня", сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Подводя итог, постулируем следующие положения применительно к биографическим исследованиям:

- а) субъективность есть имманентное свойство личности;
- б) субъективность не есть альтернатива достоверности автобиографического повествования;
- в) автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность.

Апрель 2012

⁵ Письмо И. С. Кона датировано 16.12.2009. Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. (Электронная версия — <http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20RL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>). См.: Том 2, с. 495.

⁶ Готлиб А. С. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю социологии "с человеческим лицом" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 1 (Электронная версия — (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот — сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shlap_gotlib_11.html).

"Острова в океане": проблемы массовой коммуникации в социальной теории

Предлагаемый анализ основывается на теоретической ретроспективе трансформации посткоммунистических масс-медиа в течение двух десятилетий, а также их эволюции в Республике Беларусь. Суть этого процесса выражается концепцией "Острова в океане" и отражает разнонаправленный и разноуровневый характер развития переходного общества и масс-медиа. Теоретический анализ, использующий концепции Р. Патнэма, П. Штомпки, Д. Гамбетты, С. Хантингтона, а также современных исследователей масс-медиа К. Якубовича, П. Гросса, Д. Халлина и П. Маничини, подкрепляется эмпирическим: данными многолетних опросов НИСЭПИ, официальной статистикой и документами.

Ключевые слова: массовая коммуникация,

посткоммунистическое общество, масс-медиа, трансформация, ценностный раскол, "тихая социальная революция", незавершенность национальной идентичности, доверие "как смазка для сотрудничества", социальная теория.

Олег Манаев,

доктор социологических наук
профессор кафедры социальной коммуникации
факультета философии и социальных наук
Белгосуниверситета, Минск

Наталья Манаева и Дмитрий Юран,

бакалавры информации и коммуникации ФФСН БГУ,
аспиранты Университета Теннесси, Ноксвилл, США.

Теоретические рамки

Предлагаемый здесь анализ основывается не только на теоретической ретроспективе трансформации посткоммунистических масс медиа в течение двух десятилетий, но и на собственном опыте работы с масс медиа в Республике Беларусь. Суть этого процесса, на наш взгляд, точнее всего выражается концепцией "Островов в океане" и основывается на разнонаправленном и разноуровневом характере развития переходного общества и трансформации масс медиа. Так, в одном измерении — например, правовом — медиа в посткоммунистических странах, по выражению П. Гросса и К. Якубовича (2012), "в данном контексте даже не появляются на картине" тогда как в другом измерении — например, экономическом и социальном — могут достигать существенных результатов. Причем это касается как масс медиа, так и социально-политической системы в целом.

С точки зрения объяснения и прогнозирования, фундаментальный вопрос заключается в следующем: будут ли эти "новые острова" "расширяться" и, в конце концов, сформируют "новый континент", т.е. новую общественно-политическую, социально-экономическую, правовую, коммуникационную и др. системы, или будут сосуществовать с "другим" (или даже "чуждым") окружением в течение десятилетий? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно получить ответы на два других вопроса:

- *Какие условия* определяют различия в перспективах развития медиа и общества (возможно, в разных странах — разные перспективы)? Данный аспект анализа соответствует тому, что Гросс и Якубович называют "третьим набором критериев: формирования новой стабильной системы медиа, какой бы ни была ее природа"¹. Представляется, что с этой точки зрения разделение "подлинной и имитационной трансформации", также как и "слияние" (или анализ "в одних рамках") "позднего развития и поздней демократизации" требует серьезного переосмысления.

- *Почему* разные посткоммунистические страны достигли разных результатов трансформации медиа и общества?

Очевидно, что концепции "собственного выбора" (элитами или народными массами), также как и "предопределенности прошлым" ("path dependency") не достаточны для объяснения и прогнозирования этих процессов. Сами эти концепции нуждаются в объяснении, поскольку есть примеры того, как одни страны, весьма близкие по своему прошлому опыту, сделали разный выбор (например, Беларусь vs. Россия vs. Украина), и наоборот, как другие страны сделали похожий выбор, несмотря на различия в прошлом опыте (например, Словения и Эстония).

Полагаем, что призыв Д. Халлина и П. Манчини принимать во внимание, прежде всего, *разнообразные элементы наследия*, доставшегося разным посткоммунистическим обществам и их медиа системам², должен быть точкой отсчета в таком подходе (как подчеркивают П. Гросс и К. Якубович, "перефразируя их концепцию, можно сказать, что медиа проявляют "системный параллелизм" в том смысле, что они определяются социально-политическими и культурными особенностями стран, в которых действуют, включая, прежде всего, уровень актуальных или потенциальных социальных конфликтов и степень демократической консолидации"³).

В рамках данной концепции мы будем анализировать развитие массовой коммуникации в Республике Беларусь, обращая особое внимание на ее структурное, правовое, политическое, экономическое и социальное измерения. Таким образом, цель нашей рефлексии заключается не столько в том, чтобы рассмотреть "случай Беларуси", сколько в том, чтобы обосновать использование этой концепции для анализа трансформации медиа и общества в любой другой стране.

Особенности белорусских масс медиа

По данным Министерства информации, на 1 ноября 2011 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано 1.394 периодических изданий (в том числе 406 государственной и 988 негосударственной формы собственности), 243 радио — и телепрограмм (170 vs. 73), и 9 информационных агентств (2 vs. 7)⁴. Однако, как подчеркивается в ежегодном докладе Бело-

¹ Peter Gross and Karol Jakubowicz. The Slings and Arrows of Outrageous Fortune. — In: Fighting Windmills. A Retrospective on 20 Years of Media Transformation in the Post-Communist World. Ed by Peter Gross and Karol Jakubowicz. Bern: Peter Lang Publishers, 2012, p. 12.

² Ibid, p. 13.

³ Daniel Hallin and Paolo Mancini. "Comparing Media Systems" between Eastern and Western Europe. In: Ibid, p. 141.

⁴ Ibid, p. 25.

⁵ <http://www.mininform.gov.by/rus/smi/>

русской ассоциации журналистов (объединяющей свыше 1000 профессионалов масс медиа), лишь менее 30 зарегистрированных негосударственных периодических изданий являются общественно-политическими, а абсолютное большинство являются деловыми, развлекательными, спортивными, рекламными и др. Причем почти половина из этих общественно-политических изданий была исключена из государственной системы почтовой подписки ("Белпочта") и продажи через киоски ("Белпечат") накануне президентской избирательной кампании 2006 г. Большая часть этих изданий до сих пор не могут вернуться в эти системы распространения, несмотря на многочисленные усилия. Если же в расчет принимать такие важные параметры прессы, как периодичность, тираж, объем и некоторые другие, то реальное соотношение государственных и негосударственных масс медиа в Беларуси составит примерно 9 vs. 1⁶.

Очевидно, что в белорусском медиа пейзаже доминируют государственные СМИ, в которых редакторы назначаются ("согласовываются") соответствующими органами власти, что, несомненно, влияет на редакционную политику. Как отмечается в докладе Международной миссии по изучению положения масс медиа в Республике Беларусь, "государственные СМИ находятся в привилегированном положении по сравнению с негосударственными: они пользуются субсидированной арендной платой, зарплатами, распространением, печатанием, и даже прямым финансированием со стороны государства. Распределение лицензий на вещание и радиочастот также неравно и непрозрачно, аккредитация журналистов (работающих на зарубежные СМИ) подвержена запретам, законодательство о диффамации и экстремизме порождает самоцензуру. Все это приводит к ограничению публичного доступа к информации по важным вопросам"⁷.

Неравенство экономического, политического и даже юридического положения привело к тому, что количество негосударственных периодических изданий за последнее десятилетие сократилось вдвое, а в некоторых регионах страны (например, в Гомельской области) они вообще исчезли. В то же время, Министерство информации под различными предлогами отказывается регистрировать новые негосударственные общественно-политические издания.

Напротив, государственные СМИ, как уже отмечалось, пользуются административной поддержкой, различными привилегиями, включая бюджетное финансирование. Например, Совет Министров Республики Беларусь принял специальное постановление No. 855, согласно которому 24 государственные периодические издания (включая "Советскую Белоруссию"), отобранные не на конкурсной основе, получали финансирование из государственного бюджета в 2010 г.⁸ Причем финансовая поддержка государственных СМИ из бюджета постоянно возрастает, в течение восьми лет она увеличилась почти в четыре раза — с \$ 24 млн. в 2002 г. до свыше \$ 90 млн. в 2009 г.:

Что же касается контроля над радио— и телевещанием, то

Таблица 1. Динамика финансовой поддержки государственных СМИ из бюджета РБ^{9*}

Бюджетный год	USD (млн.)
2002	24
2004	30
2005	40
2006	60
2007	64
2008	74
2009	90

* Здесь и далее таблицы читаются по вертикали.

он осуществляется, прежде всего, через систему лицензирования. Так, самая популярная в стране FM радиостанция "Авторадио", вещавшая с начала 90-х годов, в январе 2011 г. была лишена права на вещание "за распространение информации, содержащей публичные призывы к экстремистской деятельности", а именно, за то, что в рамках президентской избирательной кампании 2010 г. в соответствии с избирательным законодательством представила слово оппозиционным кандидатам В. Некляеву и А. Санникову¹⁰.

Самым свободным сектором информационного пространства Беларуси является Интернет. Количество пользователей сегодня достигло почти половины взрослого населения, с конца 90-х годов увеличившись в десять раз, а число белорусских сайтов выросло с 600 до 40 тысяч. "В стране практически не осталось предприятий и СМИ, не имеющих собственных сайтов. Мало молодых людей, не имеющих адресов электронной почты или аккаунтов в социальных сетях. Ввиду слабости белорусских СМИ Интернет их быстро вытесняет (за исключением телевидения). Новости у нас уже очень многие читают и смотрят, прежде всего, в Интернете, особенно среди руководителей и специалистов, имеющих на протяжении рабочего дня доступ к компьютеру"¹¹.

Такое стремительное и бесконтрольное развитие не остается без внимания государства: 1 июля 2010 г. вступил в силу указ Президента No 60 "О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет". В соответствии с ним:

- все белорусские Интернет-ресурсы, которые оказывают услуги белорусским гражданам, должны перейти в доменную зону by и на белорусские сервера и пройти регистрацию;
- посещение интернет-кафе и друг их мест коллективного пользования интернетом возможно только по предъявлению документа, удостоверяющего личность;
- идентифицируются и модемы индивидуальных пользователей, через которые происходит подключение к Интернету;
- провайдеры (как и операторы мобильной связи) направляют СОПМ (Система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий), доступные КГБ и МВД;
- составляются списки интернет ресурсов, доступ к которым в обязательном порядке ограничивается для государственных, учреждений образования и культуры (библиотек, школ, вузов и т.д.), а для граждан — по их заявлению¹².

Новый Закон "О средствах массовой информации" (назван-

⁶ Oleg Manaev, Natalie Manayeva and Dzmitry Yuran, The "spiral of silence" in election campaigns in a post-communist society: the case of Belarus. In: International Journal of Market Research, Vol. 52, Issue 3, 2010, p. 322.

⁷ За свабодныя і справядлівыя СМІ ў Беларусі. Справаздача міжнароднай місіі ў Беларусі. Мінск: 2009 г., сс. 9-10.

⁸ СМІ ў Беларусі. 2010. ГА "Беларуская асацыяцыя журналістаў". — Мінск, 2011, с. 4.

⁹ СМІ ў Беларусі. 2010. ГА "Беларуская асацыяцыя журналістаў". — Мінск, 2011, с. 4.

¹⁰ СМІ ў Беларусі. 2010. ГА "Беларуская асацыяцыя журналістаў". — Мінск, 2011, с. 5.

¹¹ Юрий Зиссер. Интернет увеличивает многообразие форм организации социальной жизни. — Новости НИСЭПИ, No 2, 2011, с. 63.

¹² СМІ ў Беларусі. 2010. ГА "Беларуская асацыяцыя журналістаў". — Мінск, 2011, с. 6.

ный "драконовским" в ежегодном докладе "Свобода прессы — 2010" всемирно известной неправительственной организации Freedom House), вступивший в силу в феврале 2009 г., не столько снял, сколько добавил ограничений для деятельности независимых медиа и журналистов. Среди них называют такие, как новые препятствия для аккредитации журналистов, усложнение процедуры регистрации СМИ, значительное ужесточение санкций со стороны органов власти за нарушения в сфере массовой информации, ограничения зарубежных инвесторов и многие другие¹³. Кроме Закона о СМИ разнообразные ограничения в этой области вводят Уголовный кодекс, а также законы "О государственной службе" и "О противодействии экстремизму"¹⁴.

Таким образом, в соответствии с известной классификацией Ф. Зиберга, Т. Петерсона и У. Шрамма (1956)¹⁵, белорусская модель масс медиа может быть идентифицирована как авторитарная: важнейшая функция СМИ состоит в том, чтобы поддерживать политику властей; государственные СМИ должны укреплять социальное и национальное единство; государство обладает правом контролировать СМИ через ограничительное законодательство и другие средства. По более современной классификации К. Якубовича (2007)¹⁶ эта модель полностью соответствует категории неконкурентных режимов и разительно отличается от западной или даже моделей, которые существуют сегодня в соседних с Беларусью странах Балтии, Польши и Украины.

С другой стороны, эта модель работает в течение уже почти двух десятилетий, причем, не где-то в дебрях экваториальной Африки, а в самом центре Европы. Более того, несмотря на указанные ограничения, это не вызывает массовых протестов со стороны населения. Попытки осуществить в Беларуси тот или иной вариант "цветной революции" в течение последнего десятилетия не увенчались успехом, прежде всего, именно из-за отсутствия поддержки со стороны "массового белоруса". Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному НИСЭПИ в июне 2011 г., 53,3% респондентов считают, что "СМИ в Беларуси зависимы" (31,2% — "некоторые СМИ зависимы, некоторые нет", а 10,3% — что они независимы). Причем большинство из них не испытывает сомнений по поводу того, от кого именно зависят СМИ в Беларуси: три четверти назвали президента и других представителей власти, тогда как, например, аудиторию назвали только 13,2%, политические партии и общественные организации — 7,1%, а частный бизнес всего 1,7%. В то же время, на вопрос о том, имеют ли они достаточный доступ к информации о жизни в стране, 52,9% дали отрицательный ответ и 46,7% положительный, а на вопрос о том, насколько информация из официаль-

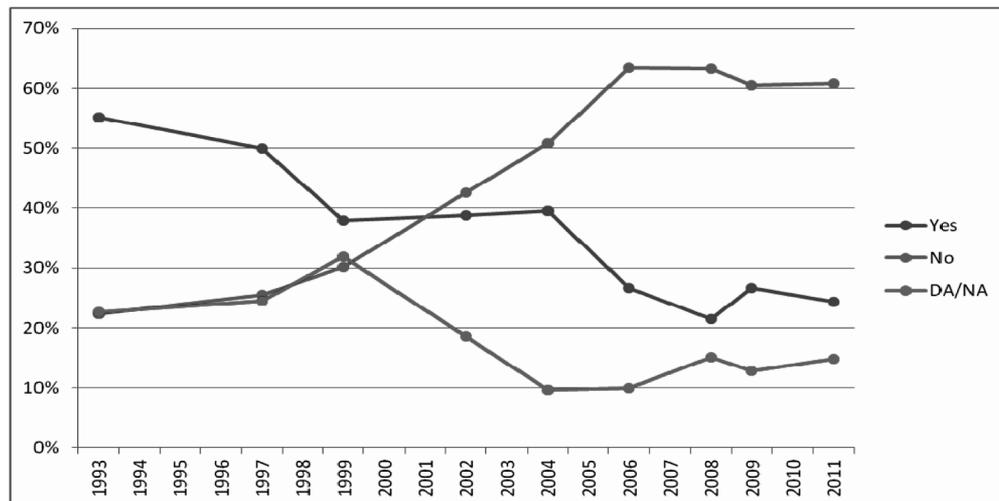
ных источников соответствует реальной жизни, 48,3% сказали "не соответствует полностью или частично" и 51,2% — "соответствует полностью или частично". Это значит, что многих людей, оценивающих СМИ как зависимые от власти, такое положение вполне устраивает¹⁷.

Особенности белорусского общества

Существует несколько важнейших причин, объясняющих устойчивость авторитаризма в Республике Беларусь. Среди них, прежде всего, следует назвать постепенное "прощание с СССР", углубляющийся ценностный раскол в обществе, изменение социальной структуры общества ("тихая социальная революция"), незавершенный процесс национальной, в том числе и геополитической самоидентификации белорусов. Все эти особенности уходят глубоко в историю, культуру и даже географию страны.

Д. Халлин и П. Манчини подчеркивают, что "свободные масс медиа, появившиеся в Восточной Европе в начале 1990-х годов, не возникли на пустом месте", и говорят о "наследии коммунистической системы"¹⁸. Это бесспорно, однако, "белорусские особенности" нельзя сводить только к такому насле-

Рис 1. Динамика отношения белорусов к восстановлению СССР ("Хотели ли бы Вы восстановления СССР?"). Здесь и далее по результатам национальных опросов общественного мнения НИСЭПИ (методом face-to-face interview опрашивалось 1500 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, ошибка репрезентативности не превышала 0.03). Точки на графике представляют время опроса¹⁹.

дию. Советское наследие медленно, но неуклонно преодолевается белорусами:

Как можно видеть из этого графика, за 18 лет мониторинга количество опрошенных, желающих восстановления СССР уменьшилось более чем вдвое, тех, кто против, выросло в 2,7 раза, а затруднившихся с ответом уменьшилось в полтора раза. Это убедительно доказывает, что природа белорусского авторитаризма все более отличается от советского прошлого.

Другой важнейшей особенностью является глубокий раскол белорусского общества. Старая поговорка, согласно которой "Победители получают все, а побежденные ничего", весьма точно описывает нашу ситуацию: это значит не просто смену

¹³ За свабодныя і справядлівыя СМІ ў Беларусі. Справаздача міжнароднай місіі ў Беларусі. Мінск: 2009 г., сс. 9-10.

¹⁴ Ibid. pp. 29-31.

¹⁵ Siebert, F., Peterson, T., and W. Schramm. Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility and Soviet communist concepts of what the press should be and do. Champaign University of Illinois Press, 1963, p. 17.

¹⁶ Karol Jakubowicz, Rude awakening: social and media change in Central and Eastern Europe, New York: Hampton Press, 2007, p. 18.

¹⁷ Results of the national opinion poll on June 2011, IISEPS. <http://www.iiseps.org/edata11-6-1.html>.

¹⁸ Daniel Hallin and Paolo Mancini. Ibid., p. 149.

¹⁹ Oleg Manaev, Natalie Manayeva and Dzmitry Yuran, More State than nation: Lukashenko's Belarus. In: Journal of International Affairs, Vol. 65, No. 1, p. 94.

правляющих элит, но замещение одной системы ценностей другой.

Новые ценности национальной независимости, политической демократии, правового государства, идеологического плюрализма, рыночной экономики и "возвращения в Европу", которые вдохновляли демократов "перестроечной волны" и привели страну к независимости и демократии в начале 90-х годов, оказались замещенными патриархальными ценностями "отца нации", "справедливого распределения национального богатства", "восстановления исторической и культурной дружбы/Союза с Россией". Более того, именно эти ценности, разделяемые большинством белорусов, были консолидированы, а указанные выше ценности меньшинства маргинализированы с помощью политических, экономических, правовых, образовательных, информационных и других средств. В итоге вместо системы "сдержек и противовесов", относительного баланса разных социальных сил и их ценностей в стране установилось абсолютное доминирование одной из них. Эта консолидация дала новой власти поддержку большинства белорусов, но скорее усилила, чем ослабила, социально-ценностные противоречия и конфликты в обществе.

Углубление ценностного раскола посредством политики "кнута и пряника" привело к более серьезным последствиям, чем консолидация одной системы ценностей и маргинализация другой. Оно настолько глубоко затронуло саму социальную структуру общества, что аналитики заговорили о "тихой социальной революции" (которая, в отличие от большевистской революции, обошлась без массового насилия). Положение одних социально-профессиональных групп — например, бизнесменов, директоров крупных госпредприятий, журналистов — заметно ухудшилось, а других — представителей "исполнительной вертикали" и силовых структур — наоборот, улучшилось.

Эта "тихая революция" уже имеет (и еще долго будет иметь) важные последствия для белорусского общества и государства, потому что за перераспределением социальных статусов стоит перераспределение власти, собственности, доступа к таким социальным ресурсам как здравоохранение, образование, культура. Вследствие такой революции неизбежно перераспределяются жизненные перспективы сотен тысяч людей. Другим неизбежным следствием этой "тихой революции" стала значительная редукция участия общества в процессе принятия решений. Так, на вопрос интервью: "Какое влияние вы оказываете на процесс принятия решений?" ответили "никакого влияния" на уровне своей семьи только 5% респондентов, на уровне предприятия/организации — 33.3%, на уровне микрорайона — 51.8%, на уровне села/города — 62.7%, а на уровне страны — 72.7%²⁰.

Еще одной, чрезвычайно важной особенностью белорусского общества, является незавершенность национальной идентичности, т.е. системы институциональных и ментальных характеристик, отличающих белорусскую нацию, общество и государство от других наций. После трехсотлетнего перерыва

Таблица 2. Динамика оценки социальной базы президента А. Лукашенко ("На Ваш взгляд, на кого, прежде всего, опирается президент А. Лукашенко? возможно более одного ответа") %

Социально-профессиональные группы	08'06	Социальная страта	06'11	Социальная страта
Силовые структуры	48.6	«Государевы люди» - 69.6%	52.5	«Государевы люди» - 76.2%
«Исполнительная вертикаль»	37.0		37.9	
Государственные чиновники	20.5		23.8	
Пенсионеры	41.4	Народ - 68.6%	39.4	Народ - 57.1%
Жители села	30.0		23.5	
Простые люди	34.2		19.3	
Директора крупных предприятий	13.5	Профессионалы - 28.9%	12.0	Профессионалы - 22.2%
Специалисты	9.9		7.2	
Культурная и научная элита	8.3		4.1	
Бизнесмены	4.5		2.5	
ЗО/НО	3.8		4.3	

в национальном и государственном строительстве белорусы столкнулись с очень серьезным вызовом самоидентификации: кто мы, к какой культуре, шире говоря цивилизации, принадлежим? Эти вопросы звучат, по меньшей мере, странно для всех наших соседей — поляков, балтийских народов, русских и даже украинцев, но не для многих белорусов. Неслучайно еще в начале 60-х годов, во время своего визита в Минск, советский лидер Н. Хрущев публично подчеркивал, что "белорусы будут первыми, кто придет к коммунизму, потому что они полностью превратились из белорусского народа в советский народ"²¹. Отмечая 20-ю годовщину объявления независимости Беларуси, многие участники тех исторических событий отмечали, что, "в отличие от соседей, наша независимость "свалилась как снег на голову" — не было ни массовой борьбы за нее, ни даже массового желания"²².

Отсутствие общих для всех белорусов ответов на эти фундаментальные вопросы делает положение страны неустойчивым, и неизбежно порождает потребность в каком-то "объединяющем базисе". Первый белорусский президент эффективно использовал эту ситуацию, предложив обществу самого себя в качестве такого "базиса". Фактически он свел процесс национальной идентификации и консолидации к одному направлению — государственному строительству и укреплению роли президента как его "гаранта".

Существует немало причин, главным образом, культурно-исторических (потеря национальной памяти о государственной независимости с XVII века, близость или даже общность культуры и истории с Россией, массовая русификация на протяжении XIX-XX веков и др.), объясняющих незавершенность национальной идентичности белорусов. Важнее, что сегодня это стало очевидным не только для экспертов, но и для политиков. Сам президент определил белорусов как "русских, только со знаком качества", и посетовал, что "мы еще не нащупали ту национальную идею, которая могла бы в бой повести весь народ"²³.

В соответствии со знаменитой теорией С. Хантингтона, на протяжении столетий Беларусь, вместе с Украиной и Молдовой находилась на "линии столкновения цивилизаций" между Западно-европейской католико-протестантской и Евразийской православной цивилизациями. Вследствие различных, а иногда и противоречивых влияний извне, геополитическая и национальная идентификация белорусов все еще находится в стадии формирования. После распада Советского Союза и окон-

²⁰ Oleg Manaev, Natalie Manayeva and Dzmitry Yuran, Ibid. p. 101.

²¹ Дмитрий Александров. Беларусь: быть или не быть нации? — Русский журнал, 18 июля, 1999.

²² Александр Класковский. Уроки путча для Беларуси. — Белорусские новости, 19 августа 2011 г.

²³ Цитаты А. Лукашенко из коллекции В. Подгола. — Минск, 2006, сс.73, 75.

чания холодной войны этот регион, по меткому выражению Т. Эша, "стал полем битвы двух империй — России и Европы (Европейского Союза)"²⁴.

В таких условиях незавершенный характер национальной идентичности оборачивается амбивалентностью геополитического выбора белорусов: если "продвинутое меньшинство" ориентируется на Европу, то большинство "простых людей" на Россию. Поразительная особенность белорусской национальной идентичности заключается в том, что те респонденты, которые гордятся тем, что они белорусы и хотят жить в Беларуси, вместе с тем считают себя ближе к русским, чем к европейцам.

Этот ценностно-геополитический раскол усиливается вполне прагматическими интересами: кто предложит больше? Куда можно попасть с меньшими усилиями? Президент мастерски использует эти внутренние и внешние противоречия. С одной стороны, демонстрируя свою приверженность Союзу с Россией — получает поддержку большинства избирателей. С другой стороны, обещая России защищать "наши общие рубежи от натовских танков", а Европейскому Союзу — "от наркотрафика и нелегальной иммиграции" — может получать поддержку с обеих сторон.

Доверие как "смазка для сотрудничества"

Таким образом, сосуществование государственных и негосударственных СМИ, ставшее "разделительной линией" в медиа системе Республики Беларусь, имеет под собой глубокие основания в ее истории и культуре — и на структурном, и на ментальном уровне. Первая из этих подсистем следует политическим, экономическим, правовым, культурным и профессиональным стандартам большинства "простых людей" и государства, а вторая — "продвинутого меньшинства" и в некоторой мере Запада. На первый взгляд, это выглядит как промежуточная стадия трансформации в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, в которых государственные СМИ постепенно были замещены негосударственными²⁵. Но это обманчивое сходство. Фактически обе эти подсистемы существуют с начала 90-х годов и на протяжении уже двух десятилетий воспроизводят себя (в новом медиа законодательстве, новых поколениях журналистов, новом штате Министерства информации, новых бюджетах СМИ и пр.) с незначительными изменениями (почти тот же дискурс и формы деятельности). Но благодаря государственной политике "кнута и пряника" первая из них выглядит как целый "континент" (или "океан"), а вторая всего лишь как разбросанные в нем "острова", причем их соотношение — примерно 9 vs. 1 — на самом деле не отражает реального соотношения групп общества, на которые они опираются — примерно 2 vs. 1. Это значит, что на структурном уровне первая подсистема становится более, а вторая менее значимой, чем на самом деле. Такое несоответствие ставит вопрос об оценке реальной роли данных подсистем в белорусском обществе. Какая из них более вли-

ятельна и эффективна? Если, например, влияние и эффективность государственных СМИ имеет такой же "вес", как и их "структурный вес", можно ожидать неизбежное поглощение подсистемы негосударственных СМИ, и наоборот.

Можно использовать самые различные индикаторы сравнительного анализа этих медиа подсистем, однако, имея в виду заголовок нашей статьи, рассмотрим один, но очень "кумулятивный" индикатор, имеющий широкую теоретическую основу и возможности операционализации — общественное доверие к масс медиа.

Одной из важнейших причин, по которой доверие важно для характеристики социума и его подсистем, является его сложная взаимосвязь с сотрудничеством. С одной стороны, доверие между людьми есть необходимое условие их сотрудничества, а с другой — результат успешности сотрудничества. В соответствии с известной теорией американского политолога Р. Патнэма (1993), "доверие является важнейшим компонентом социального капитала, ...оно как бы "смазывает" сотрудничество"²⁶. А итальянский социолог Д. Гамбетта (1988) подчеркивал, что недоверие разрушает сотрудничество: "При полном недоверии сотрудничество свободных субъектов кончится крахом"²⁷. Польский социолог П. Штомпка (2000) утверждал, что после коллапса старой советской системы многие посткоммунистические страны испытали "культурную травму", которая включает в себя кризис доверия к основным социальным институтам. В итоге этого социум превращается в "атомизированное общество", в котором доверие ограничивается небольшими группами межличностного общения. В свою очередь, такая "атомизация" неизбежно приводит к коррупции на каждом возможном уровне социума, поскольку с эрозией доверия к социальным институтам люди предпочитают решать свои проблемы, используя личные связи²⁸. Психологи подчеркивают комплексный характер категории доверия, которая включает все базовые элементы структуры личности — когнитивный, эмоциональный и мотивационный, и потому может использоваться в качестве наиболее релевантного индикатора изучения влияния на личность. Таким образом, доверие к масс медиа, с одной стороны, отражает готовность людей к сотрудничеству друг с другом и социальными институтами, а с другой, различные уровни этой готовности.

Как показывают данные опросов НИСЭПИ, те, кто доверяют государственным и негосударственным (независимым) СМИ в Беларуси, существенно различаются между собой по

Таблица 3. Доверие к важнейшим социальным институтам в группах, доверяющих разным медиа подсистемам, *²⁹

Доверяют государственным СМИ	Доверяют негосударственным СМИ
Доверие к президенту	
89.3 %, а 7.1% не доверяют	48.% доверяют, а 42.2% не доверяют
Доверие к армии	
76% доверяют, а 15.5% не доверяют	50.4% доверяют, а 36.9% не доверяют
Доверие к оппозиционным политическим партиям	
15% доверяют, а 72% не доверяют	22.9% доверяют, а 59.4% не доверяют
Доверие к независимым профсоюзам	
42.3% доверяют, а 35.4% не доверяют	47.3% доверяют, а 32.6% не доверяют

* По результатам опроса НИСЭПИ в декабре 2010 г.

²⁴ Oleg Manaev. Belarus on the "Huntington Line": The role of media. — In M. Dyczok and O. Gaman-Golutvina (Eds.), Media, democracy, freedom: The post-communist experience. Bern: Peter Lang, 2009, p. 129.

²⁵ Peter Gross and Karol Jakubowicz. Ibid., p. 11.

²⁶ Putnam, R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993, p.29.

²⁷ Gambetta, D. (Ed.). Trust: making and breaking cooperative relations. Oxford: Basil Blackwell, 1988, p. 18.

²⁸ Sztompka, P. Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge University, 1999, p. 12.

²⁹ Yuran, D. (2011). Public confidence in social institutions and media coverage: A case of Belarus (Master's thesis). Retrieved from http://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2000&context=utk_gradthes.

своему отношению к важнейшим социальным институтам:

Сравнительный анализ показывает также, что эти группы заметно различаются и по своим геополитическим установкам (см. табл. 4):

Это подтверждает наш вывод о том, что различные медиа подсистемы, в свою очередь, опираются (выражают интересы) на различные социальные подсистемы.

Рассмотрим теперь уровень общественного доверия к различным подсистемам белорусских СМИ и его динамику:

Как видно из этой таблицы, за 15 лет мониторинга произошли заметные изменения:

- общий уровень общественного доверия (т.е. соотношение доверяющих к не доверяющим) к государственным СМИ выше, чем к негосударственным;

- общий уровень общественного недоверия (т.е. соотношение не доверяющих к доверяющим) к обеим медиа подсистемам значительно вырос;

- но уровень недоверия к государственным СМИ (уровень доверия вырос в 1.7 раза, а недоверия в 3 раза) растет быстрее, чем к негосударственным (уровень доверия вырос в 1.3 раза, а недоверия в 2.2 раза).

Оценивая эти данные, следует также иметь в виду, что уровень доверия белорусов друг к другу значительно ниже, чем к важнейшим социальным институтам. Так, отвечая на вопрос: "Можете ли вы доверять большинству окружающих людей, или в отношениях с ними нужно быть очень осторожным?" в мае 2011 г., только 26.8% респондентов выбрали первый ответ, а две трети второй. Это подтверждает вывод П. Штомпки о кризисе в постсоветских странах, превращающихся в "атомизированные общества", в которых доверие ограничивается небольшими группами межличностного общения. В этом контексте масс медиа остаются одним из немногих социальных институтов, обеспечивающих многим людям своего рода "социальную почву" независимо от ее ценностного характера ("государство и стабильность" для одних или "личность и перемены" для других).

Поразительно, что, несмотря на соотношение "структурного веса" двух медиа подсистем как 9 vs. 1, соотношение их авторитета (следователя, и влияния) в глазах общества вполне сопоставимо (почти 1.3 vs. 1) и заметно превосходит соотношение социальных групп, интересы которых они выражают (2 vs. 1). Это говорит о возможности постепенного замещения

Таблица 4. Отношение к США в группах, доверяющих разным медиа подсистемам, %³⁰

Отношение к США	Доверяют гос. СМИ (34.5)	Доверяют негос. СМИ (30.3)	Пользователи Интернета* (32.4)
<i>После дипломатического скандала между Республикой Беларусь и США весной 2008 г. Отношения между двумя странами стали напряженными (штат посольства США в Минске сократился в пять раз, и теперь белорусы вынуждены ехать за американскими визами в другие страны). На Ваш взгляд, необходимо восстановить прежние отношения с США или то необязательно?</i>			
Необходимо восстановить прежние отношения с США	35.2	51.4	64.3
Это необязательно	28.1	17.8	13.4
Мне все равно	31.9	29.1	20.5
<i>Кто угрожает Беларуси?</i>			
США	33.7	19.7	12.6
<i>Какое общество Вы считаете более справедливым?</i>			
Американское общество	4.0	16.9	21.7

* По результатам опроса НИСЭПИ в декабре 2010 г. Пользуются Интернетом ежедневно или несколько раз в неделю.

Таблица 5. Динамика общественного доверия к различным подсистемам белорусских СМИ, %

Годы	Государственные СМИ		Негосударственные СМИ	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
09'2011	25.7	62.2	32.8	52.2
09'2010	35.9	48.7	30.4	49.4
09'2009	44.7	42.1	45.3	35.5
06'2008	47.7	46.9	49.6	48.5
05'2007	51.0	39.7	50.6	35.5
06'2006	57.0	35.0	37.0	47.3
03'2005	53.9	33.2	40.0	40.2
03'2004	47.6	37.0	35.7	42.1
03'2003	45.0	37.3	43.8	33.8
04'2002	38.7	43.1	32.2	43.5
04'2001	33.1	35.4	25.3	31.8
04'2000	38.5	31.6	25.7	31.9
03'1999	39.1	31.0	21.8	32.6
09'1998	41.8	26.0	19.6	32.6
11'1997	43.7	21.0	25.4	24.1
х	42.9	38.0	34.3	38.7

подсистемы государственных СМИ подсистемой негосударственных при благоприятных условиях.

Конечно, такие перемены зависят от множества факторов — находящихся как в самой медиа системе (например, образование и переподготовка журналистов, профессиональные стандарты и пр.), так и за ее пределами. Например, Д. Халлин и П. Манчини отмечают, что "Иностранное влияние стало гораздо более важным для процесса развития медиа системы в Восточной Европе, чем в Западной. В сфере медиа иностранная собственность и импорт профессиональных стандартов из-за пределов региона, являются главными факторами, воздействующими на развитие медиа системы"³¹. В то же время, они подчеркивают амбивалентный характер такого воздействия: "Но самым важным вопросом для изучения является характер влияния западной собственности в сфере медиа на их отношение к политике, эволюцию профессиональных норм и т.п. Можно представить несколько вариантов того, как иностранная собственность влияет на связи медиа с политикой. Она может укреплять автономию медиа, предоставляя им экономическую базу, независимую от ангажированного бизнеса в данной конкретной стране. Она может быть частью какого-то альтернативного политического проекта. Или, наоборот, медиа компании с иностранными

³⁰ Manayeva, N. (2010). War of words: Framing of the United States in selected Belarusian newspapers in 2009 (Master's thesis). Retrieved from http://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1825&context=utk_gradthes.

³¹ Daniel Hallin and Paolo Mancini. Ibid., p. 151.

ми владельцами могут поддерживать партию власти и сдерживать политическую активность, конфликтующую с ней. Другим очень важным фактором является влияние иностранной собственности на профессиональную культуру медиа. Повышает ли импортируемая сильная профессиональная культура профессионализм местных медиа? Или, наоборот, подрывает ее, поскольку иностранные владельцы рассматривают местные медиа исключительно как коммерческие предприятия, и потому не заинтересованы в поддержке СМИ как "четвертой власти", прямо вытекающей из профессионализации журналистики?³²

В условиях Беларуси "иностраннный фактор" развития медиа системы и повышения доверия к ним имеет весьма специфический характер. Из-за разнообразных ограничений (политических, правовых, экономических), упомянутых выше, доля иностранной собственности в медиа системе — как со стороны Запада, так и со стороны России — в нашей стране незначительна и потому, в отличие от посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, не оказывает на нее серьезного влияния. Влияние "иностранного фактора" проявляется здесь по-другому — как прямое влияние его дискурса и материальной (финансовой, технологической, образовательной) поддержки из-за границы.³³

В целом можно сказать, что, если подсистема государственных медиа получает поддержку от государства и доверие большинства "простых людей", то подсистема негосударственных медиа получает поддержку из-за границы и доверие "продвинутого меньшинства". Иными словами, они укрепляют "социальный капитал" и "смазку сотрудничества" в двух разных частях белорусского общества и, таким образом, обеспечивают их дальнейшее сосуществование. Более того, роль медиа в этом процессе не сводится просто к "обеспечению". Как доказывает П. Гросс (2002), "превалирующая в Восточной Европе чрезвычайно противоречивая, политизированная, ангажированная и оценочная журналистика, не соответствующая ни профессиональным стандартам, ни демократической культуре Запада, не просто репрезентирует гражданское общество в этих странах, но сама по себе является гражданским обществом"³⁴. Это значит, что обе медиа подсистемы, не просто отражают и выражают интересы различных частей белорусского общества, но и постоянно воспроизводят их.

Концептуализация примера Беларуси

Однако этот вывод порождает очень важные теоретические и практические вопросы. Можно ли определить сосуществование различных медиа подсистем (и соответствующих социальных подсистем, являющихся их "социальной почвой") как модель "Островов в океане" со своей собственной природой или просто как "переходный период", затянувшуюся трансформацию одной хорошо известной модели в другую? Каков же критерий подобного определения? Время ("стремительное и драматическое изменение", как его определили Д. Халлин и П. Манчини³⁵)? Но не составляет большого труда обнаружить примеры того, как "трансформации" продолжались десятилетиями без фундаментальных социальных изменений (так называемая "авторитарная модернизация" во многих странах), а с другой стороны — того, как реальные перемены происходили всего за несколько лет или даже месяцев (последствия прихода к власти большевиков в России или нацистов в Германии).

Согласно теоретической модели, предложенной П. Гроссом и К. Якубовичем (2012), "транзит" белорусской медиа сис-

темы прошел "точку невозврата", поскольку соответствует обоим критериям "качественных изменений и их необратимости"³⁶. Что же касается ее трансформации, то этот процесс не соответствует ни критерию "достижения целей, изначально заданных ее лидерами", ни критерию "соответствия Западным стандартам", ни определению "посткоммунистических стран с авторитарными политическими режимами, которые в данном контексте даже не появляются на картине"³⁷. На наш взгляд, предложенный ими критерий "создания стабильной новой системы медиа независимо от ее природы" или предлагаемая Д. Халлином и П. Манчини концепция "системного медиа параллелизма"³⁸ соответствует белорусскому примеру гораздо больше. Однако их тоже недостаточно, поскольку они не объясняют характера этой "природы" и "параллелизма" и их оснований.

Мы считаем, что развитие медиа и социально-политической системы Беларуси в целом является не просто "нетипичным случаем" или "отклонением от основного пути". Неожиданное направление развития социальных систем случается в разных странах. Так, Джордж Фридман, руководитель широко известной информационно-аналитической службы Stratfor, недавно подчеркнул: "Пример Египта поднимает интересный и очевидный вопрос независимо от того, чем он закончится. Что, если проходят демократические выборы, и народ выбирает режим, нарушающий западные принципы прав человека? Что случится, если после невероятных усилий Запада обеспечить свободные выборы, электорат делает выбор в пользу совершенно иного пути, отрицающего Западные ценности — например, когда Западные ценности воспринимаются как морально неприемлемые и им объявляется война? Известный всем пример — Адольф Гитлер, который пришел к власти полностью в рамках правил политического процесса в Веймарской Республике (вполне демократического режима), ясно заявляя о своем намерении заменить существовавший режим другим, популярным в народе, но противоположным демократическому конституционализму в Германии и других странах"³⁹. По иронии судьбы, через несколько недель после этой публикации, американские СМИ опубликовали результаты опроса общественного мнения агентства Zogby International в Ираке согласно которому 42% респондентов считают, что при Саддаме Хусейне, до Западного вторжения, страна жила лучше, и только 30% дали противоположный ответ⁴⁰.

Практический вопрос, вытекающий из нашего главного вывода (его нередко приходится слышать от Западных коллег), звучит так: "Когда же развитие негосударственных СМИ (равно как и иных негосударственных подсистем) станет устойчивым, и они смогут продолжать свою деятельность без всякой поддержки извне?". К сожалению, у нас нет ответа на этот вопрос, есть лишь предположение. Оно заключается в том, что, поскольку различные, порой противоречащие друг другу социальные подсистемы сосуществуют в Беларуси благодаря особенностям ее истории, культуры и даже географии, разные медиа подсистемы могут сосуществовать здесь долгое время, вове не обязательно в итоге "замещая одна другую", оставаясь естественными для этой нации и общества. Кроме того, этот социальный и медиа "параллелизм" может быть нарушен в пользу каждой из сторон благодаря самым разным внутренним и внешним факторам. Но в одном мы убеждены: тот, кто действительно заинтересован в развитии новой модели Беларуси (в том числе и ее медиа системы), имеет для этого необходимую "социальную почву". И эта модель может подойти к разным странам.

³² Daniel Hallin and Paolo Mancini. Ibid., p. 152.

³³ Oleg Manaev. Foreign Media Influence on Belarusians. Global Media Journal - Polish Edition, No 1(4), 2008, p. 140.

³⁴ Peter Gross. Entangled evolutions: media and democratization in Eastern Europe. Woodrow Wilson Center Press, 2002, p. 187.

³⁵ Daniel Hallin and Paolo Mancini, Ibid., p. 152.

³⁶ Peter Gross and Karol Jakubowicz, Ibid., p. 12.

³⁷ Ibidum.

³⁸ Daniel Hallin and Paolo Mancini, Ibid., p.153.

³⁹ George Friedman. Egypt and the Idealist-Realist Debate in U.S. Foreign Policy, Dec 6 2011, <http://www.stratfor.com/print/205497>.

⁴⁰ <http://zogby.com/news/2011/11/01/iboep-zogby-poll-57-support-obama-iraq-withdrawal-his-job-performance-terror-12-year-ago/>

Постпросмотровый синдром

В статье предложен подход к изучению постпросмотровых состояний кинозрителя. Посредством свободных ассоциаций от зрителя, только что посмотревшего фильм, исследователь получает конечный набор словоформ. На следующем шаге они распределяются на четыре категории: оценка личных состояний, оценка себя, описательная позиция к фильму, эмоциональное постпереживание фильма. Это позволяет установить базовые психологические характеристики человека, опосредованные только что просмотренным фильмом, показать направление и глубину воздействия киноленты на зрителя. Упрощенный экспериментальный план не

позволяет формулировать валидных выводов, однако задает направление для методических и методологических размышлений об особенностях нахождения в кинореальности после завершения просмотра.

Ключевые слова: исследование кино, ассоциативный тест, постпросмотровое состояние зрителя, фильмы зомби жанра.

Дмитрий Рогозин

декан факультета социальных наук МВШСЭН (Москва)

Исследователи кино традиционно мало внимания уделяют зрительскому восприятию. Но об этом хотя бы время от времени пишут психологи и искусствоведы (см., например: [Elsaesser, Hagener, 2009; McGinn, 2007; Plantinga, 2009]). Уже не удивляют утверждения о синхронизации происходящего на экране с психофизическим состоянием зрителя. "Когда мы смотрим фильм, изменяется пульс, усиливается потоотделение, мускулы поочередно напрягаются и расслабляются" [Grodal, 2009, p. 4], указывая на телесное погружение в киносеанс. Хотя мы не далеко отошли от интуитивных построений раннего С. Эйзенштейна, уже наметилась исследовательская программа. О постпросмотровом состоянии, результатах воздействия фильма на эмоциональный фон кинозрителя известно гораздо меньше. Станным образом, наиболее значимые с точки зрения маркетинга вопросы, определяющие воздействие продукта, остаются без внимания. Что происходит с сознанием зрителя сразу после окончания просмотра? Насколько сильно экранная реальность повлияла на его состояние? Принимает или преодолевает зритель преподнесенное кинопослание? Круг этих вопросов можно обобщить в категорию "постпросмотрового синдрома", к изучению которого мы и приступим.

Методика

После просмотра испытуемым давалось задание в течение минуты произносить вслух любые слова, которые ассоциируются с фильмом¹. Экспериментатор засекал время и останавливал испытуемого, когда заканчивалась минута.

В эксперименте приняло участие 12 человек: 7 мужчин и 5 женщин в возрасте от 19 до 43 лет. Все смотрели фильм "Добро пожаловать в Зомбиленд" в специально оборудованном зале.

Из речи испытуемых выделялись лишь те слова, которые точно соответствуют данному заданию (см. приложение), то есть могут идентифицироваться в качестве ассоциаций. Вводные высказывания, описания собственных состояний, извинения определяются в качестве задержки ответа, поэтому исключены из дальнейшего анализа.

Единицей наблюдения задана ассоциация, высказываемая испытуемым. Всего, 12 испытуемыми, в течении одной минуты названы 118 ассоциаций. Пространство признаков состоит из двух переменных:

(1) направленность высказывания: 1 — про себя ("вздраги-

ваю", "неприятно", "хватаю мужа за руку"), 2 — про фильм ("зомби", "кровь", "яркий");

(2) модус высказывания: 1 — описание ("дороги", "голливуд", "одноэтажная америка"), 2 — оценка ("нереалистичный", "правдивый", "жуткий").

Лишь две ассоциации, в силу языковой полисемичности, оказались трудно идентифицируемыми по отобраным переменным. Например, "испуг", "ужас" может относиться к описанию личного переживания или к характеристике фильма. Кодировщик в первом случае выбрал код 1 "про себя", во втором 2 "про фильм". Присутствующая неопределенность в идентификации слов может существенным образом снизить надежность теста.

Результаты

Из 130 ассоциаций лишь 16, или 12%, направлены на себя, или описание собственного состояния, и 114, или 88%, можно отнести к описанию фильма. Напротив, оценочность или описательность ассоциации разделилась более равномерно: 76 ассоциаций, или 58%, отнесено к описанию и 54, или 42%, к оценке.

На пересечении двух признаков направленности и модуса высказываний можно построить пространство постпросмотрового состояния кинозрителя (рис. 1), определяемое эмоциональностью и фокусированностью высказываний, озвученных сразу после завершения сеанса.

Нейтральные высказывания о личных состояниях ("вздрагиваю", "подпрыгиваю", "хочется, чтобы закончилось хорошо" и т.д.) указывают на быстрый, осмысленный выход зрителя из кинореальности. Только покинув зал, испытуемый занимает рефлективную позицию по отношению к своим состояниям. Как бы сильны не были переживания во время просмотра, благодаря собственной психической системе восприятия (стремление отказать от увиденного) или вследствие слабого воздействия кинопотока на психику, испытуемый быстро переходит в повседневную, отличную от экранной реальность. Оценка себя, собственных состояний ("страшно", "неприятно", "понравился" и т.д.) может проводится так же лишь с некоторой дистанции. Когда человек, действительно, переживает страх, неприятие или ужас, он не рассказывает об этом, а демонстрирует невербальными или вербальными реакциями. Эмоциональный компонент в оценочной речи более выражен, что сиг-

¹ Метод свободных ассоциаций - один из наиболее распространенных психологических приемов. Наиболее широкое распространение получил в психоанализе, но также применяется и в качестве жесткой экспериментальной процедуры. А. Лурия подчеркивал важность осознания допущений, на которых строится метод. Испытуемый должен говорить все слова, приходящие в голову, не подбирая более подходящие для текущего момента [Лурия, 1998, с. 104]. Полное выполнение такого условия весьма проблематично. Однако для нас достаточен сам факт выбора тех или иных слов. Поскольку дальнейшая их классификация производится по неизвестным для испытуемого категориям, он не может контролировать наиболее адекватные и с его точки зрения приемлемые для экспериментатора закрытия.

нализирует о меньшем выходе из фильма. Испытуемый не использует конструкции прошлого времени, высказывая о настоящих переживаниях как бы возвращают его в ситуацию

Рис. 1 Пространство постпросмотрового состояния,
% от всех ассоциативных слов

		МОДУС	
		описание	оценка
направленность	про себя	описание личных состояний 8%	оценка себя 4%
	про кино	описательная позиция к фильму 50%	эмоциональное постпереживание фильма 38%

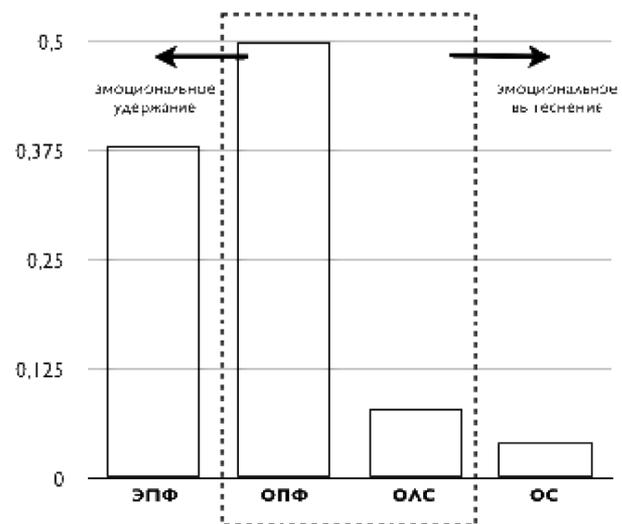
просмотра.

Еще более близки к сопереживанию фильма испытуемые, в центр своего оценочного высказывания ставящие фильм. Отметим, что задание "проговаривать любые ассоциации, связанные с фильмом", подталкивают к этой позиции. Отклонение от него, при прочих равных условиях, свидетельствует об осмысленном вытеснении фильма.

Четыре значения постпросмотрового состояния можно представить как шкалу эмоционального шлейфа, остающегося после просмотра фильма. Центральные позиции занимают нейтральные высказывания, крайние – эмоциональные реплики, направленные либо на фильм и удержание эмоционального состояния от просмотра, либо на описание собственных переживаний и вытеснение эмоционального воздействия от фильма (рис. 2).

Эмоциональные удержания и вытеснения не зависят от направленности самих эмоций (позитивных или негативных). Эта характеристика отражает психологические приемы, направленные на конструирование собственной позиции по отношению к фильму. Удерживая эмоции, проговаривая личное отношение к фильму, актуализируя эмотивные состояния, зритель закрепляет пережитое во время просмотра. Переводя разговор на себя, описывая свое личное эмоциональное состояние, он смещает акценты, буквально, вытесняет эмоциональное воздействие. Поэтому обе характеристики могут включать как положитель-

Рис. 2. Шкала постпросмотрового состояния
ЭПФ – эмоциональное постпереживание фильма, ОПФ – описательная позиция к фильму, ОЛС – описание личных состояний, ОС – оценка себя.

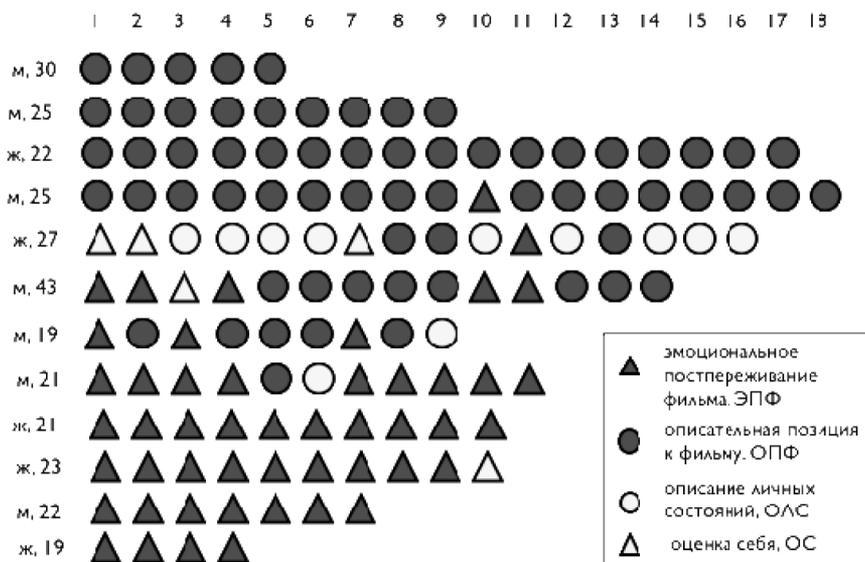
ные, так и отрицательные отзывы о киноленте. Их различие важно не для оценки отношения к фильму (что можно сделать куда более прямым способом, спросив напрямую, например), а для определения стратегий постпросмотрового потребления кинопродукции, или постпросмотрового синдрома. Если зритель актуализирует свое отношение к фильму, ставит в центр внимания увиденное на экране, он более расположен к последующему воспроизводству кинопродукции, то есть участию в дискуссиях, опровержению или подтверждению мнений других, покупке сопутствующих товаров, проявлению внимания к деталям кинокартины. Если же внимание уделяется собственным переживаниям, кинопросмотр антропоморфизируется, сужается до рефлексии собственных чувств и переживаний, особенности увиденного будут вскоре стерты из памяти, подменены другими более актуальными эмоциональными всплесками. Если в ассоциативном ряду наблюдаются лишь описательные конструкции, не предполагающие вовлечение эмоционального контекста, значит потребление кинопродукции уже завершено. Зритель отчужден от увиденного и не испытывает постпросмотровый синдром.

Таблица 1. Индивидуальные ассоциативные ряды, абс. значения

* ЭПФ – эмоциональное постпереживание фильма, ОПФ – описательная позиция к фильму, ОЛС – описание личных состояний, ОС – оценка себя.

Испытуемый	ЭПФ*	ОПФ	ОЛС	ОС	Итого
жен., 27 лет	1	3	9	3	16
муж., 19 лет	3	5	1	0	9
муж., 21 год	9	1	1	0	11
муж., 25 лет	1	17	0	0	18
муж., 43 год	5	8	0	1	14
жен., 23 года	9	0	0	1	10
жен., 21 год	10	0	0	0	10
жен., 19 лет	4	0	0	0	4
муж., 22 года	7	0	0	0	7
муж., 25 лет	0	9	0	0	9
жен., 22 года	0	17	0	0	17
муж., 30 лет	0	5	0	0	5
Итого	49	65	11	5	130

Рис. 3 Индивидуальные ассоциативные ряды (фигурами обозначены слова, расставленные в порядке произнесения испытуемым)

Описательные ассоциации наиболее частотны (рис 1, 2). Однако, если обратиться к индивидуальным выборкам (табл. 1), можно увидеть, что исключительно описательная позиция к фильму наблюдается лишь у трех человек, а исключительное описание личных состояний — ни у кого.

Несмотря на доминирование нейтральных слов в целом по выборке, испытуемых придерживающихся эмоциональных описаний больше нежели нейтральных, пять против четырех человек, соответственно (рис. 3). Это происходит потому, что люди с нейтральным отношением произносят больше слов за минуту, нежели эмоционально переживающие увиденное. По всей видимости, эмоциональные ассоциации вторгаясь в речь испытуемых, мешают сконцентрироваться на вопросе, снижают скорость речевой реакции на полученный стимул.

Вся выборка делится на три группы: В первую входят испытуемые, занявшие описательную позицию по отношению к фильму (муж., 30; муж, 25; жен., 22; муж, 25); во-вторую, эмоционально переживающие увиденное (жен., 19; муж, 22; жен., 23; жен., 21); в-третьей, смешанные оценки (жен., 23; муж, 43; муж, 19).

К сожалению, особенности экспериментального задания² существенно сужают интерпретативные возможности. Ассоциативный тест, выполненный в формальной манере (жесткий контроль ответов по времени), подвергает испытуемых в непривычную стрессовую ситуацию и, тем самым, разрушает экологическую валидность эксперимента. На это, как минимум, указывают низкие частоты ассоциативных слов (табл. 1). Кроме того, у нас нет дополнительных переменных для проверки надежности полученных данных. Если продолжать линию ассоциативного тестирования, следует заимствовать лурьевскую методологию сопряженной регистрации психофизиологических параметров, позволяющую оценить степень ментальной и физиологической (рас)согласованности ответов. Альтернативным способом регистрации постпросмотрового синдрома служит более экологичный вариант разговора после фильма, инициируемого обыденным набором вопросов: Как вам фильм? Понравилось? Что привлекло внимание? Стоит посмотреть?

Нарративное повествование, проводимое в привычной для зрителя форме, может дать не меньшее количество значимых для нас маркеров. В то же время мы снимаем проблемы тестовой искусственности процедуры.

Заключение

После просмотра любого фильма зритель выходит в измененном состоянии, хотя бы потому, что вынужден проводить в весьма специфическом месте продолжительное время. Наиболее сильное воздействие оказывается на эмоциональную составляющую психики, что мы называем постпросмотровым синдромом. Человек либо актуализирует внимание на фильме, эмоционально наделяя его определенными характеристиками, либо эмоционально описывает собственные состояния. В обоих случаях переживаемый им постпросмотровый синдром видоизменяет его поведение, вносит на какой-то промежуток времени значимые возмущения. Добиться точной и надежной фиксации постпросмотрового синдрома — достойная исследовательская задача. Представляется весьма перспективным обнаружить способы измерения силы и продолжительности воздействия фильма на эмоциональную структуру сознания зрителя. Небольшой опыт с ассоциативным тестом предоставил исходные материалы для конструирования более валидных экспериментальных планов, которые могут развиваться либо в сторону большей формализации и расширения исследовательских переменных, либо большей экологичности, приближении эксперимента к повседневным практикам.

Литература

1. Elsaesser, T., Hagener, M. Film theory: An introduction through the senses. New York: Routledge, 2009.
2. Grodal, T. Embodied visions: Evolution, emotion, culture, and film. Oxford: Oxford University Press, 2009.
3. McGinn, C. The power of movies: How screen and mind interact. New York: Vintage, 2007.
4. Plantinga, C. Moving viewers: American film and the spectator's experience. New York: University of California Press, 2009.
5. Кэмпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Пер. с англ. А.У. Хараша, Ю.М. Жукова, П.Б. Шошнина; Сост., общ. ред. М.И. Бобневой; Вступ. ст. Г.М. Андреевой. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
6. Лурия, А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998.

¹ В кэмпбелловской классификации мы имеем дело с исследованием единичного случая (X O, где X — экспериментальное событие, или задание которое выполняет испытуемый, O — результат проведенного экспериментатором измерения), когда изучаются лишь последствия от выполнения задания [Кэмпбелл, 1996, с. 51-52]. Мы отказались не только от привычной психологам рандомизации испытуемых, но и от обязательного для контролируемых экспериментов наличия контрольной группы.

Приложение: Отфильтрованный ассоциативный ряд

№	испытуемый	ассоциации за минуту
1	муж., 25лет	зомби - кровь - кишки - хаммер - беверли хилс - голливуд - девушка - бензопила - шон ган - бред - компьютерные игры - американская культура - штампы - шляпа - аттракционы - дороги - одноэтажная америка – бурбон
2	жен., 22 года	зомби - кровь - люди - пистолет - америка - эпидемия - кости - машины - девушка - сестра - семья - карусели - погони - туалет - дороги - голливуд – актеры
3	жен., 21 год	мерзкий - отвратительный - отталкивающий - глупый - бессмысленный - никакого нормального сюжета - безвкусный - плоский юмор - ни одной умной вещи – нереалистичный
4	муж., 25 лет	зомби - неожиданность - Индиана Джонс - виски - ковбой - пай-мальчик - плохая девочка - аттракцион ужасов – ужас
5	муж., 43 год	яркий - - цветной - понравился - положительная идея - тема семьи - тема ужаса - билл мюррей - старый актер - шутки - яркий - позитивный - конец - катастрофа - американские фильмы
6	жен., 19 лет	интересный - необычный - веселый - хорошие актеры
7	муж., 19 лет	интересный - комедия - смешной - эффекты - сама идея - сюжет - экшн настоящий - ужасиком не назовешь - еще бы посмотрел
8	муж., 21 год	крутой - противный - мерзкий - актеры неплохие - бензопила - так и не увидел - ироничный - добрый - правдивый - не убогий – забавный
9	жен., 27 лет	страшно - неприятно - вдрагиваю - подпрыгиваю - кричу - хватаю мужа за руку - неприятные эмоции - цвет - констистенции зомби - переживаю за живых - напряженные моменты - замирает дыхание - редкие звуки - хочется чтобы закончилось хорошо - иногда смешно, но редко – испуг
10	муж., 22 года	веселый - страшный - отвратительный - ужасный - смешной - мрачный – прикольный
11	жен., 23 года	ужасный - страшный - кровавый - бестолковый - агрессивный - специфический - жуткий - пугающий - бессмысленный - вызывающий отвращение
12	муж., 30 лет	обычная тема, которую все мусолят - штампы - саундтрек - обыденность - развлечения

Новые размышления о публике

Статья посвящена понятию и генезису публики и публичной сферы как социальных феноменов. Выясняются коннотации, лежащие за этим термином, особенности публичной сферы в Античности, Новое и Новейшее время. Особое внимание уделено распространению в настоящем времени новых коммуникативных технологий, которые начинают подвергать публичную сферу переоценке ценностей.

Ключевые слова: публика, масса, народ, интернет, агон, новые политические партии, компьютерное сообщество.

Евгений Дуков

доктор философских наук, профессор, зав. сектором
Государственного института искусствознания (Москва)

Что общего между театром и тюрьмой?
Никогда не знаешь, с кем будешь сидеть.

Михаил Генин

Автор привыкает в конце концов к своей публике,
точно она разумное существо.

Генрих Гейне

Слово публика в лексиконе искусства в какой-то степени остается, хотя используется все реже. Появляются работы по зрителю, слушателю, "потребителю" в разных видах искусств. В них описывается, какие страты и с какой частотой посещают те или иные мероприятия (сейчас это принято называть "услугами"), из кого они состоят и какие имеют перспективы. Зрителя/слушателя делят на постоянных, редко ходящих ("экспертных") и приобретающихся. Словом, доминирует маркетинговый подход. Профессионалы от менеджмента задаются одним вопросом: что нужно "подбросить" человеку, чтобы он раскошелся на "услугу" до того, как она стала услугой. Это главное! Конечно, он может заинтересоваться культурным мероприятием и даже пойти на него. Но может и не ходить, все равно будет считаться по корешкам проданных билетов посетителем, повысившим свой культурный уровень. В конце концов, все мы платим за "кота в мешке" — кто его знает, что принесут вам лично эти несколько часов, потраченные на то, что мы уже безвозвратно оплатили? В общем случае невозможно даже понять настроение тех, кто сходил раньше нас — понравилось или нет? В культуре как будто специально все сделано для того, чтобы развести тех, кто идет на мероприятие, от тех, кто выходит. Только бы потребители не встретились!

Напротив, "публика" — словечко из современного журналистского лексикона, нередко шутивно-ироничного. Впрочем, сам феномен, которым оперируют журналисты, называться публикой может только из уважения к старине, например, XIX-первой половине XX века. Хотя уже тогда современникам было не просто разобрать, где публика, а где качественно что-то другое, может, "потребитель". Ясно, например, что все, собравшиеся в зале на концерт или представление, еще не публика. В этой статье мы попытаемся разобраться, какие коннотации лежат за этим словом, что оно сегодня могло бы значить для искусства. В основном речь пойдет о музыкальном искусстве.

Начнем с бессмертных классиков. Исторически публика, по убеждению П.И. Чайковского, например, это "такая компактная масса, голосу которой подчинился бы прогрессивный ход национального искусства". То есть, образованная, знающая традиция во всем мире, имеющая адекватную шкалу ценностей, в соответствии с которой она может выносить суждения, понятные во всем развитом мире. Эта публика и создает "заказ" наци-

ональной композиторской школе. Но это в идеале. Чайковский в той же статье с горечью констатировал: "У нас нет еще публики, создающей общественное мнение, всеми уважаемое, а есть разнохарактерная толпа". Великий композитор противопоставил публику толпе. Не думаю, что поставленный диагноз был только российским.

Это противопоставление типично, начиная с XIX века, особенно со второй ее половины. Термин "публика" трактовался в то время как производное от феномена, которое тогда называлось "наличием умственных связей". Такое интеллектуальное единство понималось как общность мнений, духовная общность и не подразумевало непосредственных контактов, которые мы видим на концерте или спектакле. В.Белинский писал: "Публика есть собрание известного числа (по большей части очень ограниченного) образованных и самостоятельно мыслящих людей; толпа есть собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету". И продолжал: "другими словами — из людей, которые не могут смочь свое суждение иметь"². В этом последнем выражении для России второй половины XIX века и рисуется образ толпы, ее отличие от публики. Толпа живет как классический недоросль. А эта возрастная категория по русской традиции была лишена права голоса. И это отличает ее от публики.

Правда, славянофилы в России публику сопоставляли с народом, а не с толпой, и образ ее был скорее негативным. Русский писатель К.Аксаков (1817-1860) писал: "Публика подражает и не имеет самостоятельности: все, что она принимает чужое, принимает она наружно, становясь всякий раз сама чужою. Народ не подражает и совершенно самостоятелен; а если что примет чужое, то сделает это своим, усвоит. У публики свое обращается в чужое. У народа чужое обращается в свое. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всенощной; когда публика танцует, народ молится. Средоточие публики в Москве — Кузнецкий мост. Средоточие народа — Кремль. Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ — по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ — в русском. У публики — парижские моды. У народа — свои русские обычаи. Публика (большею частью, по крайней мере) ест скоромное; народ ест доступное. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету); народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ; народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща; народ вечен"³. Под публикой Аксаков явно понимал обеспеченное население европеизированного русского города. Но до 1917 года и в России перевешивала

¹ Чайковский П.И. Музыкально-критические статьи. М.1953, с.31.

² Белинский В. Г. Стихотворения Лермонтова. \\Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 — февраль 1841. М., 1976

³ К.С. Аксаков. Опыт синонимов: публика — народ. — "Молва", 1857, № 36 (14 декабря), с. 410 — 411.

европейская традиция, в которой место "народа" занимала "толпа".

Французский социолог Г. Тард (1843-1904), исследовавший отношение толпы и публики, был убежден, что публика — продукт Нового времени. Ее истоки — в светских салонах и клубах XVIII века. Но подлинный расцвет публики начинается с появлением газет и журналов. Технические средства информации, общедоступное образование, среднее и высшее, со временем превратили публику в самую многочисленную форму объединения людей. Между толпой и публикой он замечал глубокие различия. Если в толпе, писал Г. Тард, личность нивелируется, то в публике она получает возможность самовыражения⁴. Аналогичную позицию занимал К.Ясперс, который относил публику к числу продуктов определенного исторического этапа, когда люди уже могут быть не связаны друг с другом только принадлежностью к различным слоям общества. "Масса как толпа не связанных друг с другом людей...существовала всегда — писал он. — Масса как публика ...продукт исторического этапа. Свойство массы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей"⁵. В искусстве они доносят мнения профессионалов и критиков до **понимающих** читателей, слушателей, зрителей и помогают устанавливать определенные нормы взаимоотношений с художниками.

Аудитория исполнительских искусств, сформировавшаяся, в основном, в эпоху Возрождения, прошла большой путь. Стационарные театры, концертные залы для публичных выступлений выросли из помещений для городских артистов XIII века. В XIX веке начался их стремительный рост, как количественный, так и качественный. Это особенно ярко видно на примере европейских концертов. На них съезжались десятки тысяч людей. Такие концерты-монстры требовали гигантских залов, новых способов исполнения, новых музыкальных инструментов, новых музыкальных специальностей и специальной техники. И, конечно, нового "менеджмента", хотя это термин ни XVIII, ни в XIX веке не был известен. Но главное — массового слушателя, огромной аудитории, которая была бы заинтересована их посещать, имела бы вкус к такого рода "толпности". Я специально не употребляю слово "искусство". Было бы хорошо, если бы она разбиралась в его языке. Но чаще она просто шла за публикой, потому что это было модно. Модно было в XIX веке и в части XX века ходить с партитурой под мышкой, носить на концерты модное платье. Модным был и ответ на вопрос, был ли вы на концерте-монстре: "О, да! Там было столько народу. Меня чуть не задавили". И все. Это, конечно, не эстетическая оценка. Сегодня мы бы сказали, что это оценка с точки зрения шоу-бизнеса. Но шоу-бизнесу не нужна **публика**. У него другие задачи и критерии оценки.

И все же что-то общее здесь есть: всем известный традиционный менеджмент исполнительских искусств весь вырос из гомуса толпы и ориентирован на толпу, что особенно хорошо видно на примере отечественных филармонических концертных залов⁶. Каковы главные критерии работы административно-управленческого аппарата наших концертных организаций? Собрать толпу слушателей! Для этого приглашаются из центра и из-за границы выдающиеся артисты. Концертная организация готова потратить значительную часть своего годового бюджета на пару концертов звезды. Да, соберутся толпы "жаждущих", и можно решить целый ряд проблем. Здесь можно повысить цены даже на неудобные места против обычных. После концерта слушатели могут принимать поздравления, если случайно попадут в кадр телепередачи, или рассказывать,

что были там, куда губернатор не часто заходит, и т.п. Только здесь можно рассчитывать продать как можно больше билетов при минимальных затратах. Кому? Не все ли равно! Главное — чтобы купили, ведь покупается, как уже отмечалось, "кот в мешке". И чем больше мешок, тем меньше шансов ухватить кота. Да и сделать это до концерта невозможно. Остается надеяться только на концертную организацию, на профессионализм ее работников. А она знает, что **мне** хотелось бы? Впрочем, вопрос этот риторический. Вот и получается, что продать билеты тем, кто неосторожно их уже покупал, оказывается все сложнее. Правда, народа у нас много, а концертных организаций мало. Еще меньше музыкальных театров. Привычка проводить культурно свой досуг тоже осталась. Так что, пока профессионалам можно жить, ориентируясь на старые модели.

Между тем, с самого начала концертная система была отточена на обслуживание конкретных лиц и небольших групп горожан. В Европе на заре концертной жизни с XIV века, почти без поддержки государства организаторы концертов перепробовали несколько вариантов работы со слушателями. Самая простая и устойчивая — подписные концерты. Сначала это были "подписные листы", куда вносились суммы, которые подписант жертвовал на концерт. Никакой заранее оговоренной суммы взноса не было, не было и никакой классификации мест в зале. Поскольку подписной лист был открытым для подписчиков, каждый мог сравнить уровень своего участия в "экономике" концертного дела с будущими соседями по залу.

Такая система продолжала оставаться действенной до середины XIX века и была рассчитана на людей с высоким уровнем дохода (аристократы, крупное купечество, промышленники и др.). Это были страты, члены которых знали друг друга лично, несли ответственность за жизнь поселений и стран, нередко состояли в разных досуговых областях и, как правило, обладали весьма тонким вкусом. Даже тогда, когда залы стали заполнять обычные представители третьего сословия и установилась дифференциация цен на разные ряды и места, эти люди сами назначали цену за свое посещение и обозначали то место, где они хотели сидеть. В России в помещениях, в которых организаторы намечали провести концерт, существовали амбарные книги, в которые заносился каждый покупающий билет, с указанием статуса, места работы, его общественного положения и адреса места жительства. Покупавший билет мог положить книгу, соотнести свое положение с соседями по концерту и решить, пойдет ли он на концерт или ему будет неприятно сидеть с теми, кто уже купил билеты. Здесь работал не только и не столько художественный фактор. Ведущие страты использовали разные возможности для внутренней регуляции, в том числе, эстетическую деятельность.

Со временем публика начала разбавляться толпой, которая хотя и скапливалась в специально отведенных отсеках зала, но предпочитала, чтобы и ее голос с галерки был слышен. С этого времени публика стала работать как баран-провокактор — куда направляется она, туда ломится и толпа. Уже в XIX веке толпы в искусстве начинают количественно преобладать. В XX веке они завоевали себе почти все концертное пространство⁷. Если в XIX веке большая часть репертуара концертов-монстров строилась на симфонических и ораториально-кантатных произведениях классиков и романтиков, а такие замечательные музыканты, как например, Штраусы (отец и сын) оккупировали залы небольших кафе и танцплощадок, то в XX веке, благодаря техническим средствам, оказалось возможным одному человеку или нескольким людям с гитарами держать многотысячные стадионы — эффект, которого не могли до-

⁴ Тард Г. Общественное мнение и толпа. — СПб., 1905.

⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, стр. 313.

⁶ К сожалению, дифференцированная работа с отдельными слоями публики в наших концертных организациях нашла применение только в Свердловской государственной филармонии.

⁷ И не малую часть театрального — мюзиклы, мюзик-холлы и т.п.

биться даже сдвоенные симфонические оркестры.

На некоторое время наступила эпоха "массовой культуры", которую можно назвать "культурой толпы". Но публика искусства музыки не исчезла. Она отошла на периферию общественной жизни и продолжала собирать своих поклонников, воспроизводиться все более новыми способами. На Западе — на основе систем общего образования, у нас — специальных школ, ДМШ, кружков, позже — школ искусств. В СССР до 1930 годов, впрочем, можно было говорить о "советской публике", о чем свидетельствует огромный резонанс выступлений солистов Большого театра, Мариинки и многих других оперных театров на многочисленных концертах. Козловский, Лемешев, Нежданова, Лисициан и их коллеги по оперному цеху по популярности соперничали со звездами эстрады — Утесовым, Бернесом, Шульженко.

Но с конца 1950 годов общенародная популярность у артистов оперных театров довольно быстро сошла на нет. Звезды и звездочки эстрады заполнили весь небосклон интересов слушателей. Впрочем, и потенциальные слушатели стали другими. В этот же период — в 1950 годы — начался очередной процесс урбанизации. Города заняли бывшие крестьяне, жители малых городов и рабочих поселков. В отличие от урбанистических процессов 1930-х, когда в город наезжали крестьяне с тем, чтобы в последствие вернуться в родные места, новая урбанизация охватывала людей, которые ехали становиться "горожанами" и лучше — сразу мегаполисов. Но они тащили с собой груз не городских ценностей⁸.

"Публика" начала съезживаться, как шагреневая кожа. Нельзя сказать, что ее былая слава совсем померкла. Когда в 1960 годов начался быстрый рост ДМШ, у большинства их не было проблем с контингентом. Небольшая часть новых горожан пыталась освоить новые досуговые практики. В 1970-е годы в одном из социологических опросов мне встретился "новый москвич" — человек, недавно переехавший в столицу из маленького городка и пытающийся здесь фундаментально устроиться. Для этого он решил сменить идентификацию. Одним из первых слагаемых на этом пути он наметил "высокое" искусство. Он стал покупать альбомы великих художников. Среди значимых отличий большого города от места его рождения он отметил также классическую музыку и начал формировать личную фонотеку. На вопрос, по какому принципу он покупает пластинки, молодой человек ответил: "Так музыка-то классическая! И на пластинке продается! Значит, она мне нужна! Ну, иногда я подглядываю, что люди берут, беру и я. И дома иногда слушаю!"

Еще несколько ступеней нужно было преодолеть этому человеку, прежде чем он узнает, где концертный зал, где достают в него билеты, как в нем себя вести, что такое его аура и т.п. Публика — завсегдатаи филармонических залов — используя эффект подражания, как бы вела за собой "непублику". Но вела ее не через привычку играть самому и слушать музыку в зале, а через обладание пластинкой. Трудно сказать, стал ли мой собеседник и ему подобные в конце концов зальной публикой или нет. Важно то, что те из них, кто вливался в ряды публики, даже не догадывался о существовании другой модели освоения музыки: не от живого исполнения к пластинке, как к воспоминанию о концерте с его обстановкой и настоящим звучанием, а от идеальной записи к живому концертному исполнению. Они скорее воспринимали концерт как набор пластинок кем-то отобранный и в определенное время проигранный в поме-

щении, где почти никого не знаешь, т.е. в толпе⁹.

В концертном зале он, человек не из публики, сталкивается с административно-управленческим аппаратом концертной организации. Не на прямую, конечно, а, как правило, косвенно. Как строится программа? Так, как ее выстроил менеджер, в лучшем случае, артист, оглядываясь на менеджера. А отечественный менеджер, например, не любит камерной музыки. То есть, сам он, может быть, и любит, но не любит и не умеет распространять и пропагандировать. Это тонкая работа! Как учебный материал, говорит он, — пожалуйста, но для профессионального проката нужно что-то другое. Например, симфонический оркестр. Или народный. На худой конец, хор. А соната для солирующего инструмента или квартет — да я их не продам! Народ любит что-то мощное! И не рассказывайте мне, что композитор гениальный и замечательный исполнитель. Чтобы быть продаваемым, исполнитель должен быть звездой мирового масштаба, но прежде всего знакомый толпе по телевидению. Оно бог современного исполнительства! Вот когда ваш замечательный исполнитель покорит домашний экран, тогда пусть приходит в наш зал играть камерную музыку. А пока мы довольствуемся симфонией с плясками! Народ с трудом, но берет!

Примерно полвека назад ситуация начала меняться. Появился персональный компьютер и сеть пользователей, как альтернатива толпе, построенной на непосредственном физическом взаимодействии. Толпа начала превращаться в компьютерное сообщество, социальные сети потеряли физические пространственные координаты и стали внепространственными образованиями нового типа¹⁰. В результате возникло новое качество человеческих отношений. М. Кастельс назвал его "сетевым индивидуализмом". Если прежде основу всякого человеческого сообщества составлял комплекс привязанностей человека к человеку, к месту жительства и работы, то трендом последнего столетия является ослабление этих привязанностей и переход к экстерриториальным социальным связям. Их часто называют "более слабыми". Но так ли это на самом деле? Быть может, речь должна вестись о качественно новых связях, которые вряд ли были еще в истории? И надо еще проанализировать, насколько они эффективнее, потому что оппозиция "сильная" — "слабая" в данном случае может не работать.

Так, И. Пригожин в одном из интервью, данных журналу "Эксперт" в 2000 году отметил, что "глобализация и сетевая революция ведут не только к большей связанности людей друг с другом, но и повышению роли отдельного индивида в историческом процессе"¹¹. Сегодня мы видим парадоксальное сочетание в общественном развитии двух взаимоисключающих тенденций: рост всеобщей взаимозависимости всех членов общества друг от друга при усилении регламентации их деятельности (тенденция к формированию идеально запрограммированного человеческого сообщества) и рост влияния человеческой индивидуальности на состояние глобальной системы, являющейся источником непредсказуемых случайных пертурбаций во всей глобальной системе (тенденция к нарушению взаимозависимости и регламентированности индивидуальных действий). Это сочетание тенденций было названо В.П.Бранским и С.Д.Пожарским "парадоксом Пригожина".

Действительно, все больше людей осознает себя "землянами", а не американцами, французами, русскими. Сегодня человек имеет право жить почти в любой точке планеты. Мощные межправительственные организации пытаются поддерживать мир на планете, распространяют грамотность, общие медицин-

⁸ Коган Л.Б. Быть горожанами. М., 1990
⁹ В 1980 годы социологи нередко сталкивались у слушателей с терминологическим разноречием: одни респонденты называли "легкой" музыку без слов, а "серьезной" — музыку со словами, особенно песни. Но вопрос, почему они так классифицируют музыкальные произведения, они поясняли, что песня заставляет думать, у нее слова, а когда Бетховена слушаешь, можно думать о чем-то своем. См. "Искусство в жизни социалистического общества". М., 1990.

¹⁰ См. например; Кастельс М. Информационная эпоха. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; М., 2000.

¹¹ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Парадокс Пригожина и суператтрактор. <http://spkurdyumov.narod.ru/D8BranskiyPogarskiy.htm>

ские знания, стараются наладить культурный обмен. В то же время, множится число неправительственных организаций, которые стараются вмешаться в дела отдельных стран, когда деятельность их начинает угрожать жизни на Земле, когда они видят угрозу культурному многообразию и т.п. Второе столетие, опираясь на идеи В. Вернадского и П. Тейяра де Шардена, идет процесс освоения планеты Земля как целостности, переход от биосферных процессов к ноосферным. Но в то же время, тема малой Родины, "травы у дома" звучит все более отчетливо.

У людей утончаются связи с локальными сообществами, и не только в силу новых коммуникационных возможностей, но и в силу того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности. Старое общество дезинтегрируется и разрыхляется, теряет свои привычные формы. Теория сетей утверждает, что последним пределом, атомом общества является уже не индивид, а "сообщения", из которых складывается жизнь индивидов, институтов, классов — к какой бы понятийной инстанции мы ни обращались. Неважно, кто является носителем сообщений, важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации¹². Какая бы социальная форма ни возникала в результате сетевой коммуникации, она является одним из видов сетей. И благодаря этому она способна перетекать в другие формы и обмениваться с ними.

Электронная система массовых коммуникаций — "галактика Маклоэна", как назвал ее М. Кастельс¹³, — новый способ формирования публики. Еще в 1990 годы компьютерная коммуникация стала мощным средством укрепления социальной сплоченности космополитической элиты. В ней выросла страта, которая первая получила электронные адреса (которые так и остались элементом шика), собственный язык, на котором писались программы, первая начала обмениваться модными сообщениями, при этом выйдя за государственный уровень. Человечество получило нечто похожее на средневековую аристократию, публику в узком смысле этого слова — они ведь везде и всюду в Европе имели общие языковые элементы, элементы костюма, по которым их можно было отличить, общие принципы языка. "Айтишники", так в нашей стране называют этот слой людей, одни из самых дорогих специалистов, но, в отличие от первобытных колдунов, их профессия поддерживается массой анекдотов, что, впрочем, не делает их деятельность прозрачной. Действительно, работа программиста и шамана, как уже неоднократно было замечено, имеет много общего — оба бормочут непонятные слова, совершают непонятные действия и практически никогда не объясняют, как работает "железо".

Но мы незаметно перешли другое измерение. Даже время стало качественно другим. Среди программистов всего Мира, а вместе с ними и пользователей, принято отсчитывать системное время от так называемого "начала эпохи", а конкретно с 00:00:00 1 января 1970 года. Примерно в это время появилась сеть ARPAnet, созданная в учебных целях в министерстве обороны США, которая стала предшественницей современного интернета. С этого момента и идет отсчет "начала эпохи", конечно, эпохи сетевой. Время перестало быть абсолютным, независимым от человека. Посмотрите форумы, посвященные системному времени. Время теперь уже "глючит", "отстает", "теряется", "ускоряется", "замедляется" и т.д. оно в каждом конкретном случае зависит от человека и может изменяться по его велению. По словам героя романа Мэри Шелли "Паутина", Интернет — уже не сфера, отделенная от человека, а теснейшее слияние массы людей и машин. Биологическое тело может за-

меняться механическим телом, чья функциональность безупречна. Причем тело понимается как "органон" [в смысле Аристотеля], то есть как функциональный инструмент, а не как органическое и естественное целое¹⁴.

Сеть обрастает кодексами, конституциями, законами, как в реальном государстве. Под ее напором начал отступать и старый толпный менеджмент. WEB-2 и "Руководящие принципы свободного программного обеспечения" Debian, которые стали определением "открытых исходников" (Open Source Definition), потеснили секреты WEB-1. Согласно руководящим принципам, изложенным в OSD, лицензия на программу с открытым исходным кодом должна закреплять не ограниченное никакими условиями право любой ее стороны изменять (и распространять измененные версии) программы с открытыми исходниками. Фактически (и в противоречии соглашения о том, что "все могут копаться во всем"), сообщество разработчиков программ с открытым исходным кодом имеет законченный, но в значительной степени несформулированный явно набор норм, регулирующих принципиально новые отношения собственности. Другие принципы в этом пространстве имеют деятели культуры. Некоторые композиторы и исполнители, в том числе, эстрадные, вновь, как в эпохи, предшествующие классике и романтизму, дарят человечеству свое творчество. Они отказываются от авторских прав, к установлению которых имеет отношение государство, и, незаметно, от права называться автором в "государственном" смысле слова. Все эти пертурбации заставляют более внимательно посмотреть на публику искусства с социологической точки зрения.

Публика — эта та часть населения, которая ведет публичный образ жизни и собирается в публичном пространстве вокруг публичных ценностей. Может быть, это корявое выражение, но оно наиболее полно отражает предмет. В Древней Греции понятие "публика" было связано с определенным пространством и функциями собравшихся в этом пространстве людей. Термин "публичное пространство" было введено Х.Арендт (1905-1975) и относилось к собравшимся на агоре свободным грекам. Позже Ю.Хабермас (1929) развил и углубил эту идею, введя понятие "Oeffentlichkeit". Для Арендт в описании публики важны пространственные метафоры (такие как "пространство появления", "город и его стены") и непосредственный визуальный контакт собравшихся. Хабермас уже предпочитает описывать ее как виртуальную общность, идентичность которой складывается с ростом печатных изданий и образована общностью тех, кто читает, пишет и интерпретирует прочитанное. Е.Г.Трубина отмечала, что если Арендт в условиях модерности констатирует упадок публичной сферы, то Хабермас напротив подчеркивает возникновение в ходе Просвещения новой формы публичности — публики частных индивидов, вместе обсуждающих общественные проблемы, опираясь на печатный текст, в котором содержится мнение автора¹⁵.

Публичная сфера, в глазах Хабермаса, с самого начала была жестко связана с "просвещенной публикой", порожденной Просвещением. Он подчеркивал, что, хотя в идее публичная сфера считалась общедоступной, на деле для участия в рациональной дискуссии требовалась культурная компетентность, которую обеспечивал только высокий образовательный и имущественный ценз. Правда, похоже, что публичная сфера "выросла" из средневековых монашеских объединений — нищенствующих орденов (одним из последних в 1978 году был пересмотрен Устав "Третьего ордена мирян св. Франциска"¹⁶), иезу-

¹² Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление. Вопросы философии № 7, 2008. С. 71.

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха...Цит.изд. С.152.

¹⁴ Впрочем, против такого понимания телесности естественно восстают женщины. Особенно отчетливо это наблюдается в случае так называемого киберфеминизма, в основе которого лежит такое понимание технического прогресса, которое не игнорирует тело, а полагает его основой человеческого существования.

¹⁵ Трубина Е.Г. Что такое публика? <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/p/publika.html>

¹⁶ Интересно, что одним из трех жизненных принципов Третьего ордена была радость. В Уставных документах написано: "Для Терциариев есть большое удовольствие проводить время с весельем и смехом. Они легко и с готовностью сходятся с людьми, неся радость в жизнь других. Такая радость является божественным даром." <http://francis.ru/phpBB2/viewtopic.php?p=38911>

итов, позже — масонов и почти одновременно с ними светских салонов, филармоний и кружков. Эти объединения влияли на часть системы образования и, что важно, на культуру, в том числе, на филармоническое исполнительство¹⁷. Но неомарксизм был прав в дальнейшем: в середине XIX века "просвещенная публика" уступила роль выразителя общественного мнения политическим партиям и другим "большим организациям". Это привело к вытеснению рационального критического дискурса разного рода манипулятивными технологиями, осуществляемыми для того, чтобы добиться формального согласия масс с решениями, принятыми на уровне государства и больших корпораций¹⁸. Во всех развитых странах оформилось партийное движение, появилось по нескольку партий, часть из которых существует по настоящее время.

Что в этот период происходит в музыкальной культуре? Первые регулярные публичные концерты и спектакли проходят под патронажем масонов. Со второй половины XVIII века идет процесс профессионализации массовых музыкальных профессий, прежде всего, — оркестровых и хоровых музыкантов. Они начинают готовиться в специальных учебных заведениях — консерваториях. Виртуозы, как и прежде, выпускаются штучно у выдающихся мастеров. Появляются агенты и агентства, которые ищут работу и для одних, и для вторых. Возникает ногопечатание. Подиум, где сидят артисты, становится разделительной зоной, между ними и слушателями¹⁹. По мере движения к концу XIX между артистами и слушателями складывается четкое разделение труда: слушатели слушают и восхищаются, артисты предлагают предмет для восхищения.

Профессиональные музыканты делятся на "партии", эти партии начинают враждовать между собой²⁰. Каждая из партий перетягивает на свою сторону часть журналистов. "Брамини" и "Вагнерианцы", сторонники "чистой музыки" и программной и т.д. — в каждой стране можно найти хоть какую-то пару партий, а иногда и несколько. И, как любая партия, она имеет идеологов, "центральный комитет", "инквизицию", одного-двух выдающихся деятелей, которые возглавляют борьбу за чистоту рядов, и т.п. То есть, с небольшими отклонениями все то, что мы имеем в политической жизни. Бывшая публика растерянно смотрела на все это, на какое-то время тоже распалась на враждующие между собой "публики", а они постепенно сошли со сцены и превратились просто в слушателей. Время *convivium* и *collegium musicum*, когда просвещенные любители отбирали репертуар и нанимали профессионалов, чтобы его вкусить, казалось, ушло в историю. Все решается за спинами слушателей. Их задача — просто платить деньги. Все по К.Марксу и неомарксистам.

Но в последнее время понятие публичной сферы начинает подвергаться переоценке. Причинами такого пересмотра являются, в первую очередь, широкое распространение новых коммуникативных технологий, с одной стороны, а с другой —

фрагментация самой публичной сферы, ее распадение на целый ряд "маленьких сфер"²¹. Интернет в силу своей "ризомной", т. е. нелинейной, неиерархической структуры, начинает возвращать колесо истории вспять и, одновременно, вперед. Сегодня можно видеть на примере Интернет, как возвращается в культуру и в новой форме идея агон. Как известно, агон не предполагал обсуждения, а зиждился на простом прямом голосовании — сколько камешков сложили за того или другого исполнителя, тот и победил. Сегодня каждый может спеть, сыграть, станцевать что-то, знакомое или незнакомое и разместить это на YouTube и других аналогичных серверах. И ждать оценки! Ни концертная организация, ни агент, ни правительство тут роли играть не могут. Есть только артист и его публика. Каждый может проголосовать за сочинение, за исполнение, и сразу становится видно, как публика себя ведет, приняла, или не приняла. Это та публика, которая начинает складываться в новой коммуникативной среде. Она голосует, высказывает свое мнение, подталкивает исполнителя к решению, оставить сцену, ехать или нет на гастроль и т.п.. Это эстетическое нечто, как и агон. Но не нужно забывать, что агон — был одним из важнейших факторов, скрепивших разрозненные, часто враждовавшие между собой племена Древней Греции в новое государство. Что-то нас ждет в будущем? Может быть, и так тоже растет гражданское общество?

Филармоническая музыка — в основном бессловесное искусство. Толпа случайных людей, также по определению бессловесная, только запертая по тем или иным причинам в одном пространстве, называемым "концертным залом", превращается в его специфических условиях в филармоническую аудиторию. Встречаясь с таким осколком толпы, оккупирующей зал, бессловесная музыка устанавливает свои нормы и законы, заставляет всех осваивать новый для всех "бессловесный язык". Наверняка меня спросят, откуда это видно? Вы же не проводили исследований? Но факт остается фактом — залы работают, заполняются и при нынешних условиях. Они находятся вместе — артисты и слушатели, замкнуты друг на друга, и сцена как бы позволяет вырывать часть из безгласной толпы и готовить из нее понимающую и готовую к обсуждению публику.

В этом смысле, все складывается по-иному, чем было: раньше человек осваивал язык музыки, учился играть на инструменте, понемногу осваивал зал и его нормы, а затем, уже человеком играющим, приходил на настоящий концерт. Сегодня в России простой прохожий, "человек толпы", став частью филармонической аудитории, движется в сторону внутреннего состояния, которое ему дает зал, делающего из него частичку публики. И он начинает накапливать фонотеку. Зал оказывается центральным звеном формирования современной публики. Но путь артиста в зал сегодня и первые шаги современной публики все чаще начинаются в паутине. Так мне кажется.

¹⁷ При орденах до сих пор действуют музыкальные и театральные школы, имеются филармонические концертные залы и театры. Фроссар А. Соль земли. О главных монашеских орденах. М., 1992. В России близкие функции имел императорский Царскосельский лицей, задуманный М.М. Сперанским и открытый в 1811 году. Лицей создавался для подготовки управленческой элиты государства и имел юридический и гуманитарный профили. Многие выпускники лицея оставили глубокий след в профессиональной художественной культуре России.

¹⁸ Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. - Cambridge: Polity, 1989.

¹⁹ Я специально здесь не упоминаю термин "публика".

²⁰ Не последнюю роль тут играют доходы и профессиональных музыкантов, и их менеджеров.

²¹ Синскопова Г.В. Нормативные основания публичной сферы и их критический анализ. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-12.pdf>

Художник и власть на сломе эпох. (Режиссер Марк Захаров и другие)

В статье продолжен анализ проблемы взаимоотношений художника и власти, начатый публикацией статьи: «Н. Акимов и Г. Товстоногов: взаимоотношения художника и власти» («Телескоп», 2011, №6).

Ключевые слова: художник и власть, стратегия выживания и тактика успеха, цена гражданской и художественной репутации.

Виталий Дмитриевский
доктор искусствоведения, профессор
главный научный сотрудник
Государственного института искусствознания (Москва)

1

В отечественном театре традиция украшать премьеры и юбилейные празднества присутствием первых лиц государства сложилась давно.

В декабре 1925 года в СССР широко отмечалось столетие декабристского восстания. Московский Художественный театр подготовил к случаю "Утро памяти декабристов" и пригласил Л.Д.Троцкого произнести вступительную речь. "Только Ваше участие, — подчеркивал К.С.Станиславский, — может дать тот пафос, который необходим для значительности, с которой театр хотел бы отметить этот исторический день... Театру было бы очень дорого видеть Вас в своей среде в этот день, он ещё раз просит не отказать ему в его просьбе и надеется на скорый и благоприятный ответ". (1). Вождь на спектакль пришел, от выступления уклонился, однако представление ему понравилось, он аплодировал артистам и написал благодарное письмо Станиславскому.

В российском театре подобные прецеденты случались в недавние и давние времена. Так 4 марта 1923 года зрителям Театра Вс.Мейерхольда сообщили: спектакль "Земля дыбом" посвящается присутствующему в зале народному военному комиссару Льву Давидовичу Троцкому. Публика вскочила со своих мест, зааплодировала, спела "Интернационал". "Троцкий, — вспоминает художник Ю.П.Анненков, — тоже выслушал все это стоя. Дальше, сквозь зрительный зал, проезжали на сцену настоящие броневики, мотоциклетки, грузовики, тоже вызывавшие аплодисменты и восклицания: "Слава Красной армии!", "Вперед, к пролетарской диктатуре!" и т.п. Троцкий неожиданно появился на сцене, и, среди очень картинно расступившихся актеров, произнес короткую, но уместную по ходу действия речь, посвященную пятилетию Красной армии. После бурной овации действие продолжало развиваться на сцене самым естественным образом и Троцкий снова вернулся в свою ложу" (2)

А столетием раньше, в 1834 году, император Николай I высочайше одобрил драматурга Нестора Кукольника за патриотическую трагедию "Рука Всевышнего Отечество спасла", живописавшего восшествие на престол Михаила Романова при содействии князя Дмитрия Пожарского и посадского человека, торговца нижегородских мясных рядов Кузьмы Минина, по прозвищу Сухорук, за что последний и был пожалован царем думным дворянством и землями в новгородском уезде. "Рука Всевышнего...", произведение, по общему признанию, весьма ходульное, но, безусловно, сильно патриотическое. Аплодировал на спектакле петербургского Александринского театра не только император со свитой. "В райке простой народ... так орал и бесновался, что всякую минуту можно было ожидать, что оттуда кто-нибудь вывалится", — весело вспоминала княгиня М.Ф.Каменская.(3).

Во МХАТе же "Утро..." пришлось открывать Станиславскому. Он связал "декабристскую" тему с двадцатой годовщиной Первой русской революции 1905 года и объяснил замысел представления желанием театра "вызвать на сцену, пускай бледные,

тени тех образов и тех людей, которые сто лет назад пожертвовали своей жизнью для нас, пришедших много лет спустя" (4). Театр хотел уловить "дней связующую нить", пробудить "нужную эмоцию" в массовом сознании, апеллируя к социальной и исторической памяти.

"Тени" героев-декабристов публику впечатлили, как и яркая фигура их палача Николая I в исполнении В.И.Качалова: талантливый артист выступил в драматизированных фрагментах романа Д.С.Мережковского "14 декабря". Успех "Утра..." и высокая оценка Троцкого побудили Станиславского особо благодарить режиссера Н.Н.Литовцеву и В.И.Качалова "за большую и прекрасную работу, которая даст театру верную, хорошую, благородную ноту. Это очень важно". (5).

История обычно сохраняет в анналах основоположников — родоначальников, зачинателей, первооткрывателей, отмеченных высокими постами, званиями, наградами. История меньше заботится о преемниках, последователях и нередко почти забывает о замыкающих, а ведь они замечательны уже тем, что завершают собой ряд — плеяду, этап, цикл, эпоху — и тем самым ставят финальную историческую веху.

Ордена, звания, регалии и ритуалы, — политико-пропагандистский инструментарий управления исторически опробован общественным сознанием. Высоким авторитетом художников, ученых, мыслителей — освящались разного рода властные акции манипулирования сознанием масс. Использовать в качестве мощного агитационно-идеологического прикрытия популярность, харизму художника, восторженное доверие к нему публики в политических целях — давняя традиция. Но "Божий дар", талант, профессиональное мастерство, мировоззрение, творческая индивидуальность признавались властью, но особо ценились личная преданность и беззаветность служения. Вот посмотрите, дорогие товарищи, какие замечательные художники единодушно одобряют мудрую политику правительства, партии и ее ленинского ЦК. Ведь это наши с вами любимцы, певцы, актеры, драматурги, живописцы, писатели, поэты, композиторы, творцы монументальных полотен и пейзажей, песен, спектаклей, фильмов!

Однако, как мы знаем, в повседневной жизни взаимоотношения Художника и Власти складывались отнюдь не идиллично. Вдруг выяснялось — кто-то получил регалии не по заслугам, кто-то не оправдал доверия. Приходилось отменять указы, отбирать награждения, принимать постановления "Об исправлении ошибок..." и т.д. Потому даже самые высокие правительственные регалии не обеспечивали художнику независимости и покоя. Г.Товстоногов имел едва ли не все возможные звания и награды, к сорока годам — лауреат двух Сталинских и одной Ленинской премии, в сорок два — Народный артист Советского Союза, потом лауреат четырех Госпремий, кавалер трех Орденов Ленина (остальные без счета), Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета СССР и т.д., и т.п. Но "бронзы многопудые"

не спасало его от запрета "Римской комедии", от зубодробительной критики "Торя от ума", "Трех мешков сорной пшеницы", "Цены".

Были в стране режиссеры, которые, как и Товстоногов, руководили своими театрами десятилетиями — М.Царев, М.Кедров, Н.Акимов, Л.Вивьен, В.Плущек, Р.Симонов, Ю.Завадский, М.Захаров, О.Ефремов... Но вот А.Эфрос за тридцать лет сменил — не по своей воле — четыре труппы. В 1954-63 годах в Центральном Детском театре Эфрос воспитал учеников-студийцев, с ними перемещался по Москве — из ЦДТ в Театр имени Ленинского Комсомола, затем — в Театр на Малой Бронной, а потом с поредившим отрядом приверженцев — в Театр на Таганке.

В Детском театре и в Московском Ленкоме Эфрос ставил пьесы о подростках и юношестве, увиденных внимательными глазами В. Розова, А. Хмелика, Н. Долининой, Э. Радзинского, А. Арбузова. Его спектакли разрушали замшелую эстетику старого театра. Апелляция к молодежному сознанию всегда находила живой отклик зала. "104 страницы про любовь" Э.Радзинского после эфросовской постановки утвердилась на сценах множества театров и была экранизирована. В "Снимается кино" того же Радзинского Эфрос коснулся опасной темы отношений художника и публики, художника и власти, художника и времени. Он обострил эту тему в спектакле "Мольер" по М.Булгакову, приблизил её к современности, показал жизнь незаурядного художника, обреченного на компромисс и невозможность творческого самовыражения. Зал горячо принимал спектакли Эфроса, их проблематика "ложилась" на узнаваемые реалии социальной и художественной жизни. Мольер в спектакле Эфроса униженно пытался сохранить театр, отстоять своего "Тартюфа" и погибал в поединке с королем Людовиком, а в это же время в столицах и в провинции партгосчиновники запрещали спектакли, кинофильмы, закрывали художественные вернисажи.

После "Мольера" Эфрос изгнан из Театра им. Ленинского комсомола в Драматический театр на Малой Бронной. Вместе с ним в театр приходит не только часть возвращенных им актеров, но и представительный контингент зрителей, они рекрутируют в свои ряды новых единомышленников и создают неповторимую ауру восприятия спектаклям Эфроса, они знают "язык Эфроса", считывают метафоры, знаки, смыслы, интонационную лексику. О чеховских "Трех сестрах" в интерпретации Эфроса писал критик А.Смелянский: "Это был спектакль о прекрасных женщинах, которым не суждено было взлететь, не суждено любить и быть любимыми. Мужчины этого спектакля... были способны только на то, чтобы жаловаться на жизнь, беспрерывно говорить и философствовать о том, что будет через 200 лет... И это был еще конец идеологии оптимизма, которая преследовала Чехова на советской сцене. Мечты по лучшей жизни в том спектакле не было. В нем была правда прожитого и тоска предчувствий".(6). Но главное, пожалуй, в другом — в спектакле звучала **трагедия настоящего**. Разгромные отзывы в печати не заставили себя ждать, режиссера обвинили в злонамеренном извращении русской классики: спектакль запретили. Однако публика ждала новых премьер Эфроса, тема интеллигенции, тема человека и власти в разных вариантах пронзительно звучала в "Трех сестрах", в "Ромео и Джульетте", в "Отелло", в "На дне" и "Вишневом саде" на Таганке, в спектаклях о современности — "Человеке со стороны", "Платоне Кречете", "Директоре театра" и др.

Атмосферу артельного братства литераторов, критиков, музыкантов, художников, объединенных общим поколенческим видением "картины мира" создавал в московском "Современнике" О.Ефремов. Вскоре кто-то добровольно или вынужденно уедет за рубеж, в родном отечестве судьбы многих "шестидесятников" складывалась подчас причудливо. Но общественная и художественная значимость "Современника" выхо-

дила далеко за пределы его профессионального окружения, она крепилась публикой, которая чутко воспринимала исповедническую страсть "Современника" к постижению истины в человеческих отношениях, неразрывную от жизни страны, как личную радость и боль. Выдвинув концептуальные понятия правды, сценической простоты, естественности, Ефремов защищал человека от мещанского лицемерия и лжи, от государственного и политического произвола — в бытовой драме "Вечно живые" В.Розова, в фантазмагорическом сюжете "Назначения" А.Володина, в лукавой интерпретации "Толого короля" Г.Х.Андерсена-Е.Шварца, в озорном фарсе В.Аксенова "Всегда в продаже". И жизненная "психологическая плотность", и игровая стихия спектаклей принималась зрителем как близкие ему формы нравственного и художественного существования.

В 1967 году, к 50-летию Октября "Современник" платил власти своеобразную дань, поставив историко-революционную трилогию — "Декабристы", "Народовольцы", "Большевики". "Мы хотим исследовать нравственный облик людей, совершавших революцию, показать, что борьбу за будущее своего народа вели лучшие люди России, честные, бескорыстные люди высокого долга! — декларировал О. Ефремов. — Мы хотим проследить рождение замечательной традиции у русской интеллигенции, из поколения в поколение передающей эстафету борьбы за счастье своего народа. Все три пьесы документальны. Это сделано для того, чтобы через документы приблизить время событий, дать почувствовать его зрителю, как говорится, на ощупь". (7).

"Большевики" М.Шатрова имели подзаголовок "Тридцатое августа". В этот день 1918 года совершено покушение на Ленина. Члены правительства — интеллигенты и это обстоятельство автор и театр подчеркнули особо. Инструмент их деятельности — мысль. Незаурядность, духовная значимость и масштабность сценических характеров Луначарского, Свердлова, Енукидзе, Цюрупы несли в зал пропагандистский миф о рождении нового гармоничного и высокоорганизованного справедливого общества. Будущее страны определяют гуманные интеллектуальные духовные ценности. Но трилогия "Современника" не разрешала важнейшего социального и художественного противоречия, в конечном счете, она трактовала террор как эффективный инструмент "справедливого" переустройства общества.

Труппа "Современника" жила по своим внутренним законам личного и творческого общения. Здесь не боялись откровенных рискованных суждений и высказываний, но театру запретили ставить А.Галича, А.Солженицына, Е.Шварца, сняли "Случай в Виши" А.Миллера, отменили уже намеченную встречу труппы с автором пьесы. В 1959 году возникает иезуитский проект — отправить театр подальше от Москвы в Красноярский край — "с целью творческого укрепления Ачинского драматического театра". Опасность удалось преодолеть, но для оздоровления атмосферы в коллективе директором театра назначили жесткого министерского чиновника.

В 1970 году изначальная идея "Современника" показалась Ефремову исчерпанной. Уходя во МХАТ, он поставил "прощальный спектакль" — "Чайку", в котором отразил настроения творческой интеллигенции тех лет, показал нарастающий духовный разброд, крах иллюзий шестидесятничества — пламенное исповедничество обернулось праздно болтовней, дерзкие призывы к поступку, к действию — всего лишь шумной декларацией. В 1985 году Ефремов вернулся к интерпретации "Чайки" на мхатовской сцене, он стремился обозначить тему обновления жизни ради высокой созидательной цели и это ему удалось. В преддверии грядущего социального слома новая версия "Чайки" была с пониманием воспринята публикой. После спектакля Ефремову позвонил М.С.Горбачев, выразил намерение встретиться, поговорить "о главном": "Надо нам наш маховик раскручивать". А.Смелянский оказался свидетелем телефонного диалога: "Ефремов, казалось, общался в своем обычном стиле, не подлаживаясь к собеседнику. Положил трубку и вдруг

вытер капельки пота со лба. Заметил мое удивление и с виноватой улыбкой пояснил вполне по-чеховски: "Знаешь, трудно выдавливать из себя раба". (8).

Когда в середине шестидесятых "Современник" "остепенился", обрел статус государственного театра, в Москве на базе курса Вахтанговского училища Ю.Любимова возник Театр на Таганке. С "Добрый человек из Сезуана" Б.Брехта на сцену пришло поколение молодых художников и зрителей с социокультурным опытом прожитых 50-х — начала 60-х годов. Театр осваивал свой неповторимый сценический язык, искал черты героя времени в постижении природы новых отношений художника со временем, с властью.

Любимов демонстративно отринул рутинные каноны психологического театра, он вышел на прямое общение с залом, с уличной толпой, ищущей игровых ситуаций, острых зрелищных впечатлений. Эйфория поэтических концертов, бравада бардовских стихийных тусовок 60-х годов определяли лицо нового театра, его эстетику. Актеры вместе с авторами спектакля — литераторами, музыкантами, художниками — создавали интонационно-мелодическую и пластическую основу представления, писали музыку и тексты, зрелище рождалось в ходе студийной коллективной импровизации. Связь между поэтическими выступлениями на стадионах, на площадях Маяковского и Пушкина, вечерами в Политехническом музее четко просматривалась в спектаклях "Антимиры" по А.Вознесенскому, "Живые и павшие" по стихам молодых военных поэтов, "Послушайте!", где образ Маяковского "расслаивался" на пять ипостасей. Красноречив фрагмент официального акта приемки спектакля комиссией Управления культуры: "Театр сделал все, чтобы создать впечатление, что гонение на Маяковского сознательно организовано и направлено органами, представителями и деятелями Советской власти, официальными работниками государственного аппарата, партийной прессой... Выбор отрывков и цитат чрезвычайно тенденциозен... Ленинский текст издевательски произносится из окошка, на котором, как на уборной, написано "М". В спектакле Маяковского играют одновременно пять актеров. Но это не спасает положения: поэт предстает перед зрителями обозленным и затравленным бойцом-одиночкой. Он одинок в советском обществе. У него нет ни друзей, ни защитников. У него нет выхода. И, в конце концов, как логический вывод — самоубийство. В целом спектакль оставляет какое-то подавленное, гнетущее впечатление. И покидая зал театра, невольно уносится мысль: "Какого прекрасного человека затравили! Но кто?.. Создается впечатление, что Советская власть повинна в трагедии Маяковского". (9).

Отношения художника и власти обрели на Таганке свое прочтение в булгаковских "Мастере и Маргарите", в гоголевской "Ревизской сказке". Из исторического и литературно-драматургического материала Любимов отбирал доминирующие нравственные, социально-психологические черты персонажей, определявшие современные черты массового сознания, мироощущения, ценностные личностные ориентиры. В инсценировке поэмы С.Есенина "Пугачев" сценическая конструкция обнаженно-символична — крутой дощатый помост, железная цепь, деревянная плаха с вонзенными в нее топорами, тяжелые набатные колокола, виселица. По уходящему вглубь сцены грубому дощатому помосту с грохотом катятся буйные головы казненных, железная цепь врезается в обнаженные тела бунтовщиков, набатный колокол оповещает о народном горе — каждый символ предметен, функционален. Эстетика уличного балагана утверждалась гротесковыми скомошьими масками интермедий, разыгрываемых при дворе императрицы Екатерины Великой. Метафора "Художник и Власть" укрупнялась нарастающей стихией взрыва народного

бунта, мощью трагических страстей завершающих спектакль монологов.

В сценических решениях Любимова огромную смыслообразующую роль играло оформление художника Д.Боровского. Критик А.Гершкович описывал финал запрещенного к показу спектакля "Борис Годунов": "В финале, после убийства детей Бориса, смешанный хор медленно выступал на зрительный зал и замирал в ужасе перед самой кромкой помоста. Немая сцена. На зрителя в упор глядят расширенные остекленевшие глаза. Полураскрытые рты, застывшие в немом крике лица-маски. В этот момент из бокового прохода зала появляется Годунов. Теперь Губенко (исполнитель роли Годунова — В.Д.) одет в свой обычный московский костюм. Ничем не отличаясь от сидящих в зале, он не спеша, поднимается на сцену и обращается к зрителям почти без укора, без особой надежды услышать ответ:

--Что же вы молчите? Кричите: да здравствует...

Народ в зале безмолвствовал.

В растерянности молчал на сцене и хор. Но через мгновение, подчиняясь ритму драмы, прерывал молчание и запевал "Вечную память" по всем невинно убиенным". (10).

Ю. Любимов выстраивал Таганку как театр политический, он умело создавал вокруг него общественное мнение, а параллельно выходил на прямые диалоги с высшими руководителями страны. В противостояние театра и власти Любимов включал и зрителей, использовал их энергетику как своеобразный защитный заслон. Встречи труппы с публикой и обсуждения спектаклей Любимов режиссировал и обставлял как полемический митинг. На обсуждении "Бориса Годунова" 25 апреля 1982 года к микрофону выходили видные искусствоведы, композиторы, историки, социологи, публицисты, коллегии-режиссеры, литераторы... Закрывал обсуждение Ю.Любимов на кульминационной и даже угрожающей ноте: "Наступает рубеж, и начальники понимают, что будет жестокая схватка ряда крупных художников, живущих в этом государстве, с такими дурными начальниками. Эти дурные начальники, не уважающие культуру своего народа, граждан своего народа. Один из начальников, когда уходил, сказал мне на прощание, что он не может выносить этого. Зря вы, товарищи начальники, ушли, надо уметь слушать. Почему же мы десятилетиями отважно слушаем поучения, да еще такие, что диву даешься и стыдно слушать". (11).

Влияние спектаклей Театра на Таганке "резонировало" далеко за пределы Таганки и даже Москвы, оно распространялось на широкие слои населения, проникая вглубь массового сознания, формировало взгляды молодежи, увлекало художественную и научную элиту самого высокого уровня. Это крепило и положение самого театра. Театр создавал общественное мнение, рекрутируя толпы поклонников в сознательных единомышленников. Социальное настроение, порожденное театром, активизировало публику и в Москве, и на гастролях в СССР, и за рубежом. Молодежь, интеллигенция, художественная и научная элита, которая в силу своего авторитетного положения крепила гражданскую репутацию театра в обществе, пытались защитить его от произвола властей.

Уже находясь в Англии, Любимов заявил представителям прессы: правительственные чиновники невежественны, они вредят не только театру, но и всему культурному престижу страны. А спустя четыре месяца в другом интервью режиссер по сути дела поставил советским властям ультиматум: "Я должен подождать, пока мне не будут предоставлены условия, при которых я могу работать. Там есть министр культуры Демичев. Я жду того, что он получит отставку, а он ждет того, что я умру; но что ж, посмотрим". (12).

22 декабря 1986 года Любимов из Вашингтона отправил в Кремль телеграмму: "Уважаемый Михаил Сергеевич! Благодарю Вас за любезность и внимание к просьбе моих учеников, артистов, друзей, поклонников театра о моем возвращении на ро-

дину в мой родной дом — Театр на Таганке. Я был бы рад, если это послужит началом разговора с эмиграцией. Я верю в серьезные намерения Вашего правительства по устранению несправедливостей прошлого правления. С уважением, Юрий Любимов". (13). В 1987 году Ю.П. Любимов вернулся в Москву.

М. Захаров обратил на себя внимание театральной общественности в начале 1960-х годов спектаклями Студенческого театра Московского Университета "Карьера Артура Уи" Б.Брехта (поставлен при участии С.Юткевича) и "Дракон" Е.Шварца. Выбор пьес примечателен — на "Драконе", как и "Голого короля" Е.Шварца был наложен запрет еще в 1940-х годах. И теперь выпуск "Драконе" проходил трудно. Разрешение дали лишь благодаря хлопотам мэтра кинематографа С.Юткевича, поддержке режиссеров О.Ефремова, В.Плучека, писателя и общественного деятеля Н.Хикмета.

Захаров настойчиво и последовательно развивал свою репертуарную линию. Он поставил острую "новомировскую" повесть В.Войновича "Хочу быть честным!". Режиссер вывел на сцену дерзкого рабочего-строителя, решившего существовать вопреки служебным директивам, по собственным нравственным законам. (Заметим: призыв Солженицына "Жить не по лжи!" громко прозвучит спустя восемь лет). После постановки в Студенческом театре к инсценировке повести Войновича обратились 157 театров страны.

"Доходное место" А.Островского Захаров поставил весной 1968 года в Театре Сатиры — это "Хочу быть честным" уже на излете "оттепели", в разгар "пражских событий", когда обреченность наметившихся "шестидесятилетних" надежд становится очевидной. Захаров позволил себе "грубо осовременить" и "исказить" русскую классику — уже после того, как официальная критика за те же "нездоровые тенденции" "строго поправила" А.Эфроса, П.Фоменко, Г.Товстоногова. Одним из ключевых эпизодов стал диалог Вышневецкого (Г.Менглет) и Жадова (А.Мионов). В ответ на пылкий призыв к независимому общественному мнению, Жадов получал насмешливую отповедь исполненного житейской мудрости старого чиновника: "У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может в том смысле, в котором ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя как следует..".

Жадов метался по сцене и обращался к публике с выдвинутой в зал "площадки совести" с пламенным признанием. "Я не герой, я обыкновенный слабый человек. У меня мало веры, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, чтобы воскресить меня... Я могу поколебаться, но преступления не сделаю, я могу споткнуться, но не упасть".

На этой последней фразе спектакля возникала грустная и в то же время светлая мелодия; Мионов печально и вместе с тем просветленно улыбался... Это была эмоционально кульминационная завершающая точка спектакля. Жадов сознавал свое поражение, вынужденность "жить как все", но готовность "быть честным" его не покидала. Монолог звучал программно и даже пронзительно. Публика рукоплескала. Крах и размежевание начавшейся было формироваться в современном обществе духовной оппозиции четко просматривались в спектакле Захарова: в обнажившемся конфликте "отцов и детей" обеспокоенная власть почувствовала угрозу своей идеологической монополии. Спектакль запретили.

Реабилитацию у власти Захарову принес "Разгром" по повести А.Фадеева, поставленный в 1971 году в Театре им. Вл. Маяковского при покровительстве его художественного руководителя А.Гончарова. Захаров отказался от помпезности, привычной в историко-революционных сценических полотнах, увлек зрителя яркостью театрально-поэтических символов и

метафорических знаковых обозначений. Вышедшие из тьмы таяжных глубин партизаны — в звериных шкурах, надвинутых на лоб меховых шапках, с пиками, олицетворяли стихийную полудикую силу, её подчинял своей железной воле коммунист Левинсон — А. Джигарханян.

На волне художественного и идеологического успеха Захарову доверили Театр им. Ленинского Комсомола. Теперь он стал сам формировать труппу и выращивать своих "звезд". Представление "Тиль" по пьесе Г.Горина, написанной по мотивам "Легенды об Уленшпигеле" Шде Костера, стало программным спектаклем. Эстрадно-балаганное зрелище крепилось атрибутикой современного шоу-обозрения, куплетами Ю. Кима и рок-музыкой Г. Гладкова. Тиль в исполнении Н.Караченцова напоминал молодому зрителю, впитавшему клишированные стандарты поверхностного дискотечного мышления, о смысле и значимости идей и настроений "шестидесятичества". В Фламандском королевстве возбраняется читать, хранить и распространять книги мудрецов, здесь господствует правовой произвол, а награда положена доносчикам, здесь в палачи и стукачи идут по вдохновению, грустно оправдываясь — "время такое — инквизиция, костры, плахи, где тут талантливому человеку развернуться?" Тиль-Н.Караченцов бросал вызов власти и ослепленной толпе, увлекал публику темпераментом веры в справедливость, преданностью чести, достоинству, ответственности за судьбы близких людей.

В историческом репертуаре "перестроечной" поры пьесы М.Шатрова о Ленине занимали особое место. В "Синих конях на красной траве" Шатров позиционировал себя строгим и дошным историком-фактографом. Но, как известно, документ, факт, исторический персонаж в умелых руках интерпретатора — не более, чем яркая марионетка, искусно управляемая скрытым за ширмой виртуозом-кукловодом. Шатров создавал театральную мифологию о Ленине в русле антисталинской направленности, опровергал пропагандистскую риторику предшествующих десятилетий, наполняя документальную схему актуальным пропагандистским смыслом.

В "Диктатуре совести" М. Захаров и М. Шатров выстраивали на сцене наглядную "связь времен". Они обращались к "совести шестидесятника", некогда боевому заводе Студенческого театра, а ныне редактору газеты Баташову: "Это шанс вашего и нашего поколения... может, больше никогда такого удачного стечения обстоятельств не будет — мир на дворе и мы можем вести драку, чтобы вернуть словам их первоначальный смысл и ценность". Но "потускневший шестидесятник" замешкался, как, впрочем, и сидевший в зале зритель. Рушились стены, обваливался потолок, эффектно крошилась люстра и на развалинах бутафорского "социалистического благополучия" ярко высвечивалось выдвинутое в зал игровое пространство — "площадка совести" — своего рода режиссерская реминисценция, если вспомнить запрещенное в 1968 году "Доходное место". На "площадку" "вызывались" герои "Бесов" Ф.Достоевского, известные исторические персонажи и рядовые "простые люди", выхваченные из потока современной жизни — злодей Верховенский, пламенный коммунист Андре Марти, мрачный шофер с соседней московской улицы — сторонник "сталинской сильной, властной руки" и др. Их социальная и нравственная сущность обнажалась в импровизированном выплеснутом в зал перекрестном диалоге.

В зале присутствовал приглашенный Захаровым Б.Ельцин. Ведущий спектакль Олег Янковский, поддержанный возбужденной публикой, пригласил его выйти на сцену, но Ельцин ограничился короткими репликами "с места". Впрочем, к интерактивному общению аудитория в ту пору подготовлена не была, зрители на задаваемые вопросы реагировали робко, испуганно, да и сам театр еще социально творчески не созрел до свободной импровизационной беседы. "Игроки театра", превеличленно-возбужденно пикируясь между собой, "дотягивали" спектакль уже на своей сценической территории.

Пьесы М.Шатрова стали доминантой "политическо-демагогического" театра 1980-х годов, они же стали и его финалом. Митинговая стихия бурлила у стен Кремлевского Дворца Съездов, на телеэкранах, на городских улицах и площадях. Пора сценического карнавала завершилась, театральные игры с властями и историческими масками публику мало интересовали.

Каждая сторона предлагает свой социальный идеал и настаивает на его приоритете. Художнику дорога "презумпция нравственности" в конкретном и в широком смысле, в конечном счете, он сам ставит себя перед выбором — мораль, истина, свобода эстетического и гражданского высказывания, безупречная творческая репутация или "половинчатость", благоразумный расчетливый компромисс, или открытая сервильная прагматическая целесообразность.

На определенном этапе "художники-шестидесятники" обрели огромную социальную и эстетическую энергетику и государство вынуждено было с ними считаться, хотя и стремились внести раскол в их ряды. Солидарность либеральной интеллигенции, готовность овладевать широкой информацией, реально помогать несогласным, правозащитникам отозвались широким общественным резонансом. Призыв А.Солженицына "Не лгать! Не участвовать во лжи! Не поддерживать ложь" оказался воспринят разными слоями населения. Солженицын призывал помочь новому поколению: "Жаль молодежь? Но и чье же будущее, как не их? Из кого ж мы и ждем жертвенную элиту? Для кого ж мы и томимся этим будущим? Мы-то стары. Если они сами себе не построят честного общества, то и не увидят его никогда". (13).

Так случилось, что последним властным жестом Президента Советского Союза М.Горбачева стал указ о присвоении званний народных артистов А.Пугачевой и О.Янковскому.

В 1996 году, уже через пять лет после этого знаменательного события О.Янковский в интервью "Известиям" вспоминал: "В тот момент я находился в Париже, вернулся домой с репетиции, а на столе стоит мой любимый напиток — виски и супруга говорит: "Давай отметим!" — "Что отметим?" "Только что позвонили из Москвы, тебе присуждено звание народного артиста СССР". — "Какой Советский Союз? Давай отказываться... Так что я должен быть в книге рекордов Гиннеса. Станиславский — первый, я — последний..."

Диалог происходил в предвыборные дни, в марте 1996 года. Корреспондент не мог удержаться от "политического" вопроса:

— Как вы воспринимаете возможный возврат коммунистов?

— Интеллигенция поддерживает здравомыслие. Хотя я понимаю, что коммунисты не те, что были в прошлые годы, но все равно страшновато. Ситуация абсолютно непредсказуемая.

— Вы в своей политической позиции равняетесь на Марка Захарова? (Корреспондент имел в виду экстравагантное сожжение Захаровым в пепельнице своего партийного билета перед изумленной телеаудиторией. — В.Д.).

— Я не занимаюсь политикой. Мне предлагали быть вторым, третьим человеком в одной, в другой, в третьей партии, что-то там пропагандировать. Я — нигде. Занимаюсь своей профессией — думаю, что это и есть для меня самая главная политика". (14).

Понятия "власти", как и представления о ее вертикальной иерархии и горизонтальной взаимозависимости, становятся весьма многозначными, дифференцированными. Художник неизбежно сталкивается с режимом государства, идеологии, общества, экономики, разных уровней администрации, с амбициями авторитетов, наконец, с наследием устойчивых традиций и предрассудков — как творческих, так и житейских и пр.

И зависимость от этих проявлений власти может быть многоступенчатой и трудноразличимой в разных условиях и на разных социально-психологических, административно-экономических, профессиональных уровнях. Нередко центральная ведомственная власть бывает мягче, чем власть местная, региональная. Функционер "при власти", как правило, старается заслониться щитом "государственной необходимости", "интересами общего дела, народа, общества, страны" и не склонен "открывать лицо", "персонифицироваться" в глазах художника или общественности. Художник же, наоборот, предпочитает искать контактов с властью через личный контакт с ее уполномоченным представителем. И здесь возрастает роль и значимость личности, индивидуальности, присущих ей нравственных качеств, моральных устоев и принципов, категорий гражданского и профессионального достоинства, наконец, харизмы, как самого художника, так и контактирующей с ним властной персоны. В таком диалоге обнажаются этические качества конкретных участников диалога — для кого-то личностное, гражданское достоинство оборачивается всего лишь отжившим предрассудком, которым можно легко пожертвовать во имя неких общих "высших" интересов государственной, общественной, корпоративной или иной целесообразности, а для кого-то это — высшая цель, стимул творческой деятельности, духовного самовыражения, профессионального призвания, смысл бытия.

Здесь видится важный узел проблем, который определяет конкретно-историческую, социально-психологическую обстановку, корректирующую параметры личной и общественной морали, культуры, повседневного бытия и пр. Взаимозависимость, "баланс интересов" для художника крайне важны, но не менее важно существование в гармонии с самим собой, со своим кодексом чести, со своей "картиной мира". Конфликт "художник и власть", "художник и рынок", "художник и публика", "художник и творческое сообщество" разрешается не столько во внешней ситуации, сколько — и может быть, прежде всего — в сознании самого художника...

2

...Сотрудничество художника и власти имеет последствия для обеих сторон. Ангажируя художника, власть, по сути дела, его растлевала, но и художникам подчас удавалось "раздвинуть щель" в заборе идеологического монополизма, растлить сознание номенклатурных чиновников, "перевербовать" их в свой лагерь. Властным персонам льстит "общение с небожителями", близость к "миру искусства", возможность оказаться в нем "своим", "добрым советчиком", "мудрым экспертом", "тонким ценителем" и даже соучастником художественного процесса, превратиться из функционера-запретителя в друга-покровителя. Но и художникам близость к власти бывает не чужда — просыпается надежда на высочайшее покровительство. Прекрасный тезис "жить не по лжи" в реальных условиях часто оказывался неконструктивен и на скользкой тропе **разумного** компромисса — ради достижения высокой художественной цели — приходилось "поступаться принципами". В искусстве демагогической эквилибристики важно было устоять на почве реальности, не потерять репутации — творческой и гражданской. Любимов отвечал на нападки власти стремительной неотразимой напористостью и хваткой, Товстоногов заставлялся высочайшим мастерством созданной им труппы и в то же время весомостью регулярных "датных спектаклей", Ефремов обезоруживал прямоотой, непримиримостью, открытостью, лукавым обаянием, блоками "революционных полотен" и острой публицистикой "производственных" драм. А.Эфросу и П.Фоменко демагогия чужда и оскорбительна, они уходили "в оборону" и часто проигрывали силовому напору, М.Захаров с игривой невозмутимостью отважно входил в репутационную "зону риска". Но что безусловно — благодаря умелой, ловкой и

даже талантливой демагогической тактике театральным лидерам подчас удавалось поставить и обнародовать свои сценические шедевры, позиционируя их как свидетельства лояльности государственной идеологии и ее высоких ценностных ориентиров. Так художники отвечали власти на предложение партнерства, "по умолчанию", понимая его неравенство, делая вид, что верят в возможность "истину царям с улыбкой (а иногда и без нее) говорить". Власти также "по умолчанию" делали вид, что такое сотрудничество возможно и даже плодотворно.

И, тем не менее, вне зависимости от произносимых деклараций, для каждого художника — как мне представляется — оставалось трезвое понимание жесткой реальности: моральная проблема неразрешима вне рамок проблемы социальной. Личная ответственность человека — художника, ученого, общественного деятеля, идеолога — даже за коллективный подвиг или за коллективное преступление остается — за ним, она "персональна" и не может списываться "отдельными недостатками", "просчетами системы" — человек при всех обстоятельствах остается хозяином своей судьбы — личной, профессиональной, художнической. "Наружу выходит столько истины, сколько мы выводим, — рассуждал Галилей — В.Высоцкий в спектакле Ю.Любимова "Жизнь Галилея". — Я предал свое призвание и человека, который совершает то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей науки".

Для Эфроса бремя руководства Театром имени Ленинского Комсомола обернулось административной ссылкой в Театр на Малой Бронной — тема "человек и общество", "художник и власть" обнаружила свою явную неуместность в репертуаре труппы, ведомственно подчиненной ЦК комсомола. Захаров, придя в "Ленком", занял лукавую позицию: вывеску молодежного театра обернул в свою пользу, предложив идеологическому аппарату ЦК ВЛКСМ себя в качестве надежного защитника советской молодежной культуры, способной перенаправить негативный агрессивный напор в русло развлекательной энергетики.

В когорте режиссеров-"шестидесятников" Марк Захаров занимает особое место не только потому, что он, будучи младшим среди них, сохранил в себе столь мощный жизненный и творческий ресурс. Главное, пожалуй, заключается в том, какую своеобразную и в чем-то неожиданную для современников парадигму развития — социальную и художественную — приобрел его режиссерский талант в переломных условиях развития нашего общества. И на этом обстоятельстве следует, на наш взгляд, остановиться особо.

В пору "горбачевской перестройки" Захаров завоевал прочную репутацию легитимного художника-политика, генератора радикальных идей реформирования не только театрального дела, но и всего советского общества. Захаров — в центре идеологической и политической жизни страны. После статьи в "Огоньке" и сенсационных телевизионных выступлений с требованиями вынести из Мавзолея тело Ленина и защитить кремлевские соборы и захоронения немецких военнопленных от поругания и запустения, Горбачев по-приятельски откликнулся: "Ну и накидал ты нам вопросов!" (17).

На смелые инициативы режиссера незамедлительно отреагировал и Съезд народных депутатов СССР. Постоянный президиум съезда, возглавляемый Сажо Умалатовой, предложил лишить звания народных артистов СССР Марка Захарова и Михаила Ульянова — "за предательство интересов советского народа" и огульное охаивание истории Отечества советского периода". (18). Съезд решение не утвердил, а вскоре СССР рухнул и страна обрела истинное название — Россия.

Марк Захаров в "перестроечную" и "постперестроечную пору" на гребне событий. Он — секретарь Союза театральных деятелей России, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, народный депутат СССР, член комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию и воспитанию, член Высшего консультативного совета при Председателе Президиума Верховного Совета РСФСР, член Президентского кон-

сультативного совета, позднее — академик Академии Российского телевидения, академик Международной академии творчества, член Союза писателей Москвы и др. Когда к концу 1980-х митинговая стихия переместилась в Думу, на площади, на телеэкраны, Захаров снимает с афиши "Ленкома" политические спектакли — "Диктатура совести", "Синие кони на красной траве" М.Шатрова, "Оптимистическую трагедию" Вс.Вишневского, выносит из фойе монументальное многофигурное полотно, украшавшее интерьер многие годы — "Выступление В.И.Ленина на 3-м съезде РКСМ".

В середине 90-х М.Захаров осознает в себе масштаб идеолога и политического трибуна. Он ведет рубрики в газете "Известия" и на ТВ, в публицистических эссе он обличает нацизм, большевизм, интернациональный коммунизм, мечтает о проведении над КПСС нечто вроде Нюрнбергского процесса, требует захоронить Ленина на Волковом кладбище в Петербурге, поддерживает право народов на самоопределение, хотя и не распространяет его на Чечню (19), он выступает за ужесточение Уголовного кодекса во имя укрепления национального единства России. (20). Нравственных, идейных авторитетов Захаров находит в отечественной философии: И.Ильин, Н.Бердяев — его любимые цитируемые мыслители.

Суммируя высказывания и поступки М.Захарова можно прийти к выводу: лидер молодежного театра — сторонник прочной державности, замешанной на идее православия, народности, порядка, дисциплины, законности. На эту идею Захаров нацеливает и лидеров государства, как в своих публичных выступлениях, так и в ходе неформального общения с ними. Поддерживая на выборах 1996 года Б. Ельцина, М.Захаров пишет: "Вместе с президентом Ельциным народы России совершают сейчас отчаянный прыжок через пропасть, к которой привел нас коммунизм"; отвергнув Ельцина, общество рискует оказаться перед угрозой фашизма. (21). В телепередаче "Серпантин" осенью 1993 года М.Захаров снова призвал захоронить Ленина на кладбище, согласно традициям православной обрядовости, он ищет поддержки и у возрождающегося дворянского сообщества, и у русского казачества, приветствует новую российскую символику ("прекрасный двуглавый орел"), хвалит новую книгу А.Рущкого, предвидит появление на политическом горизонте сильного харизматически яркого национального лидера, отчетливо дает понять, что Ельцин отвечает этим качествам как никто другой.

К мысли о необходимости скорейшего обретения народом национальной идеи Захаров возвращается после гастролей "Ленкома" в Израиле — его сильно впечатлили встречи с соотечественниками, подавленными необдуманным отъездом из России. (На сцене "Ленкома" эта тема реализовалась в постановке Г.Панфиловым пьесы А.Галина "Сорри" с участием И.Чуриковой и Н.Караченцова) (22). Само присутствие Ельцина и Лужкова в храме, со свечами, Захаров видит знаковым событием и в статье под заголовком, заимствованным из седьмой молитвы св. Иоанна Златоуста — "Господи, даждь ми мысль благу" он призывает вернуть общество к христианскому единению: "Все выдающиеся ученые в конце жизни приходили к религии", — категорично убеждает Захаров, демонстрируя явную неосведомленность в этом деликатном вопросе: его поспешил поправить в "Литературной газете" известный ученый, член-корреспондент Академии Наук Е.Фейнберг (22). Но Захаров твердо убежден: "Истинно российскому воинству нужна церковь" (23). В контексте этих заявлений понятна восторженная поддержка восстановления архитектурных реликвий и прежде всего Храма Христа Спасителя: "Так пусть же воссоздание Храма Христа Спасителя станет остоном нового державного мышления, первой зримой строкой общественного покаяния, началом восхождения к нравственному, эстетическому восхождению, без которого Россия не сделает осознанных шагов к своему духовному и экономическому преобразению". (24). Главную заслугу в этом очистительном благородном процессе За-

харов отдает новой власти, мэру Лужкову, благодаря которому "...храм во имя Христа Спасителя вознесся над телом Москвы в одно мгновение, сразу, в едином дерзновенном порыве. ...Быть может, когда над Храмом Христа Спасителя воссияют золотые купола со святыми византийскими крестами, сердца наши, в том числе атеистические, станут чуточку добрее". (25).

Впечатляет способность Захарова придать планетарную масштабность локальной личной акции, трансформировать свой выход из КПСС, день рождения или юбилей труппы в праздник едва ли не федерального значения. Когда ТВ показывало армию уборщиков в желтых жилетах, метлами сгребавших у здания ЦК КПСС на Старой площади выброшенные многочисленными москвичами и "гостями столицы" ненужные теперь красные книжицы, Захаров как режиссер, истинный мастер "суперпрофессии", поставил "акт своего отречения" развернуто и помпезно — перед телекамерой на глазах изумленной многомиллионной публики он поджег свой партбилет и превратил его в пепел. (Заметим, грамоту советского правительства о присвоении звания Народного артиста СССР он оставил неприкосновенной и до сих пор подписывает высоким титулом афишу своего театра).

Наблюдения Захарова, сделанные в креслах депутатских собраний и президентских советов, позволили ему прийти к весомым обобщениям. "Компромисс перестает обозначать "трусость", "предательство" и вообще какой-то ущербный поступок, — убежден Захаров. — Компромисс постепенно становится элементом нормального мышления, инструментом практической работы депутатов...". В президенте СССР Захаров видит безусловного лидера нации. "Не желая славословить нашему высшему руководству, скажу: нередко приходилось удивляться тому, что Горбачеву удавалось изменять настроение такого большого количества людей. Такое умение — часть нашей режиссерской профессии, и именно с точки зрения режиссуры меня и удивляло и поражало подобное мастерство... Председательствующий проявил в тот момент и свой большой политический талант и, в какой-то степени, подлинно режиссерский дар... И такие качества нашего политического лидера я как профессионал оцениваю очень высоко" (26). (Возможно, такие оценки Захарова укрепились в нем после известного заседания Верховного Совета, на котором Горбачев столь умело направил агрессию возбужденного зала советских депутатов против выступающего А.Сахарова).

Захаров размышляет о постановке спектакля, посвященном президенту СССР: "Горбачев — великая историческая фигура. В спектакле о нем его роль мог бы сыграть Абдулов. Я за сильную власть в пору переходного периода к демократическому государству". (27). Но стремительное и неустойчивое время опережало смелые замыслы Захарова; после развала СССР страну возглавляют новые персоны и Захаров спешит их достойно обслужить. В Голливуде он принимает присвоенную Б.Н.Ельцину награду Американского фонда исполнительского искусства — "в знак признания его мужества и смелости на пути демократии, на который вступил он и его народ". "13 апреля я передал награду Президенту Российской Федерации, — отчитывается Захаров в газете "Культура", — и имел с ним беседу по самым широким вопросам нашей культуры. В беседе были также затронуты некоторые вопросы внутренней и внешней политики". (28). Более развернуто о встрече с Ельциным Захаров повествовал в "Известиях", в очерке "Визит к президенту".

Вообще, личные неформальные общения с первыми лицами страны приводят Захарова в состояние восторга и умиления, о чем он спешит рассказать широкой аудитории. "Я так и не научился обманывать, — признался Захарову в приватной беседе Б.Ельцин. — Так нельзя, — сказал я с умным видом, — повествует Захаров. — Политика — грязная вещь. Надо обманывать". Ельцин категорически не согласился. Захаров стоял на своем, "говорил, есть одно качество, за которое я, как театральный режиссер, цену нашего президента: не боится терпеть ря-

дом с собой яркие фигуры, людей новой генерации". (29). И в самом деле, рядом с собеседниками-президентами Захаров видится фигурой равновеликой, он щедро делится навыками режиссерской профессии, попутно высказывая конструктивные замечания относительно ведения общего державного дела. И президенты, и Захаров "взаимно-демократичны", к тому же с точки зрения режиссера президенты — те же зрители, а зритель, как считает Захаров всегда прав: "Как покупатель в магазине. Если ему что-то не нравится, я никогда не спорю, я всегда на его стороне" (30). В такой позиции, видимо, и заключен секрет художнического и политического "менталитета Захарова", демонстрируемое его художественное и политическое кредо как "властителя дум", озабоченного судьбой Отечества — зритель, как и покупатель всегда прав.

Известные художники, ученые, общественные деятели, приобретая популярность, авторитет, образуют в обществе своего рода "референтную группу". Доверие к ним предполагает "принятие ими полномочий" на выражение чаяний масс или интересов политических элит, или по крайней мере, определенных субкультурных сообществ. Доверие расширяет поле творческих исканий, возвышает, облагораживает, укрепляет репутацию, харизму, имидж, оно свидетельствует о признании таланта и принятии норм поведения "публичного человека", о значимости его деяний, которые ведут общество к духовному оздоровлению. Этим социально-психологическим рычагом демагогически пользуются политики, рекрутируя в ряды своих единомышленников популярных харизматических деятелей искусства, науки, спорта в ходе разного рода избирательных кампаний. Вместе с тем и сама "референтная группа" отнюдь не однородна — "официозные правдоискатели" принимают "сильную сторону" безусловно, становятся её преданными волонтерами, "приводными ремнями", и сознательно, в своих часто небескорыстных целях, противопоставляют себя "инакомыслящим", диссидентам и иным "несознательным элементам".

Конечно, между искусством и государством, художником и властью, художником и публикой при всех политических режимах возникают сложные отношения. Широковещательно артикулируя свои идеалы, художник неизбежно выступает сторонником или противником корпоративных интересов, властных сил, партийных группировок, наконец, своих коллег. Аргументируя общественную позицию, воплощаемую в своих произведениях, художники апеллируют опять же, к "высшей истине", к "правде времени", оказываются перед выбором — оставаться верным нравственным, эстетическим, художественным, гражданским идеалам, "своей правде", или сознательно подчинить творчество политическим конъюнктурным задачам, стать рупором власти, при этом пытаясь сохранить привлекательную репутацию самоотверженного правдоискателя и пр.

Время непреодолимо. Ушли из жизни А.Эфрос, Г.Товстоногов, О.Ефремов, ушли и их авторитетные наставники и покровители — С.Юткевич, А.Гончаров, В.Плучек, М.Кнебель... Основателя Театра на Таганки Ю. Любимова "отодвинул" на "старую сцену" бывший его единомышленник Н.Губенко ещё в пору своего министерского правления. Из театральных лидеров конца 1980-90-х гг. на гребне успеха остался, пожалуй, лишь М.Захаров, отважно переживший "бури и натиски" лихолетья. Хроника жизни режиссера постсоветских десятилетий — общественной, творческой, личной — насыщена значимыми событиями.

1993 год — год шестидесятилетия Марка Захарова. Он полон творческих сил и замыслов. В преддверии юбилея режиссер выпускает "Женитьбу Фигаро". 3 марта на премьеру съезжается весь правительственный бомонд во главе с предсовмином Егором Гайдаром — министры, руководители госкомитетов, советники, референты, мэр Москвы Юрий Лужков с сопровождающими высокими лицами. Александр Рущкоз откровенно признается "Я весь 92 — и начало 93-го года не смеялся. И поэтому я благодарен Театру: наконец-то засмеялся". (31)

Долг платежом красен: в апрельской телепередаче "Кино-

серпантин" Захаров хвалит новую книгу А.Рудского и уверяет, что архитектурный облик Москвы под руководством Лужкова сильно меняется к лучшему. (33).

Как гражданина глубоко волнует Захарова морально-нравственное состояние общества. "Могут ли рабы выбирать?" — задается вопросом Захаров в "Известиях" 5 ноября 1995 года, и отмечает тревожную ситуацию: "Сегодня, надо признать, рабское сознание проснулось в немалом количестве россиян и они в сладком томлении потянулись под начало родной партноменклатуры". (33). Спасение от грозящей беды Захаров видит в религии: "Пусть воссозданный Храм Христа Спасителя станет остовом нового державного мышления началом восхождения и нравственному и эстетическому прозрению, без которых Россия не сделает осязаемых шагов к своему духовно-му и экономическому преображению". (34).

В октябре 1993 года -13-го числа Захарову исполнилось 60! — звезды политики и культуры снова почтили своим посещением театр "Ленком". Вечер открылся сценами из выдающихся спектаклей юбиляра, затем — приветствия Михаила Ульянова, Екатерины Максимовой, Владимира Васильева, Иосифа Кобзона, Кристины Орбакайте, Галины Вишневской, Мстислава Ростроповича, Владимира Этуша, Андрея Вознесенского, Михаила Жванецкого, Геннадия Хазанова... Мэр Москвы Юрий Лужков выступил под псевдонимом Август Сентябрьский и подарил Захарову балалайку. Огласили и приветствие от президента Ельцина — он в эти минуты летел из Японии в Россию. (35).

Рубеж веков плодотворен для "Ленкома", но важной сферой деятельности Захарова остается политика. "Нам не нужны судьбоносные выборы, — категорично утверждает Захаров в статье в газете "Известия" — Вместе с президентом Ельциным народы России совершают сейчас отчаянный прыжок через пропасть, к которой привел нас коммунизм". (36). В той же газете год спустя Захаров пламенно приветствует государственную мудрость Лужкова и предлагает Ельцину баллотироваться на президента вторично, сравнивая его с Рузвельтом. (37).

Но остается время и для юбилеев. Чем больше прожито лет — тем пышнее празднование. 70 лет Театру "Ленком" — дата, достойная всеобщего ликования. В зале президент Б.Ельцин со свитой, ордена "За заслуги перед Отечеством" разных степеней вручаются М.Захарову, И.Чуриковой, Л.Бронеову, А.Абдулову, А.Збруеву, орден Почета Н.Караченцову. Орденами дело не ограничилось — в разделе особо ценных подарков — семь автомобилей. "Такого экстаза от слияния с властями мы не наблюдали уж лет пятнадцать, — писала потрясенная масштабами торжества журналист С.Тарошина — Речь Захарова напоминала здравицу от имени и по поручению. Мол, так и так, господа и дамы, беспрецедентный выход президента на сцену должен обрадовать все театры, так как это и есть корректировка в делах культуры" (38). Она же, уже на страницах "Общей газеты" предложила вывести и единицу измерения политической пластичности творческого индивидуума — "один Марк Захаров". "При Горбачеве он ввел "Диктатуру совести" (название пьесы М.Шатрова), отмеченную кристальной ясностью аллюзий — Ленин — Горбачев, и прямо на экране сжигал партбилет. У Ельцина он был идеологом кампании "Голосуй или проиграешь". Одновременно начиналось сближение с Лужковым... Пройдет немного времени, и Захаров сделает выбор в пользу мэра. Выбор, однако, оказался неокончательным. Стоило на политическом небосклоне взойти звезде Путина, как Марк Анатольевич тотчас поспешил в "Президент-отель" с группой граждан". (39)

Осенью 2000 года, М.Захаров вошел в инициативную группу по выдвижению в президенты России В.Путина и аргументированно поставил его в ряд выдающихся мировых политиков уровня Франклина Рузвельта. "Путин один из тех людей, которых я уважаю за деспотность, мобильность, умение говорить и, самое главное, активно и много работать. Не скрою, что в этом отношении моим кумиром долгие годы оставался и ос-

тается Юрий Михайлович Лужков. О таких фигурах, как Горбачев или Ельцин, я сейчас сознательно не говорю, потому что это — космические фигуры в нашей истории... Посмотрите внимательно: Путин делает почти то же, что делал Рузвельт: он говорит — это меня лично приятно удивило! — в том числе и о том, что у него не получилось, в чем он ошибался". (24).

Социальное чутье не обмануло Захарова: президентом избрали Путина.

Время неудержимо... 13 октября уже 2008 года на спектакле Московского театра "Ленком" в день празднования семидесятилетия его главного режиссера Марка Анатольевича Захарова среди публики оказался замечен президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Захаров был приятно удивлен и тут же пригласил Медведева в свой кабинет.

"...Старые фотографии и афиши, охапки цветов, — описывает встречу журналист "Известий", — накрытый для чаепития маленький круглый стол...

— Уже подписали? Не передумаете? — усомнился режиссер, услышав от президента об указе, награждающем его, Захарова, высшим российским орденом.

— Во-первых, уже подписал. А во-вторых, это сделано по велению сердца, а не как-то иначе, — отверг сомнения Медведев.

— Это самая высокая награда, дальше некуда. Хотя еще можно Герой России. — Захаров с серьезным лицом демонстрировал абсолютную несерьезность, не желая вести себя "как положено". — Но для этого нужно быть в "горячих точках".

— Вам лучше заниматься тем, чем вы занимаетесь, всё, что нужно совершить в жизни, вы уже совершили, — отказался от "призывника" президент.

— Я план ваш выполнил по демографии, дожил до 75... — произнес, глядя в чайную чашку, Захаров.

— А все, кто посещает театр, живут дольше, у них настроение другое, — раскрыл неожиданный секрет долголетия Медведев. — А как отмечаете? Расскажите мне, а заодно и всей стране.

— Я больше всего хотел, конечно, дематериализоваться, — вздохнул юбиляр и уже орденосец. — Но раз публичный я человек, прятаться нельзя... Вот сегодня соберемся небольшим составом...

— Небольшим — это сколько? — подвох Медведев сразу уловил.

— Да человек пятьсот, — со смехом отозвалась Александра Захарова, на сей раз игравшая в "Ленкоме" исключительно роль дочери.

— Человек пятьсот? Сопоставимо с приемом в Кремле. Думаю, будет весело. Во всяком случае, другим, не вам, все-таки юбилей — трудное дело.

Сошлись на том, что дни рождения оба отмечать не любят. "— Простите, но вы гений", — резюмировал Медведев шуточную перепалку на предмет того, верить или не верить (по системе Станиславского, конечно же) в неприятность юбилея для самого юбиляра.

...Внесли шампанское, — продолжает репортаж журналист. — Раздался звон разбившегося бокала. Если он падает из рук столь многомудрого официанта (иного рядом с президентом быть не может), значит, действительно на счастье. Но тост за себя Захаров произнести так и не дал. И самым что ни на есть обычным образом перебил президента Медведева, уже начавшего говорить о том, что коли он не попадет на прием, то... Как, наверно, перебил бы любого другого, решившего перед телекамерами говорить о его, Захарова, заслугах.

- Вы стали больше улыбаться! За вас!

- Видимо, работы стало меньше... За вас!

И вскоре и труппа "Ленкома", и просто друзья Захарова дождались своего любимого режиссера. Который и в юбилей, и без него — действительно первой степени". (41).

Корреспондент "Известий" Сергей Мамонтов сфотографировал компанию: за чаем смущенно улыбающийся Захаров с президентом, женой и дочерью. Счастливые смеющиеся лица.

...Но расслабляться, однако, рано ни хозяевам, ни гостям: осенью 2013 года грядет 80-летие Народного артиста СССР Марка Анатольевича Захарова! Согласно традиции, празднование обещает быть масштабным и красочным.

Литература:

1. Станиславский К.С. Собр. соч., в 9 т. М., 1999. Т.9. С.205
2. Анненков Ю. Дневник моих встреч, в 2 т. М., 1991. М.2. С.81.
3. Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 213.
4. Станиславский К.С. Указ. соч. Т.6. С. 251.
5. Там же. Т.9. С.238.
6. Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства. М., 1999. С.84.
7. Ефремов О. Перед премьерой. // Московская правда, 1967, 10 февраля. С. 3.
8. Смелянский А. Там же. С. 45-46.
9. Новые документы // Современная драматургия. 1996, №3. С. 249-250.
10. Гершкович А. Театр на Таганке. М., 1993. С.133.
11. "Борис Годунов" на Таганке. // Вопросы театра. М., 1990. С. 328.
12. Гершкович А. Там же. С.141.
13. Гершкович А. Там же. С.145.
14. Солженицын А. Образованщина. // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С.149.
15. Коваленко Ю. Олег Янковский: "Играть можно только дома" // Известия, 1996, 19 марта. С.4.
16. См. Соколов Н. Говорит и показывает Марк Захаров // Известия, 1992, 9 мая. С.3.
17. См.:Марк Захаров благодарит Сажу Умалатову. // Московский Комсомолец, 1991. 29 марта. С.2.
18. См.: Райкина М. У нас Марк Захаров // Московский комсомолец, 1994, 24 марта. С.3.
19. Захаров М. Нам не нужны судьбоносные выборы // Известия, 1996, 13 сентября. С.3.
20. Захаров М. Из дальних странствий возвратись... // Лит. газета, 1992, 11 марта. С.3.
21. Захаров М. Господи, даждь ми мысль благу // Известия 1994, 5 ноября. С.4.
22. Фейнберг Е. Веруете? Воля ваша. Только не надо претензий на монополию // Лит. газета, 1995, 16 января. С.4.
23. Захаров М. Война — хижинам, мир — храмам. // Известия, 1994, 5 ноября. С.4.
24. Захаров М. Там же.
25. Захаров М. Обретение компромисса // Театр, 1990, №4. С.3.
26. Московский Комсомолец, 1990, 24 сентября. С.4.
27. Борис Ельцин принял Марка Захарова. // Культура, 1992, 18 апреля. С.4.
28. Захаров М. Визит к президенту. // Известия, 1992, 22 апреля. С.3.
29. Материалы Международной конференции Союза театральных деятелей РФ "Театр и тоталитарное государство" М., 1991. С.97.
30. Безумный вечер... Лит. газета, 1993, 3 марта. С.5.
31. Новости ТВ // Экран и сцена, 1993, 8 апреля. С.5.
32. Захаров М. Могут ли рабы выбирать? // Известия, 1995, 5 ноября. С.4.
33. Захаров М. Война — хижинам, мир — храмам. // Известия, 1994, 8 октября. С.4.
34. См. Филатова Ж., Шатрова О. Безумный день... или Людям это нравится. // Невское время, 1993, 30 октября. С.4.
35. Захаров М. Нам не нужны судьбоносные выборы // Известия, 1996, 13 января. С.7.
36. Захаров М. Нетерпение. // Известия, 1997, 2 октября. С.4.
37. Тарощина С. Театр — это когда неприлично. // Лит. газета, 1997, 1 октября. С.5.
38. Тарощина С. Подхалимляне // Общая газета, 2000, 20-26 января. С.4.
39. Захаров М. "Не надо сторониться власти..." // Московский комсомолец, 2000, 15 апреля. С.3.
40. "Простите, но вы — гений" // Известия, 2008, 14 октября. С.2.

Издание номера журнала осуществлено
при финансовой поддержке компании
"О+К" маркетинг плюс консалтинг"

Оценка коммуникативных качеств виртуального собеседника на основании ника и аватара

В статье рассматриваются особенности виртуального общения в сети Интернет, где собеседники обладают крайне ограниченным кругом данных друг о друге. Представленные в работе результаты исследования доказывают способность активных интернет-пользователей дать общую коммуникативную характеристику виртуальных собеседников на основании их идентификационных знаков (ника и аватара).

Ключевые слова: коммуникация, Интернет, антропоним, ник, аватар.

Дарья Быльева

кандидат политических наук, преподаватель
СПб государственного политехнического университета

На сегодняшний день виртуальный элемент все в большей степени включается в социальную жизнь молодежи. Будучи активными пользователями сети Интернет, они оказываются включенными в сложную социальную структуру разнообразных форумов, конференций, чатов и других форм виртуального общения, где постоянно появляются новые собеседники. Как отмечает М. Кастельс, виртуальное сообщество отличается от своих предшественников (рыночного и индустриального) доминированием в своей среде прямых информационных взаимодействий между людьми [2, с. 253]. В тоже время люди, взаимодействующие в сети, оказываются скрыты от своих партнеров по общению под непроницаемой маской в виде идентификационных знаков, практически не позволяющих произвести социальную категоризацию. Таким образом, знакомство и общение в сети развивается по законам, отличным от непосредственного, физического. Не имея возможности опираться на данные, полученные в результате сенсорного опыта, индивид может оценивать только знаки, выбранные собеседником для опознавания, и его коммуникативное поведение. Главным средством оценки личности до начала общения в виртуальной реальности становятся ник и аватар, они заменяют не только имя, отчество, фамилию, но и возраст, статус, этническую принадлежность, внешний вид, одежду, жесты, походку, все, то что помогает собеседникам первоначально определить, с кем он имеет дело [1, с. 117]. Зато в отличие от традиционной антропонимической схемы, сетевые идентификационные знаки выбираются индивидом самостоятельно и поэтому несут некоторую смысловую нагрузку и демонстрируют личные особенности.

Возникает вопрос, насколько верно искушенные интернет-пользователи могут оценить коммуникативные качества своего потенциального собеседника в сети по его идентифицирующим знакам. Для ответа на этот вопрос было проведено пилотажное исследование, на первом этапе которого из пятидесяти разнообразных пар "ник плюс аватар" были выбраны восемь самых "необычных" и "раскрывающих индивидуальность", на втором этапе лица, скрывающиеся за выбранными виртуальными идентификаторами, описали свой виртуальный образ по 12 предложенным характеристикам, а на третьем этапе оценка была произведена 270 активными интернет-пользователями (молодыми людьми в возрасте 18-25 лет). Активными признавались лица, проводящие в сети в среднем не меньше часа в день (причем из них 37% находятся в виртуальном взаимодействии от часа до трех, а 41% — больше трех часов в сутки).

Оценивать "ник плюс аватар" было предложено с помощью семантического дифференциала, описывающего полярные суждения по следующим характеристикам, представляющим

образ коммуникативного поведения в сети:

- приветливость ("Я всегда показываю свое истинное отношение к человеку" — "Я веду себя мило и приветливо со всеми"),
- желание нравиться ("Мне безразлично, что обо мне думают другие" — "Я хочу понравиться всем, с кем общаюсь"),
- общительность ("Не хочу иметь виртуальных друзей" — "Стараюсь быть открытым для общения, заводить как можно больше знакомств"),
- стеснительность ("Я всегда открыто говорю, что думаю" — "Иногда я стесняюсь высказать свое мнение открыто"),
- желание флиртовать ("Меня не интересуют романтические отношения в интернете" — "Люблю флиртовать"),
- любовь к веселым компаниям ("Предпочитаю ампулу одинокого отшельника или таинственного странника" — "Люблю собирать вокруг себя веселые компании"),
- вежливость ("Могу, если меня вывести из себя", высказаться нецензурно" — "Всегда общаюсь, соблюдая нормы вежливости"),
- конфликтность ("Не люблю спорить, не буду ввязываться в спор даже по важным для меня вопросам" — "Всегда буду отстаивать свою точку зрения, последнее слово должно остаться за мной"),
- романтичность ("Мне ближе жесткость и брутальность. Нежности не для меня" — "Преподношу себя как тонкую, романтическую натуру"),
- готовность говорить о личном ("Могу обсуждать общие проблемы, не раскрывая ничего личного" — "Готов говорить о личном"),
- чувство юмора ("Я всегда серьезен, предпочитаю шуткам конструктивную беседу" — "Постоянно шучу, у меня прекрасное чувство юмора"),
- зрелость ("Поддерживаю образ наивного и чистого создания, возможно, ребенка" — "Хочу, чтобы меня воспринимали как взрослого и умудренного опыта")

Нас прежде всего интересуют те качества исследуемых образов, которые были оценены респондентами отлично от среднего значения в 0 баллов (меньше -0,5 и выше +0,5).

В таблице представлены исследуемые пары "ник плюс аватар", а также характеристики и баллы, отличные от среднего, совпадающие по направлению оценки. Для 7 из 8 исследуемых пар было верно определено как минимум одно качество.

Мы говорим об оценке виртуального образа, а не самого индивида, так как о соответствии своего образа себе заявила только половина обладателей исследуемых ников и аватар. Из таблицы видны главные качества, приписываемые интернет-образам, совпадающие с их собственной оценкой: "Конец све-

Таблица. Исследуемые идентификационные знаки и оценка их характеристик

	ник	аватар	характеристика общения в сети	Оценка собственного образа	оценка респондентам и
1	Конец света		приветливость желание нравиться стеснительность вежливость готовность говорить о личном	-2 -1 -2 -2 -1	-1 -1 -0,8 -0,9 -0,6
2	Монах		общительность желание флиртовать любовь к веселым компаниям	1 1 1	0,7 0,6 0,6
3	Кошка Гокудеры мурлыкает, но дрянь		желание нравиться стеснительность конфликтность вежливость	-2 -2 2 -2	-0,7 -0,7 0,8 -0,9
4	Капитан Стакан		чувство юмора любовь к веселым компаниям вежливость	1 2 -1	0,9 0,6 -0,6
5	Decadance		романтичность	1	1,1
6	Королева Фьють-Фьють		конфликтность	1	0,6
7	Кукла		романтичность	1	0,7

та" — откровенность, "Монах" — общительность, "Кошка Гоку-деры мурлыкает, но дрянь" — грубость, "Капитан Стакан" — чувство юмора, "Decadance" и "Кукла" — романтичность, "Коро-

лева Фьють-Фьють" — конфликтность. Единственный образ, который вообще не получил ни одной оценки, отличной от нуля (плюс-минус пол балла), имел ник "Обитель сна". Вероятно,

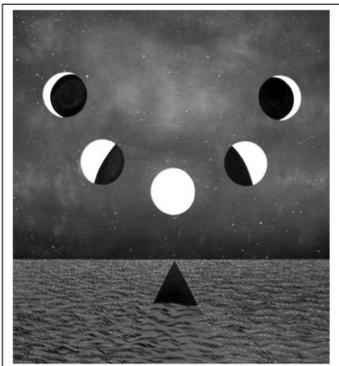
в данном случае не поддающиеся формализации изображение и его столь же туманное вербальное дополнение позволили респондентам составить слишком разные представления об индивиде, скрывающемся за ними. И таким образом результаты нивелировались.

Для ряда виртуальных персонажей респондентами были названы качества, несоответствующие самооценке его автора. Всего таких ошибок было шесть и не больше одной на каждый образ. Четыре из шести ошибок оказалось в оценке "приветливости" (приветливостью были неверно наделены "Монах", "Decadance" и "Кукла", неприветливым оказался "Кошка Гокудеры").

Если проанализировать сделанные ошибки, то видно, что предложенные качества являются логическим продолжением выбранного образа, тогда как оценка автора образа указывает на некую особую черту, выпадающего из общего плана. Допустим, "Конец света" описывается как закрытый и резкий виртуальный собеседник. Верно определены качества: неприветливость, отсутствие желания нравиться, вежливости и стеснительности, не готовность говорить о личном, также присутствует отрицательная оценка желанию флиртовать (-0,6). В то же время авторская оценка готовности флиртовать в сети равна 1. Похожий образ у "Кошка Гокудеры мурлыкает": нежелающий нравиться, не чувствующий стеснения, невежливый, к тому же конфликтный. Продолжая цепочку, респонденты отказывают этому образу в приветливости (-0,8), тогда как автор образа утверждает, что он "стремится быть милым и приветливым со всеми" (+1).

Совершенно противоположный образ "Монах" верно описан как "душа компании": общительный, желающий флиртовать, любящий веселые компании, к этому добавлено качество "приветливость" (0,7), однако его автор оценивает себя как неприветливого (-1). Образ "Королева Фьють-Фьють" заставил респондентов предполагать у данного персонажа хорошее чувство юмора (0,6), однако самооценка указывает на серьезность (чувство юмора — минус один).

Вызывает интерес, на виртуальный или визуальный образ в большей степени опираются респонденты, оценивая виртуальных собеседников. Большинство молодых Интернет пользо-

вателей ориентируются на совокупный образ дополняющих друг друга ника и аватара (44%), 23% — основывали оценку на аватаре, 18% — на нике, 15% указывают на разные грани, которые создают ник и аватар. Однако для некоторых образов данные значительно отличаются от средних. Особенно выпадает из общего ряда персонаж "Монах", у которого визуальный образ резко не совпадает с семантическим значением. Он был оценен прежде всего на основании аватара (39%) и как "разные грани образа", создаваемые ником и аватаром (36%). Для нескольких образов ник оказался более важным, чем аватар: "Обитель сна" (29% vs. 10%), "Кошка Гокудеры мурлыкает, но дрянь" (21% vs. 16%), "Конец света" (20% vs. 14%) "Капитан Стакан" (19% vs. 11%). Представляется, что у этих персонажей вербальный образ более информационно насыщен, чем визуальный. Сами авторы виртуальных образов в большинстве своем на вопрос "Что раскрывает Ваш образ больше никнейм или аватар?" ответили, что они дополняют друг друга. Однако на главенство ника указывают "Капитан Стакан" и "Кошка Гокудеры", а аватар больше раскрывает суть образа "Decadance".

Исследование показывает, что активные пользователи Интернета в большинстве своем способны верно оценить коммуникативные особенности своего виртуального собеседника, опираясь на его идентификационные знаки. При этом молодые люди опираются обычно на совокупное впечатление от ника и аватара, в большей степени полагаясь на тот из компонентов, который более информационно насыщен. Тем не менее, сетевые жители могут скорее определить одну коммуникативную черту интернет-образа, чем составить целостный портрет собеседника.

Литература:

1. Быльева Д.С. Самоименование личности в Интернете // Социально-гуманитарные знания в СПбГПУ / Под ред. проф. И.Е. Тимерманиса. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С.117-121
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Изд-во гос. ун-та высш. шк. экономики, 2000
3. Степанова А.Н., Сивирин Б.С., Игнатьев В.И., Владимирова Т.В., Левицкий Ю.В. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009

Тайное оружие PR-специалистов fashion-рынка (обзор популярных PR-инструментов на примере анализа информационной активности джинсовых брендов)

Статья посвящена анализу информационного поля fashion-рынка с обзором популярных PR-инструментов. В статье проводится анализ информационной активности 7 джинсовых брендов: Calvin Klein Jeans, Diesel, G-Star, Guess, Levi's, Replay, Tommy Hilfiger, на примере которых характеризуется работа PR-служб этих брендов и раскрываются используемые ими PR-инструменты, являющиеся наиболее распространенными во всей отрасли fashion.

Ключевые слова: PR, PR-анализ, PR-инструменты, fashion-рынок, СМИ, мониторинг, информационное поле, джинсы, джинсовые бренды

Наталья Стенина,
руководитель отдела аналитики
Лилия Глазова,
генеральный директор
компания PR News (Москва)

Листая яркие глянцевые журналы и газеты с броскими заголовками, просматривая интернет-сайты и прочитывая ленты новостей, каждый из нас, так или иначе, попадает под влияние рекламы и PR. Не секрет, что компании, заинтересованные в продвижении своих товаров и услуг в СМИ, используют PR-продвижение и рекламу. Особенно это касается участников fashion-рынка, активно использующих СМИ для создания своего уникального имиджа и увеличения доли продаж.

Баланс использования того или иного инструмента (PR или рекламы) в борьбе за внимание читателей определяется коммуникационной стратегией, отражение которой можно увидеть в СМИ.

Как минимум три простых типа продвижения можно выделить:

1. Продвижение через модульную рекламу.

В этом случае мы наблюдаем в СМИ преимущественно рекламные макеты и минимум какой-либо другой информации.

2. Продвижение через PR-публикации.

В этом случае в СМИ наблюдается преимущество различных визуальных и текстовых упоминаний. Рекламных макетов или нет совсем, или их количество сведено к минимуму и появляется в СМИ нерегулярно.

3. Продвижение через статьи, опубликованные на правах рекламы (Advertorials).

Этот тип продвижения востребован преимущественно в работе с глянцевыми и развлекательными СМИ. От PR-публикаций Advertorials отличает указание на коммерческий характер публикации (подпись "реклама" или "на правах рекламы" и т.п.), а также однообразие (макет такой публикации не меняется, где и когда бы она не печаталась).

Рекламные макеты и Advertorials объединяет то, что их содержание остается неизменным при размещении в разных СМИ и публикуются исключительно за деньги. С PR-публикациями все гораздо интереснее. Поддерживать интерес и лояльность читателя к компании/бренду можно с помощью разных способов (назовем их PR-инструментами).

Если говорить о fashion-рынке и, в частности, о брендах, продающих джинсовую одежду, то соотношение модульной рекламы и PR-публикаций в печатных СМИ составляет 5% и 95% соответственно (см. диаграмму 1)¹, что не оставляет сомнений в том, что работа PR-служб имеет здесь большое значение.

Рассмотрим более подробно информационный поток (а

именно, PR-публикации) за 2011 год по семи брендам (Calvin Klein Jeans, Diesel, G-Star, Guess, Levi's, Replay, Tommy Hilfiger)².

Диаграмма 1.
В печатных СМИ PR-публикации значительно преобладают над рекламными макетами (бренды джинсовой одежды, январь-декабрь 2011 год)

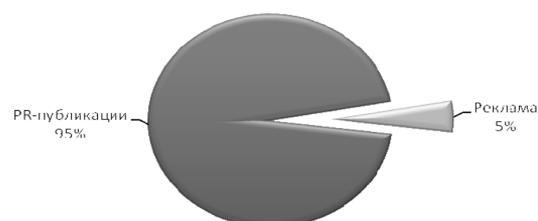
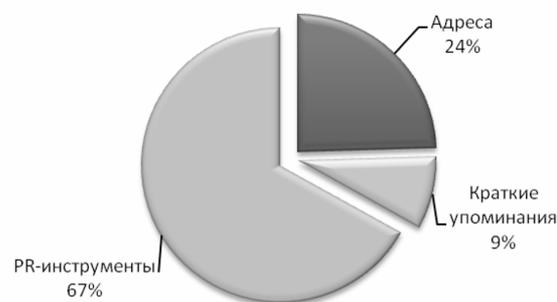

Диаграмма 2.
Около 2/3 PR-публикаций представляют собой различные PR-инструменты (бренды джинсовой одежды, январь-декабрь 2011 год)

Пятерку лидеров пресс-рейтинга (рассчитывается на основе количества публикаций по каждому из брендов) составляют (см. Диаграмму 3):

1. Diesel
2. Levi's
3. Guess

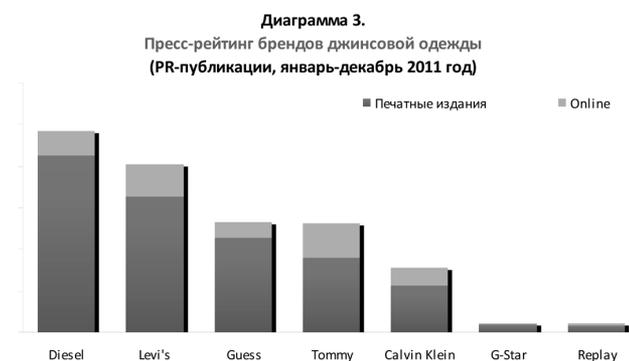
^{1,2} По результатам мониторинга 167 изданий (из них: 91 печатных и 76 интернет-изданий) за период с января по декабрь 2011 года. Отбирались и анализировались сообщения по следующим торговым маркам: Calvin Klein Jeans, Diesel, G-Star, Guess, Levi's, Replay, Tommy Hilfiger.

4. Tommy Hilfiger
5. Calvin Klein Jeans

Активность этих брендов составляет в среднем 25-80 публикаций в месяц, тогда как G-Star и Replay — 3-4 публикации в месяц.

Важно отметить, что PR-размещения в печатной прессе по количеству значительно превышают размещения в online-изданиях. Tommy Hilfiger и Calvin Klein Jeans больше остальных уделили внимание продвижению в online-изданиях — 32% и 27% соответственно.

A Diesel и Guess, напротив, сделали упор на продвижение в печатной прессе.

Почти четверть (24%) от сообщений, которые нельзя отнести ни к модульной рекламе, ни к публикациям на правах рекламы, составляют упоминания брендов в рубриках "Адреса" глянцевого журналов, где публикуются координаты фирменных магазинов брендов. Также отдельного внимания заслуживают краткие "стихийные" упоминания брендов в статьях (буквально на 1-2 слова). Такие сообщения редко являются непосредственным результатом усилий PR-специалистов, но в целом отражают уровень узнаваемости бренда: чем лучше его помнят, тем чаще о нем упоминают даже без повода. Остальные сообщения являются инициативой PR-служб, которые, в свою очередь, имеют в своем арсенале многочисленные инструменты воздействия на аудиторию (мы будем называть их "PR-инструментами").

Среди PR-инструментов, активно используемых при продвижении брендов одежды и аксессуаров, можно выделить следующие (см. Диаграмму 4):

- Предметная фотосъемка или продуктовая раскладка — фото одежды/обуви/аксессуаров с указанием бренда и, в некоторых случаях, цены.
- Предоставление одежды для моделей (модельная фотосъемка) — в отличие от предметной съемки, одежду демонстрирует модель.
- Рекламные/маркетинговые акции, скидки, специальные предложения — информационные сообщения о проводимых или планируемых акциях в магазинах.
- Новая коллекция — информационные сообщения (преимущественно анонсы) о новой коллекции бренда.
- Показ мод — модные репортажи с показов коллекций бренда.
- Работа с celebrities — чаще всего проявляется в предоставлении одежды для фотосессий известных персон.
- Новости об открытии магазинов — сообщения об открытии фирменных магазинов, называющих, как правило, не только дату открытия, но и раскрывающих концепцию бренда и актуальной на момент открытия коллекции.
- Street Fashion, так называемый "стиль улиц" — фото стильных людей на улице и в общественных местах с указанием брендов одежды, которая на них одета.

- Новости компаний.
- Brand story — развернутые обзорные публикации об истории бренда, его становлении, этапах развития и перспективах на будущее.
- Светская жизнь — репортажи с вечеринок, праздников и других мероприятий, организованных при поддержке бренда. А также присутствие представителей компании на страницах светской хроники.

Диаграмма 4.
Наиболее популярным PR-инструментом является визуальная демонстрация продуктов (предметная и модельная съемка) (PR-публикации, бренды джинсовой одежды, январь-декабрь 2011 год)

Стоит отметить, что около половины сообщений приходится на исключительно визуальную демонстрацию продуктов (52%) — предметную и модельную фотосъемку. И именно эти инструменты наиболее активно используют все исследуемые бренды, однако различия в использовании PR-инструментов у разных брендов все-таки есть.

Диаграмма 5.
Использование наиболее популярных PR-инструментов лидерами рейтинга (в процентах от общего количества публикаций с использованием PR-инструментов по каждому бренду)* (PR-публикации, бренды джинсовой одежды, январь-декабрь 2011 год)

* Несмотря на то, что визуальное продвижение продуктов является наиболее популярным и часто используемым инструментом, каждый бренд в своем PR-продвижении расставляет свои приоритеты. Так, почти в половине случаев (49%) Guess представлен в СМИ посредством предметной фотосъемки. Diesel почти в равной степени использует и предметную, и модельную фотосъемку (32% и 30% соответственно). Calvin Klein Jeans также использует предметную съемку (34%) и информирует о проводимых специальных акциях (28%). Довольно значительная доля упоминаний Tommy Hilfiger связана исключительно с показами мод - 28%. Остальные инструменты продвижения не набирают и 20% по частоте использования. Levi's в качестве приоритетов выбрал визуальное продвижение в совокупности с поддержкой новых коллекций и рекламных акций.

В целом, относительно пятерки лидеров пресс-рейтинга, можно отметить следующее:

Diesel

- о Наиболее активно использует продвижение продуктов через предметную фотосъемку и предоставление одежды для моделей (32% и 30% от общего количества упоминаний бренда (исключая адреса и краткие упоминания)).
- о Заметна активная работа по поддержке рекламных и маркетинговых акций (8%).
- о Наблюдается формирование имиджа марки как законодателя моды (упоминание модных показов марки составляет 7%).
- о Использует продвижение через авторитет — 6% (работа с celebrities (предоставление одежды для фотосъемок "звезд", рекомендации по стилю и т.д.). По работе с celebrities бренд уступает только Levi's.
- о По сравнению с конкурентами Diesel неактивно информировал читателей о новой коллекции одежды в магазинах — 4%.

Levi's

- о Использует в своей работе максимум PR-инструментов по сравнению с конкурентами.
- о Также как Diesel активно использует продвижение продуктов через предметную фотосъемку и предоставление одежды для моделей (27% и 22% от общего количества упоминаний бренда (исключая адреса и краткие упоминания)).
- о Информировал читателей о новых коллекциях — 16% и о своих рекламных и маркетинговых акциях (14%).
- о Активнее конкурентов использует продвижение через авторитет — 8% (работа с celebrities (предоставление одежды для фотосъемок "звезд", рекомендации по стилю и т.д.).
- о Отдельного внимания заслуживает наиболее активное по сравнению с конкурентами появление Levi's в рубриках Street Fashion (фото людей на улицах города и в общественных местах с информацией о том, что на них надето) — 3%, что формирует образ марки как доступной, повседневной и популярной.
- о На ряду с Calvin Klein Jeans не использует информацию по показам модных коллекций в качестве продвижения бренда (0,4%).

Tommy Hilfiger

- о Единственный бренд, максимально активно упоминающийся в связи с показами мод (28%).

- о Предметная фотосъемка и предоставление одежды для моделей составляют 17% и 15% соответственно.
- о Довольно активно информирует читателей о новых коллекциях — 14%.
- о Поддержка рекламных и маркетинговых акций составляет 9%.
- о Неактивно работает с celebrities — 3%.

Guess

- о Предпочитает продвигать свои продукты через предметную фотосъемку — 49% от общего количества упоминаний бренда (исключая адреса и краткие упоминания). Предоставление одежды для моделей используется значительно реже — 11%.
- о Информировал читателей о своих рекламных и маркетинговых акциях (12%).
- о Новые коллекции в целом практически не продвигает — 4%.
- о Формирование имиджа марки с помощью показов мод и celebrities также практически не происходит — 6% и 3% соответственно.

Calvin Klein Jeans

- о Использует минимальное количество PR-инструментов. Анализ используемых PR-инструментов позволяет сделать вывод о том, что основной целью PR-стратегии бренда является поддержка рекламных кампаний.
- о Как и Guess, предпочитает продвигать свои продукты через предметную фотосъемку — 34% от общего количества упоминаний бренда (исключая адреса и краткие упоминания).
- о Значительную долю составляют сообщения по поддержке рекламных акций — 28%.
- о Довольно активно информирует читателей о новых коллекциях — 14%.
- о Аналогично, как и Guess, формирование имиджа марки с помощью показов мод и celebrities у Calvin Klein Jeans практически не происходит — 2% и 1% соответственно.

Несмотря на то, что в этом обзоре мы затронули только часть наиболее популярных форматов продвижения, очевидно, что даже с помощью этого ограниченного списка инструментов различные бренды создают свой уникальный "отпечаток" в СМИ, проникая в умы читателей и призывая их заглянуть в ближайший салон, чтобы примерить что-то "эффектное", "модное" и "практичное" из очередной новой коллекции.

Информация о компании PR News:

"PR News" — специализированное агентство по мониторингу СМИ и PR-анализу. Агентство работает на рынке с 1995 года. За это время им накоплен десятилетний опыт мониторинга прессы по различным направлениям. Основными услугами компании являются: медиа аналитика/контент-анализ, анализ PR-кампании (ROI), оценка KPI, оценка репутации компании, конкурентный анализ, кризисный мониторинг, мониторинг социальных медиа, мониторинг рекламы в прессе и др.

Компания PR News является членом AMEC (The International Association for Measurement and Evaluation of Communication) — Международная Ассоциация по медиаизмерениям и оценке коммуникаций, а так же членом FIBEP (Federation Internationale Des Bureaux D'Extraits DE Presse) — Международная Ассоциация мониторинговых агентств.

Для получения дополнительной информации о компании Вы можете обратиться к менеджеру по развитию бизнеса Зелковской Светлане:

Тел. (495) 789-42-59, e-mail: szelkovskaya@prnews.ru

www.prnews.ru

История нашей социологии — свидетельства действующих лиц

Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 418 с.
 Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 1343 с.
 Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 3: Биографическое и автобиографическое PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 400 с.

Олег Божков
 Социологический институт РАН

Издательская аннотация

В 3-томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторовой обсуждаются результаты его историко-научно-ведческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна этой работы определяется установкой автора на освещение прошлого-настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в развитие ее теории, методологии и методов.

Том 1 — "Биографии и история" — является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы тома 2 — "Беседы с социологами четырех поколений", — образуют эмпирическую базу исследования. Это — 44 глубинных биографических интервью, которые были про-

Хотя рецензия не предусматривает включение издательских аннотаций, я рискнул нарушить это правило, ибо эта аннотация, во-первых, лаконична; а, во-вторых, сразу вводит читателя в курс дела.

Безусловно, выход в свет этого трехтомника — большое событие в жизни российского социологического сообщества. Но, что также важно отметить, — это и жизненный подвиг его автора, Бориса Зусмановича Докторовой. Подвиг поиска своего места в жизни в сложных биографических обстоятельствах, подвиг верности самому себе. И меня несколько не смущает высокая пафосность этих слов.

Путь к этой книге был очень не прост. Начало его — в обращении к истории американских опросов общественного мнения. Стимулом к "повороту" в сторону России, я думаю, стала рубрика "Ретроспектива" в "Социологическом журнале" и публикации в ней первых интервью Геннадия Семеновича Батыгина с "отцами-основателями" советской социологии 60-х годов. А может быть, таким стимулом послужила книга "Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" (СПб, 1999). Во всяком случае, мне кажется, что эти публикации "подсказали" Борису Докторову путь "возвращения на Родину" (пусть и символического) и путь к самому себе, как российскому ученому и человеку.

Да и сам автор описывает в первом томе, как пришел к этой тематике. Вполне возможно, что мы с ним выделяем разные причины и стимулы. Но, думаю, что читатель не найдет здесь непримиримых противоречий.

ведены Б.З. Докторовым в 2005-2012 годах с российскими социологами разных поколений. Среди них: А.Н. Алексеев, А.Б. Гофман, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Г. Ионин, Н.И. Лапин, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов.

Название тома 3 — "Биографическое и автобиографическое" в полной мере отражает его содержание. В нем рассказано о жизни ряда социологов, чье творчество и чьи гражданские позиции особенно близки автору. В частности, это — портреты: Г.С. Батыгина, В. Б. Голофаства, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, представлены фрагменты его переписки с И. С. Коном. Завершают книгу материалы, объясняющие, как автор шел к разработке историко-биографической тематики и что его удерживает в ней долгие годы.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов, и прежде всего, ВУЗовским преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области истории российской социологии.

Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

Борис Докторов нашел единственно возможный в его жизненных обстоятельствах современный способ — интервью по электронной почте — реализации продолжения проекта, начатого Г. Батыгиным. Не только нашел, но и довел его до такого уровня, что сегодня можно говорить о методе биографического интервью Б.Докторовой. Может быть, этот метод еще далек от совершенства, но это, — безусловно, метод.

Конечно, как у всякого нового, у этого метода есть и сторонники, и противники. Новации Б.Докторовой "спровоцировали" ряд дискуссий. Назову здесь раздел "Фрагменты дискуссии об использовании биографического метода для исследования российской социологии" в книге "Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации", М.: Научный мир, 2010. — 480 с.; а также дискуссию "Биография и биокритика" на МБИ-Форуме.

Впрочем, "кухню" своего метода автор ни от кого не таит. Она описана в том же первом томе этого издания. В этом же томе читатель найдет и обоснования метода, и критерии, по которым автор выделяет, как минимум, четыре поколения советских социологов. Может быть, не все согласятся с предложенной автором аргументацией. Но его аргументация не только имеет право на существование, но лично мне представляется вполне основательной.

Во втором томе — самом объемном (почти 1500 страниц) — в четырех разделах (по числу выделенных автором поколений) представлены тексты 44 интервью. Каждому разделу предпосланы "замечания общего характера". В этих замечаниях

описываются ключевые признаки, на основании которых автор относит тех или иных героев именно к данному поколению. Каждый читатель сам определит свое отношение к этим критериям. Однако некоторые недоумения возникают. Не буду приводить здесь конкретные примеры, исключительно из этических соображений, дабы не ущемить нечаянно чье-нибудь самолюбие. Но у меня возникло впечатление, что в некоторых (правда, редких) случаях решающим признаком оказывался именно биологический возраст персонажей.

Ценность второго тома, конечно же, — в самих интервью, которые можно рассматривать, как важный источник информации, как первооснову для последующих исторических и социологических изысканий и анализа. Это, действительно, "свидетельские показания" самих участников и творцов, действующих лиц нашей истории. Но автор не ограничивается только накоплением "исходных данных".

Уже в первом томе несколько глав посвящено осмыслению методологического статуса биографических материалов. А в третьем томе автор демонстрирует некоторые подходы к анализу биографических и автобиографических данных и примеры такого анализа.

Рассматриваемый 3-х томник — только часть большого исследовательского проекта: "Международная Биографическая

инициатива"¹, который Борис Докторов ведет вместе с другим нашим соотечественником, профессором университета Невады Дмитрием Шалиным. Это огромный архив не только биографических материалов российских/советских социологов, он содержит также документы истории советской социологии; статьи, посвященные теории и методологии биографических исследований. В последнее время вокруг этого проекта сформировался "незримый колледж" — круг людей, серьезно размышляющих о проблемах изучения истории российской социологии, о значении биографических данных в этой работе, о взаимовлияниях истории и биографии.

О дискуссии "Биография и биокритика" на МБИ-Форуме уже упоминалось в начале этой рецензии. Позиции участников этой дискуссии далеко не всегда совпадают — на то и дискуссия, — но объединяет их высокий профессионализм, искренняя заинтересованность в предмете дебатов и, если использовать слова известной песни: "Святая к музыке любовь".

А закончить хотелось бы заключительными словами предисловия от издателя: "Таким образом, 3-х томник содержит итоги различного рода историко-биографических поисков, касающихся современной российской социологии. Но поиски не завершаются. Они продолжают..."

¹ Интернет-адрес архива "Международная Биографическая инициатива" <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>